Антология "Миры Подземья"

Forgotten Realms - 1

Марк Энтони
Эд Гринвуд

SHOUT
SHARE
IT

- ВВЕДЕНИЕ
- ОГНИ НАРБОНДЕЛЬ — Марк Энтони
  - Глава 1. Мастер оружия
  - Глава 2. Матрона-мать
  - Глава 3. Принц-паж
  - Глава 4. В огонь
  - Глава 5. Приглашение к славе
  - Глава 6. Превращение
  - Глава 7. Служить…
  - Глава 8. Реликвии
  - Глава 9. Паучья драгоценность
  - Глава 10. Гоблин у ворот
  - Глава 11. Нарушитель
  - Глава 12. Носящий Кинжал
  - Глава 13. Улыбка Лолт
  - Эпилог
- ТИХИЙ ДЕНЬ В СКУЛЛПОРТЕ — Эд Гринвуд
- ОБРЯД КРОВИ — Элейн Каннингем
  - Глава 1. Путешествие во тьме
  - Глава 2. Тени в Багровом
  - Глава 3. Великое приключение
  - Глава 4. Первая кровь
  - Глава 5. Убей или умри
  - Глава 6. Вспоминая кошмары
  - Глава 7. Ритуал
  - Глава 8. Дочь своего отца
- МОРЕ ПРИЗРАКОВ — Роджер Е. Мур
- ВОЛО В МЕНЗО — Брайан М. Торнсен
  - В трущобах Скуллпорта
  - В Гроге Джентльмена
  - Прогулки в темноте
  - Путь в Мензоберранзан
  - У города
  - Мензоберранзан
  - Возвращение в ГД
- ПОСТСКРИПТУМ

ВВЕДЕНИЕ

В издательстве

В оффисе Тим Ватердип Лимитед, самой преуспевающей издательской фирмы на всем Фаэруне, последние несколько недель царило напряжение. Джастин Тим, самый удачливый издатель Фаэруна, беспокоился о предстоящих публикациях. В Городе Роскоши было хорошо известно, что ТВЛ (как обычно называли издательство) собирается выпустить две самых ожидаемых своих книги.

Роман *Кормир* был широко разрекламирован, и число заказов на него уже побило прежний рекорд для первого романа в серии. У *Путеводителя Воло по Долинам* были все шансы стать самым успешным томом в серии путеводителей, которые писал журналист, претендовавший на титул самого опытного путешественника в мире.

Без сомнений, в настоящий момент список ТВЛ был на высоте, и все же Джастин Тим был озабочен. В отличии от покупателя, продавца или читателя, издатель редко беспокоится о тех книгах, что уже издаются. Его беспокойство вызывает обычно список на следующий сезон, книги, которые еще только редактируются и готовятся для публикации; и расписание на следующий год — книги, по которым еще надо заключить контракты, обеспечивая успешность работы фирмы в будущем.

Джастин Тим был обеспокоен, поскольку пока что ничего обеспечивавшего успех на его письменный стол не попало, и нечем было подкрепить текущий урожай бестселлеров.

Хотя обсуждалась книга, следующая за *Кормир*, (возможно сиквел, а может быть нечто совершенно независимое, например *Эвермит*), автор ее, Гринвуд Грабб, начинал демонстрировать симптомы “звездной болезни”, и потел над каждым словом. *Кормир* был написан во время ежегодного отдыха стареющего ученого, а теперь Грабб завил, что новая вещь займет втрое больше, выразившись в том смысле, что артисту надо дать время на то, чтобы могли течь творческие флюиды. Тим предполагал, что флюиды будут течь достаточно высокоградусные, и течь они будут пока не исчезнет гонорар за предыдущую книгу. Так что ученый заставит себя заняться следующим опусом только тогда, когда его окончательно прижмет. К сожалению, в зависимости от экстравагантности вкусов автора это могло растянуться на несколько сезонов. Конечно, успех книге — когда она наконец

выйдет — был практически обеспечен, но никто, и в особенности кредиторы ТВЛ, не ожидали от издательства приостановки работы до этого времени.

Куда более неприятным для Джастина были, однако, обстоятельства вокруг другой серии.

ТВЛ всегда было единственным издательством книг легендарного Волотампа Геддарма, и Тим всегда рассматривал успех многочисленных “путеводителей Воло” как продукт истинного партнерства в издательском деле. Он полагал, что Воло рассматривает его больше чем как просто издатель, возможно даже что-то вроде отца (или, скорее, старшего брата — возраст их не настолько отличался). И сам он думал о Воло не просто как о наемном авторе; он был дойной коровой издательства, курицей, несущей золотые книги. Он был большой редкостью: надежный автор.

Это воистину было благословенное богами сотрудничество. По крайней мере, еще несколько месяцев назад.

Джастин поскреб лысину. Уже давно лишившись волос, теперь он еще обзавелся множеством морщин, взбиравшимся наверх от бровей. Он никак не мог понять, что за кошка между ними пробежала.

Они договорились встретится за ланчем, как то было у них в обычае, но Воло послал сообщение, отменявшее встречу, по причине занятости. Джастин тогда ничего особого не подумал. Просто решил, что Воло стыдится встретится с ним, не в состоянии предложить никакого нового проекта для печатного станка ТВЛ, особенно учитывая, что его *Путеводитель по Тенистой Долине* уже прошел половину производственного цикла. Пожав плечами, Джастин решил отдохнуть остаток дня.

На следующий день, явившись в оффис, он обнаружил, что Воло заходил в середине дня, потребовав плату за какую-то рукопись, которую, как он утверждал, должны были доставить тем же утром. Если бы Джастин был на месте, можно было бы уладить дело; но слишком эмоциональный работник (позднее уволенный) довольно грубо обошелся со звездой издательства, к тому же прочитав ему нотацию за невыполнение обещаний перед уважаемым издателем (по поводу ланча).

С тех пор от автора не было слышно ни слова, и Джастин был весьма обеспокоен.

“Куда мне теперь посылать следующий платеж по гонорару?” волновался издатель. “И главное, что теперь будет с новым путеводителем Воло? Мы говорили насчет региона Лунного Моря. Без этого список на следующий год опустошен как Битва Костей.”

Пейдж Латур, последняя в длинном списке его секретарей,

войдя в оффис осталась незамеченной погруженным в себя боссом. “Джастин, то есть мистер Тим”, сказала она, отрывая его от беспокойных мыслей, и протянула ему запечатанный пергамент. “Посыльный только что оставил это для вас”.

“Наверно еще один желающий публикаций”, остутствующе сказал издатель. “Отошлите это назад не читая. Процедуру вы знаете”.

“Я думаю, вам стоит посмотреть это”.

“Не сейчас”, вежливо ответил он. “Разберитесь с этим, пожалуйста, и не отвлекайте меня”.

“Но босс”, настаивала она, “В самом деле, я думаю вам стоит прочесть. Это от какого-то парня по имени Волотамп, и я подумала, может вы сможете его уговорить чуть укоротить имя, и занятся этими путеводителями Воло, о которых вы сейчас так беспокоитесь”.

“Волотамп?” переспросил Тим, отвлеченный от печальных раздумий.

“Да, босс”, ответила она. Погладив себя по голове она добавила, “Отличный план я придумала, правда?”

“Дайте-ка мне письмо”, приказал издатель.

“Конечно”, ответила Пейдж. “Могу я теперь быть редактором? Вы обещали показать мне как это делать, но пока что показали только…”

Джастину хватило одного взгляда на почерк чтобы мгновенно опознать руку.

“Мисс Латур”, прервал ее Джастин. “Это не лучший кандидат на роль фальшивого Воло”.

“Нет?” спросила она, удивленная реакцией босса.

“Нет, это от Воло настоящего”, ответил он.

“Вот как”, проворчала она, даже не пытаясь скрыть разочарования. “Думаю, я еще не готова быть редактором”.

Мисс Латур быстро вышла из оффиса, а Тим углубился в чтение.

Джастин,

Все прощено.

Путеводитель по Лунному Морю еще в работе, но к сроку закончу.

Можем обсудить том по Магии когда я вернусь (могу я предложить ланч?)

До этого, пожалуйста, подыщи мне в Зале Корабелов какой-нибудь кораблик (ты же знаешь, мои гонорары позволят не только это).

Всего хорошего,

Воло

P.S. Я работаю над другим проектом, который заставит путеводитель по Лунному Морю выглядеть как прошлогодний ‘Кто есть кто в Зентарим’, но пока что я собираюсь держать тебя в неведении насчет него (Хи-хи!)

Издатель несколько раз перечел письмо, одновременно вытирая бровь развязанным галстуком. Он был рад, что трения возникшие по неизвестной причине вроде бы разрешены, но все еще не был полностью успокоен. Значит ли это, что том по Лунному Морю будет готов вовремя или нет, и что это еще за новый проект? Воло всегда обожал загадки, каламбуры и головоломки. Возможно, в записке есть и подсказка, и может быть, решение будет означать и спасение ТВЛ.

Ну-ка, ну-ка….

ОГНИ НАРБОНДЕЛЬ — Марк Энтони

Глава 1. Мастер оружия

В Подземье тысяча смертей — тысяча разнообразных ужасов, рыщущих в темных пещерах, притаившихся под гладкой поверхностью черных озер, и каждый ждет случая разорвать плоть неосторожного — когтем, клыком, разъедающим ядом. Наверху, на поверхности, животные убивают чтобы есть, чтобы жить. Но создания, населяющие темные лабиринты глубоко в недрах Торила убивают не ради жизни, ибо сама жизнь для них агония. Их направляют на убийство безумие, ненависть, атмосфера зла, пропитавшего каждый камень. Они убивают потому, что только в убийстве могут на время найти облегчение.

Тихо как тень скользящая по другой тени двигался по коридору, обрамленному грубыми стенами, Закнафейн — мастер оружия дома До'Урден, Девятого Дома Мензоберранзана, древнего города темных эльфов. Своего верхового ящера, он оставил позади, приказав ему прилепиться сбоку к массивному сталагмиту. Как бы не были быстры и беззвучны гигантские рептилии, Зак предпочитал полагаться на собственное мастерство маскировки на последнем этапе пути. Идти осталось недалеко.

Как призрак он погружался все дальше во Тьму.

Владения, дикая область за границами подземного города. Его темная кожа и черная одежда из кожи рота сливались с темнотой, разлитой в воздухе, а пышные белые волосы скрывал глубокий капюшон *пивафви*, зачарованного плаща дроу. Только слабое красное сияние глаз — глаз, не нуждавшихся в свете, распознававших различные степени тепла, излучавшегося камнем и плотью, и любой другой вещью — говорило, что это не просто дыхание воздуха прошло по коридору, но живое существо.

Зак насторожился, заостренные уши вслушивались в любые звуки. Он уже прошел маршруты самых дальних патрулей — безжалостные отряды солдат и магов темных эльфов, очищавших от монстров коридоры вокруг Мензоберранзана. Все что угодно может скрываться за следующим поворотом, любой из тысячи подземных ужасов. Смерть в Подземье можно найти множеством способов. Но что ему бояться? Закнафейн беззвучно рассмеялся, в сумраке сверкнули белые зубы. Или не дроу являются самыми смертоносными из жителей Подземья?

Он двинулся дальше.

Минутами позже Зак нашел своих жертв: банду кобольдов. До этого момента он не знал, что охотиться придется на этих мелких существ, с похожими на собачьи, мордами. Могли быть и багберы или отродья глубин или черные ползуны — любой из множества

монстров. Никакой разницы. Единственным, что имело значение, был их злобный нрав. Итак, первыми ему попались кобольды. Они ему вполне подойдут.

Одетые в лохмотья существа толпились в тесной пещере, разбираясь в вещах своей последней жертвы. Красные глаза Зака определили холодный отлив металла рогатого шлема и боевого молота. Дварф. Дварфы — отличные воины, а кобольды трусливы, но дюжина вполне может решиться напасть на одинокого странника. Без сомнений, неудачливый дварф оказался в одиночестве, далеко от подземной крепости своего клана. Обрывки волос, перепачканные кровью, все еще прилипали к броне и оружию. Кобольды кинулись на него всей толпой и разорвали на части.

“Мое!” завизжал один из них, на грубом общем языке Подземья, глаза его сверкали от жадности. Он выхватил плащ из хорошей ткани у другого, цепко сжав его грязными ладонями.

“Это мое!” зарычал другой кобольд. “Я укусил его грязную шею!”

“Нет мое!” шипел третий. “Я выдавил эти мерзкие липкие глаза собственным пальцем!”

Двое соперников бросились на первого, рыча и кусая желтыми зубами, походу разорвав в клочья плащ. Остальные кобольды тоже начали драку, деля вещи мертвого дварфа. Зак понял, что если он хочет, чтобы что-то осталось и на его долю, то стоит поторопиться. Откинув назад скрывавший его *пивафви*, он шагнул в пещеру.

“Почему бы мне не разрешить ваш маленький спор за вас?” спросил он звучным голосом. Яростная улыбка расплылась по его лицу. “Как насчет того, что вы все останетесь ни с чем?”

Кобольды замерли, уставившись на дроу в удивлении и ужасе, из окровавленных пальцев вываливались клочья одежды и украшения. И, все как один, они панически завопили, сбившись в единую кучу, пытаясь спрятаться друг за друга, укрыться от кошмара, представшего перед ними. Ничего в Подземье так не боялись кобольды, как дроу. Тому были причины.

Одной рукой Зак выхватил адамантиновый меч, другая сдернула с пояса бич. Почти лениво он махнул рукой. Бич ударил черной змеей, сбив с ног ближайшего кобольда. За бичом метнулся клинок. Как умирающее насекомое, кобольд мгновение трепыхался на острие. Затем Зак отбросил его в сторону и повернулся к следующему. Кобольды как сладости — невозможно ограничится одним.

Ухмылка Закнафейна стала шире, когда он прорубался сквозь визжащий клубок. Он был стройным и тонким, как и все эльфы,

но тело его было столь же отточенным и готовым к бою, как и его меч. В городе воинов, Закнафейн знал, что он один из лучших. Гордость тут не при чем. Это был просто факт.

Еще один кобольд затих на острие, сияние жизни медленно угасало в его глазах, и наконец они стали холодными и тусклыми как камень. В то время, как одна рука освобождала клинок, другая выбросила бич. Гибкая кожа обвилась вокруг шеи бегущего кобольда, остановив его. Он схватился было за горло, пальцы беспомощно царапали кнут. Зак привычно потянул бич, ломая шею.

Возбуждение зажглось в его груди. Закнафейн жил около четырех столетий, и почти все эти годы он провел, совершенствуя свое воинское искусство. Это было его призвание. Это было то, для чего он рожден.

Зак легко танцевал в толпе бьющихся в истерике кобольдов, впав в транс избиения. Убивая подобных злобных тварей, он ощущал ясность, которую не мог почувствовать иначе. В отличие от всего остального в запутанном и жестоком мире темных эльфов, это было ему понятно. В Мензоберранзане вся жизнь строилась вокруг положения в обществе. Все благородные Дома города были вовлечены в бесконечную игру интриг, союзов и предательств. Все средства служили одной цели: добиться благоволения темной богини Лолт. Получившие благословение Паучьей Королевы могли рассчитывать на могущество и богатство; вызвавших ее недовольство ждала смерть. По мнению Зака карабкаться по Лестнице Лолт было бесполезным занятием. Ни одна семья не оставалась в ее фаворе бесконечно. Все были обречены со временем пасть. Он не желал принимать участие в этой бессмысленной игре. Интриги, обман, заговоры — были ему безразличны. Но вот это — еще один кобольд с криком умер под ударом клинка — это он понимал. Зак прищурился.

Маленькая пещера замерла в тишине, нарушавшейся только жалобным повизгиванием единственного оставшегося кобольда, распростершегося перед ним. Все остальные были мертвы. Зак занес адамантитовый меч, собираясь закончить начатое, кровь его горела радостью.

И тут он увидел. Свисая с серебристой нити в пяти шагах от него, он наблюдал за ним своими глазами, похожими на черные, многогранные драгоценные камни. Паук.

Меч остановил свой спуск. Зак смотрел на арахнида. Простой каменный паук, спокойно уместился бы в его ладони. Но все пауки посвящены Лолт. И все они ее слуги. Привкус отвращения металлом растекся по его языку. Он убивал кобольдов ради себя, чтобы пригасить собственную жажду. Но ведь это служило и

Лолт, не так ли? Кобольды были врагами дроу, ее детей. И их смерти только радуют ее.

Губы его скривились, улыбка сменилась гримасой ненависти. Он отвернулся от последнего кобольда, и тот удивленно пискнул, подумав, что каким-то образом избежал неминуемой смерти. Не глядя Зак ткнул мечем назад, оборвав глупую надежду существа, заставив его замолчать. Но в этом не было удовольствия. Теперь не было. Он смотрел на паука, щупал рукоять бича и понимал, что может раздавить его в мгновение ока. Но даже он не смел причинить вред посланцу Лолт. Рука его отодвинулась от оружия.

Сумрак, еще темнее, чем застоялый воздух Подземья, сгустился вокруг него. Безрадостно собрав трофеи, он направился назад, к городу дроу.

К тому времени, когда он достиг границ гигантской пещеры Мензоберранзана, сумрак превратился в отчаяние. Сидя на широкой спине ящера он разглядывал поселение темных эльфов — его дом, где он не чувствовал себя дома. Давным-давно, как говорят легенды, темные эльфы жили на поверхности. Бок о бок со своими лесными родичами, без успокаивающей каменной крыши над ними, была лишь бесконечная пустота, зовущаяся небом. Как бы не чувствовал себя Зак среди своего народа, мысль о жизни на поверхности заставляла кровь стыть у него в жилах. Дроу слишком изменились за тысячелетия жизни под землей, они никогда не смогут больше жить наверху. Теперь они существа тьмы. Лолт проследила за этим. Она сделала их тем, чем они стали — и за это Зак ненавидел ее.

Зак позволил взгляду скользить по открывавшемуся перед ним виду. Бледный волшебный огонь, который создавали маги различных Домов, освещал фантастические образы, в которые были превращены сталактиты и сталагмиты. Каменные шпили соединялись изящными мостами. За пять тысячелетий жизни дроу в этом месте ни один камень не остался необработанным. Каждый кусочек был покрыт резьбой и отшлифован, изменен согласно желаниям дроу. Точнее, каждый кроме Нарбондель.

Грубой каменный столб стоит, как и стоял все эти тысячелетия, в центре пещеры. В бесконечной тьме не было смены дня и ночи, отмечавшей течение времени. Нарбондель служила часами города. Каждый день архимаг Мензоберранзана накладывал заклинание огня на основание столба. За день магический огонь рос, пока наконец вся колонна не расцвечивалась его теплом, и затем пропадал в холодную темноту — Черная Смерть Нарбондель — с которой цикл начинался вновь.

Несмотря на заклинания магического огня, каждый день Нарбондель вновь становилась черной. В конце концов, тьма

всегда побеждала. Зак мотнул головой. Возможно, он просто дурак, раз подумал, что чем-то отличается от своих жестоких сородичей. Он убивал только злобных существ вроде кобольдов, но ведь жаждал он именно убийства, не так ли? Может быть, он точно такой же. Это был, наверно, самый глубокий из его страхов.

Слабый шум разрушил тягостное течение его мыслей. Что-то дергалось у его горла. Он потянулся к мешочку на шее и вытащил оттуда знак Дома До'Урден. На адамантитовом диске было изображение паука, в каждой лапе он держал различные виды оружия. Монета сияла серебристым светом, и была теплой на ощупь. Его звали. Матрона-мать Мэлис, повелительница Дома До'Урден, требовала присутствия мастера оружия.

На мгновение Закнафейн оглянулся в темноту позади него. Он почти решился броситься назад, в Темные Владения, оставить город навсегда. Шансы выжить в Подземье у дроу-одиночки ничтожны, — но они есть. И он будет свободен.

Металлический диск вновь дрогнул в ладони, тепло стало неприятным. Зак вздохнул. Мысли о бегстве исчезли. Он принадлежал Подземью еще меньше чем этому месту. Нравилось ему это или нет, его дом тут. Он заставил ящера двигаться быстрым шагом, направляясь к арке ворот, ведущих в город дроу.

Не стоит заставлять ждать матрону-мать собственного Дома.

Глава 2. Матрона-мать

“Где он?” — резкость голоса матроны-матери Мэлис Дома До’Урден говорила о ее нетерпении.

Тяжелой походкой она расхаживала перед адамантитовой балюстрадой, отделявшей верхние покои от общих уровней внизу; темная мантия тенью плыла за ней. Остальные благородные члены Дома — пять ныне живущих ее детей и ее текущий муж, Риззен, наблюдали с почтительной дистанции. Никто не смел рисковать, навлекая ее гнев на себя.

Мэлис пробормотала проклятье. Без сомнений, Закнафейн был лучшим мастером оружия в городе, но какая ей от этого польза, если она не может управлять им? Слуга — особенно, слуга-мужчина — не должен заставлять ждать свою матрону. Несколько лет назад она по этой причине взяла в мужья Риззена вместо него, надеясь, что это заставит его задуматься о возможных последствиях ее неудовольствия. С тех пор, однако, он стал еще более своевольным и неконтролируемым. Мэлис уже надоедали все эти проблемы. Каким бы полезным он не был для нее, она не будет терпеть бесконечно.

“Позволь мне разобраться с Закнафейном когда он вернется, Матрона Мэлис”, предложила Бриза, старшая дочь Мэлис. В отличии от ее стройной матери, Бриза была широкой в кости и сутулой. Недавно став высшей жрицей Лолт, она наслаждалась, применяя полученную власть. “Мужчины не столь разумны как мы. Есть только один способ довести до них нашу волю”. Она с удовольствием дотронулась до извивающегося змееголового бича на поясе. Пол дюжины змеиных голов зашипели в предвкушении.

“Если я провинился перед Матроной Мэлис, наказывать меня будет она, а не ты, Бриза До’Урден”.

Все повернулись в сторону подплывшей по воздуху к балюстраде фигуры. Закнафейн опустился на пол перед Мэлис, взмахом руки оборвав заклинание левитации, которым владели все высокородные дроу, — именно этот факт был причиной отсутствия лестницы на верхний уровень дома. Глаза Бризы уперлись в мастера оружия как кинжалы, но она прикусила язык. Все знали, что его замечание соответствует истине, и в своем желании наказать его она переступила границы.

Мэлис сложила руки на груди, холодно глядя на него. “Я не люблю ждать, Закнафейн. Скажи мне, по какой причине мне не стоит отдавать тебя Бризе и ее бичу”.

“Тому нет причины, Матрона-мать”, ответил Закнафейн, склонив голову и всей позой выказывая почтение. “Однако

позволь преподнести тебе этот дар, прежде чем ты объявишь свою волю”.

Он опустил к ее ногам дюжину волосатых ушей кобольдов, связанных вместе. Мэлис подняла бровь, впечатленная, несмотря на гнев. Кобольды существа трусливые, но зажатые в угол могут драться яростно, и убить дюжину в одиночку не так просто. Такое дело наверняка радует Лолт.

Она почувствовала, как гнев ее стихает. Дар был хорош, а Закнафейн сейчас всем видом демонстрировал раскаяние. Возможно, наказанием для него будет визит в ее спальню. Она знала, что ей не стоит уступать своим желаниям. Зак должен знать, что вызвал ее неудовольствие. И все же… Она покосилась на Риззена. Он был красив, да, но такой смирный, такой уступчивый, такой скучный. Возможно, именно то, что она не могла управлять Заком, делало его желанным. Опасность всегда так привлекательна.

Каким бы ни было ее решение, Мэлис собиралась подождать с ним. Приношение Закнафейна смягчило ее. Кроме того, сейчас есть и более важные дела.

“Мы с тобой обсудим твое наказание позже, Закнафейн. Наедине”.

Эти слова вызвали удивление на широком лице Бризы. Риззен с ненавистью посмотрел на Закнафейна, затем пришел в себя и отвел взгляд, опасаясь вызвать гнев матроны. Закнафейн только кивнул, не выразив никаких эмоций.

Теперь, когда этот вопрос разрешился, Мэлис решила сообщить всем, по какой причине она собрала их вместе. “Я разработала план”, объявила она. “План, который может, в случае успеха, принести благословение Лолт Дому До’Урден”.

Вирна и Майя, младшие сестры Бризы, обменялись озадаченными взглядами.

“Но разве мы сейчас не вкушаем благоволения Паучьей Королевы?” осторожно спросила Вирна.

Тон Майи был более уверенным. “Мы теперь, все-таки, Девятый Дом Мензоберранзана”.

Глаза Мэлис сузились, она посмотрела на своих младших дочерей. Хотя обе они были почти в звании высших жриц, все же пока они ими не стали, и не имели права разговаривать без ее позволения. Однако слова их как раз послужили ей, и она решила не заострять вопрос о нарушении правил.

“Да, мы Девятый Дом”, ответила Мэлис. “Но разве не лучше быть восьмым, чем девятым?”

Глаза ее дочерей вспыхнули, и Мэлис знала, что сделала правильный выбор. Быть Восьмым Домом значило получить место

в правящем совете — место, которое однажды унаследует одна из дочерей. Мэлис улыбнулась краешком темно-красных губ. Желание было более сильной мотивацией, чем наказание. Вирна и Майя смотрели на нее с нетерпением, ожидая продолжения.

Мэлис подняла ладонь к горлу. “Я хочу пить. Принесите вина”.

Все это время, два ее сына молча стояли в стороне. Мужчина не должен без спроса высказываться по вопросам, касающимся судьбы Дома. Одиннадцатилетний, куда младше брата, Дриззт только недавно стал принцем-пажом. Так что именно в его обязанности входило прислуживать матроне-матери. Однако, похоже, мальчик не слышал ее слов; он продолжал смотреть на свои ноги, как учили принца-пажа вести себя в присутствии благородных. После неуютного момента Дайнин, старший сын Дома До’Урден, треснул Дриззта по уху, выведя того из оцепенения.

“Ты слышал матрону-мать”, прошипел Дайнин. “Она потребовала вина”.

Дриззт моргнул и резко кивнул. Он быстро подошел к золоченому столику, на котором стояли хрустальные бокалы и графин с темным грибным вином.

Мэлис не стала ждать. “Фестиваль Основания приближается, день, когда мы вспоминаем основание Мензоберранзана, больше пяти тысячелетий назад. Знает ли кто из вас, что происходит в этот день?”

“Я знаю”.

Все шокированно уставились на юного Дриззта. Он стоял перед Мэлис, держа чашу с вином. Для Дайнина, взрослого, говорить без дозволения было бы страшным оскорблением. Для принца-пажа это было — просто немыслимо. Однако, прежде чем Мэлис отреагировала, мальчик продолжил.

“Во время Фестиваля Основания, как говорят, Паучья Королева появляется где-то в городе”. Дриззт нахмурился, вспоминая детали. “Только она появляется, изменив облик. Я думаю, для того, чтобы увидеть, что дроу на самом деле думают о ней”.

Бриза пришла в себя первой. Она бросилась вперед, выхватывая змееголовый бич. “Ты, идиот!” прорычала она. “Это всего лишь старая история”. Она занесла бич. Дриззт уставился на нее в страхе, но не дрогнул.

Взмах руки остановил опускавшийся бич.

“Как оказалось, эта история правда, дура!” прошипела Мэлис, ярость которой теперь была направлена на ее дочь.

Бриза застыла в тупом изумлении.

Мэлис фыркнула в отвращении. “Возможно, тебе слишком рано позволили носить мантию высшей жрицы, Бриза, если дитя — тем более, мальчик — знает больше тебя”.

Бриза пыталась пробормотать извинения, но Мэлис уже отвернулась. Она наклонилась над мальчиком, взяла его ладонью за подбородок и с силой подняла его голову вверх. Чаща вывалилась из его пальцев, вино разлилось по полу словно темная кровь. Она смотрела в его глаза, силой воли удерживая его взгляд. Глаза были необычного цвета. Лиловые. Как уже бывало, Мэлис задумалась над этим. Что видят они, чего не могут видеть другие?

“Скажи мне, что еще ты знаешь о Фестивале?” приказала она

Мальчик смотрел на нее с немым ужасом. Она ужесточила хватку, пальцы с силой сдавили плоть.

“Говори!”

Несмотря на страх, Дриззт смог ответить. “Я ничего больше не знаю”, выдохнул он. “Только, что в день фестиваля надо быть вежливым с каждым, даже гоблином или багбером, потому что нигде не сказано, в каком облике придет Лолт. Это все”.

Она еще мгновение смотрела в странные глаза, затем кивнула, поскольку он сказал правду. Странный он, ее младший сын, и с трудом удавалось обучать его даже самым основным правилам поведения и почтительности. И все же, в нем была сила. Она ее чувствовала. Пока что этой силе не была придана форма. Но если ей удастся своей волей направить ее, и закалить подходящими испытаниями, однажды он станет могучим оружием в ее руках.

Мэлис отпустила мальчика. Дриззт стоял, ошеломленный, пока Дайнин, на лице которого отображался гнев, жестом не приказал ему вернуться на место. Без сомнений, Дайнин накажет его позже, за позор, который навлек на него Дриззт своим неподчинением, поскольку это была именно его работа — обучать ребенка манерам и обязанностям принца-пажа. Мэлис не собиралась вмешиваться. Дайнин имел такое право, к тому же для мальчика это будет только полезно.

Мэлис обратилась к семье. “Хоть Дриззт еще ребенок, но он прав. История эта не просто легенда, хотя многие так считают. Во время Фестиваля основания, Паучья Королева в самом деле появится где-то в городе. И если она объявится в благородном Доме, этот Дом удостоится великого почета, и наверняка будет процветать в следующем году”. Голос ее понизился до самодовольного мурлыканья. “А мой план позволит нам быть уверенными, что Лолт решит выбрать именно Дом До’Урден”.

Закнафейн рассмеялся. “Со всем уважением, ты слишком

уверена в себе, матрона-мать".

"У меня есть на то причины" резко ответила Мэлис. Что она такого сделала, чем заслужила проклятье таких нахальных мужчин? По крайней мере, Дайнин знает свое место. "Как же ты намереваешься призвать Лолт сюда?" смиренным тоном спросила Бриза, явно пытаясь вернуть расположение матери.

Мэлис позволила Бризе считать, что это ей удалось. "Вот этим", ответила она. Она достала маленький, темный камень, выполненный в форме паука. Единственный алый рубин сверкал на его брюшке. "Эта паучья драгоценность приведет носящего ее в место, где хранится древний и священный предмет — кинжал, которым когда-то владела Мензоберра, та, что давным-давно основала наш город во славу Лолт. Та, кто дала мне эту драгоценность заверила меня, что если мы завладеем Кинжалом Мензоберры, Лолт наверняка благословит нас своим присутствием".

Слушатели поглотили эту информацию и кивнули — все, кроме Закнафейна, кто с таким же скепсисом спросил. "И как же ты получила эту информацию, и этот камень?"

Мелис спокойно посмотрела на него. "Я вызвала йоклол".

Все уставились на нее в ужасе и изумлении — в том числе, к ее удовлетворению, и Закнафейн.

"Да, я сделала это", продолжила она. "Риск велик, но Лолт благоволит к рискующим".

Несмотря на удовольствие, Мэлис поежилась вспоминая темную, тайную церемонию. Прислужниц Лолт не вызывают из прихоти. Хотя Мэлис было уже пять столетий, и она была матроной Девятого Дома, даже она содрогнулась при виде клокочущей массы аморфного существа, появившегося в магическом огне, вызванном ей. Вызови Мэлис гнев йоклол, та превратила бы ее в паука, и раздавила в бесформенной ладони. Однако время было благоприятным для церемонии, и Мэлис оказалась права. Йоклол, которой понравилась ее почтительность, отдала ей паучью драгоценность и ответила на вопрос — как добиться еще большей благосклонности Лолт.

Она подошла к мастеру оружия. "Закнафейн, я отдаю тебе драгоценность; твоя обязанность — найти Кинжал Мензоберры, во имя Дома До'Урден". Она протянула темный камень.

Зак уставился на него, но не взял.

Ярость согрела щеки Мэлис так, что это заметили все. "Не пытайся спорить со мной в этом, Закнафейн", сказала она угрожающе. "В прошлом я была снисходительна, но более я не буду терпеть твоих издевательств. Если ты подведешь меня сейчас, это будет в последний раз".

Остальные затаили дыхание, когда скрестились взгляды матроны-матери и мастера оружия. На мгновение Мэлис усомнилась в том, что может выиграть. Наконец Зак опустил глаза и взял камень. “Я найду Кинжал, матрона-мать, или погибну в поисках”, пробормотал он, сжав зубы.

Мэлис прикусила язык, чтобы не вздохнуть от облегчения. Ей не всегда доставляла удовольствие подобная жесткость с семьей и слугами, но ведь она — матрона-мать, и благополучие дома более важно, чем даже ее собственные чувства. “Мудрый выбор, Закнафейн”, было все, что она сказала. Затем голос ее стал бодрым. “Теперь я желаю остаться наедине с дочерьми”.

Все трое мужчин поклонились и заторопились к адамантитовой ограде. Как один они взмыли над ней и начали опускаться на нижний уровень.

“Найти Кинжал может оказаться не таким простым делом”, заметила Бриза, когда мужчины исчезли из виду. “Что, если Закнафейн и впрямь погибнет?”

Вирна и Майя озабоченно посмотрели на старшую женщину, желая высказать собственные сомнения, но на сей раз помня свое место.

Мэлис похлопала себя по щеке. “Если Закнафейн погибнет в попытке получить почести Лолт, Паучья Королева наверняка оценит это как самопожертвование в ее честь”, Мэлис позволила себе негромкий смешок. “В любом случае, Лолт будет довольна Домом До’Урден”. К смеху Мэлис присоединился смех ее дочерей.

Глава 3. Принц-паж

Никогда не поднимай взгляда от пола.

Это был первый урок Дриззта До'Урдена в качестве принца-пажа, и урок этот дался ему нелегко. Он не мог сосчитать, сколько раз он чувствовал обжигающие удары змееголового бича Бризы, наказание за нарушение этого важнейшего правила. Не то, чтобы это было сложно запомнить. Дриззт знал, что не должен поднимать глаза без разрешения. Но знать что-то не всегда так же легко как выполнять это. Как бы он не старался смотреть на свои башмаки, всегда находилось что-нибудь странное, интересное, удивительное, привлекавшее его внимание, приковывавшее его взгляд, прежде чем он успевал сообразить.

К сожалению, часто при этом сзади оказывалась Бриза, только и ждущая, чтобы произошло нечто подобное. Со злобной ухмылкой, она снимала с пояса шипящий бич, и змеи оставляли полосы на его спине. Дриззт никогда не кричал, не пытался уклоняться от ударов. Это принесло бы еще больше боли. Он был принцем-пажом, и, насколько мог судить, это значило, что он низшая форма жизни в Доме До'Урден.

"Принц-паж, иди сюда!" позвал голос с другой стороны главной ограды дома. "У меня для тебя работа".

В этот раз Дриззт помнил, что голову надо держать опущенной. Он не видел говорившую, но голос знал хорошо. Это был голос его сестры, Вирны.

Первые десять лет его жизни, прежде чем он стал принцем-пажом, голос Вирны был единственным, который он знал, кроме своего собственного. Вирна была его приемной матерью. Дриззта отдали ей еще новорожденным, и пока он рос она учила его языку дроу — и разговорному, и сложной системе жестов ладонями, которые использовали темные эльфы для бесшумных переговоров. Также она учила его использовать врожденную магию: левитацию и возможность вызывать из воздуха магический огонь. И более всего она учила его месту, занимаемому мужчиной в обществе дроу. Женщины были выше его, и он должен всегда подчинятся им. Она заставляла его повторять это правило столь часто, что иногда он все еще просыпался по ночам, обнаруживая, что проговаривает его во сне.

Хотя уроки Вирны никак нельзя было назвать мягкими, она редко использовала свой бич, и даже делая это, не выказывала такой откровенной радости как Бриза. Однако в год, когда он стал принцем-пажом, Вирна возобновила свои занятия в Арах-Тинилит, и скоро уже будет объявлена высшей жрицей. Дриззт

знал, что с приближением этого времени ему придется ждать все меньше и меньше доброты от сестры. Высшие жрицы Лолт не отличались жалостью.

Удерживая глаза на полу, Дриззт заторопился в направлении голоса, полагаясь на острый слух и осязание, чтобы избежать столкновения с предметами, которых он не мог видеть. Очень скоро он предстал перед парой гибких кожаных туфелек, которые, как он знал, принадлежали его сестре.

“Слушай внимательно, принц-паж, у меня нет времени повторять”, грубо сказала Вирна. “Фестиваль Основания состоится через два дня, и матрона-мать приказала подготовить дом к предстоящему визиту Паучьей Королевы”.

“Если она вообще придет” пробормотал про себя Дриззт, прежде чем сообразил, что говорит. К счастью, Вирна или не расслышала, или решила проигнорировать сказанное.

“Зеленый грибок вырос на стенах обеденного зала со времени прошлого пира”, продолжала молодая женщина. “Бриза хочет, чтобы ты очистил камень. Вот этим”.

Вирна вложила ему в ладонь изогнутую ложку из меди. Он ошеломленно уставился на маленькую ложечку, которая явно не подходила для подобной большой задачи.

“Я должен скрести все стены в обеденном зале этим?”, простонал он, забывшись.

“Без вопросов, принц-паж!” предупредила Вирна громко. “И за каждое пятнышко, оставленное на стене, ты получишь по удару бича!”

Понимая, что спорить не стоит, Дриззт начал поклон. И тут, к его изумлению, Вирна наклонилась к нему и шепнула на ухо. “Я зачаровала ложку на остроту, маленький братец, так что, быть может, работа окажется не такой уж непосильной. Но клянусь, если ты скажешь Бризе — или кому угодно — об этом, я буду бить тебя пока с тебя кожа не начнет слезать как накидка из шкуры рота”.

Дриззт поежился от этих слов, не сомневаясь, что она говорила чистую правду. Прежде чем он мог ответить, Вирна повернулась и исчезла за боковой дверью. Дриззт изучал ложку в ладони, пощупал пальцем магически заостренные края. Возможно, жрицы Лолт в Арах-Тинилит еще не выдавили из Вирны всю доброту.

Не желая попасться с зачарованной вещью, Дриззт кинулся по каменному коридору. В одиннадцать лет он был таким же, как и другие юные темные эльфы — маленький и тонкий, но быстрый как бич Бризы. В мгновение ока он добрался до пустого обеденного зала.

В отличие от большинства благородных домов Мензоберранзана, обычно встроенных в сталактитово-сталагмитовые пары, Дом До'Урден был в восточной стене пещеры. Обеденный зал вдавался в скалу дальше других комнат, и потому там было достаточно сыро, что благоприятствовало росту мхов.

Дриззт застонал от вновь нахлынувшей растерянности, когда разглядел стены. Камень покрывали губчатые заросли гриба, от которых расходилось ядовито-зеленое сияние. Он вздохнул. Оттягивать значило бы только давать грибу больше времени для роста. Перехватив поудобнее ложку, он направился к одной из стен и начал работу. Вирна явно преуменьшила мощь наложенных ей чар.

Когда Дриззт провел ложкой по стене, полоса сияющего гриба темнела и сохла, отваливаясь на пол, где обращалась в пыль. Не веря своим глазам, он повторил опыт. За ложкой оставался гладкий черный камень. Улыбка расползлась по лицу юного дроу. Похоже, работа придуманная для него Бризой окажется куда менее тяжелой и скучной, как она надеялась.

С обновленной энергией мальчик занялся делом. Миг концентрации — и он взмыл в воздух, использовав врожденную способность к левитации чтобы достичь верхнего края стен и потолка. Скоро это стало игрой, он изворачивался и нырял в воздухе, кидаясь на грибные выросты волшебной ложкой. Он воображал, что каждый из них — раздраженное лицо Бризы, они морщились и исчезали, и скоро звонкий смех эльфа заполнил зал. Ему даже жаль было, когда все закончилось и он опустился на пол, успокаивая дыхание и все еще улыбаясь. Проверив стены, он убедился, что на гладкой ониксовой поверхности не осталось ни пятнышка.

Заостренные уши уловили царапающий звук. Дриззт оглянулся и увидел крысу, выбирающуюся из расщелины в камне. Существо засеменило по полу зала, направляясь к дыре в противоположной стене; глаза крысы были горячими и красными как кровь. С яростным кличем Дриззт взмыл в воздух и приземлился на пути крысы, выставив сияющую ложку перед собой. Ложка была не совсем мечом, да и крыса не то чтобы один из ужасных монстров подземья, но ни то, ни другое для Дриззта не имело значения.

Иногда из тайной наблюдательной точки высоко над главным двором крепости, он наблюдал как мастер оружия Закнафейн тренирует три сотни солдат Дома. Часами Дриззт смотрел, как они упражняют свое воинское мастерство. Он не знал точно, почему, но каждый раз когда он слышал звон адамантитовых

мечей его охватывало волнение; похожие на танец финты Закнафейна приводили его в восторг. Дриззт был обречен служить принцем-пажом еще пять лет, но после того — если Бриза не добьет его какой-нибудь работой по дому до того — он станет истинным благородным, и тогда для него наступит время развивать умения, полезные для Дома. Дриззт знал, что его могут послать в башни Сорцере в Тир Бреч, изучать тайные секреты магии. Но в сердце своем он надеялся, что его отдадут на обучение Закнафейну. Он хотел научится исполнять этот опасный танец.

Пытаясь поточнее имитировать мастера оружия, Дриззт обходил крысу. Та шипела, демонстрируя желтые зубы. Дриззт сделал выпад магически заостренной ложкой. Как бы быстр он не был, крыса была быстрей. Она бросилась мимо него, убегая из зала. С гиканьем Дриззт кинулся вслед по коридору. Он нагнал врага и прыгнул, приземлившись перед ним. Крыса забилась в угол, шипя и фыркая, глаза ее горели ненавистью. Дриззт сблизился с ней для последнего удара. Он сотни раз видел, как делает это Закнафейн, и сейчас он поднял оружие и развернулся, нанося быстрый смертоносный удар.

Он замер, ложка остановилась в доли дюйма от будущего бедствия. Почувствовав шанс, крыса проскочила между ног Дриззта и исчезла, забившись в щель. Дриззт не смотрел за ней. Вместо этого, глаза его были сфокусированы на объекте, находившемся прямо перед его лицом.

Паутина. Серебристые нити были растянуты в углу коридора. В центре паутины драгоценностью висел маленький паук. Не останови он удар в последний момент, рука его прошла бы прямо сквозь тонкие нити. Очень осторожно Дриззт опустил ложку. Все пауки были посвящены богине Лолт. Потревожь он паутину, это значило бы долгое общение с бичом Бризы. Но если бы он случайно убил паука…

Дриззт выдохнул. Наказание за убийство паука была смерть: быстрая, болезненная, без шансов на оправдание.

Несмотря на смертельную опасность чуть не случившегося инцидента, Дриззт придвинулся поближе к паутине, рассматривая паука в центре. “Не понимаю я эту вашу Лолт” пробормотал он вслух. “Каждый жаждет ее благоволения. Мать. Сестры. Другие Дома. И все они боятся Лолт. Иногда я даже думаю, они ненавидят ее. Но это лишь заставляет их поклонятся упорнее. Зачем? Почему Лолт так важна, если она такая плохая?” Паук лишь молча цеплялся к паутине. Дриззт раздраженно нахмурился. “Ну, меня не волнует что думают другие”, решил он. “Я не боюсь пауков. И если я встречу Лолт на Фестивале, я ей так

и скажу”.

Странно воодушевленный собственной речью он повернулся и пошел дальше по коридору, назад, в странный мир известный принцу-пажу, оставив паука в одиночестве ткать свою паутину.

Глава 4. В огонь

Закнафейну не нравилось это задание.

Мастер оружия стоял на парапете, высоко над адамантитовыми воротами, охранявшими вход в Дом До'Урден. Ворота были подняты лишь наполовину, так что благородные члены Дома могли легко перелетать над ними, а гоблины, гномы и прочий сброд — нет. Во времена кризиса ворота могли быть подняты, закрывая все отверстие в стене пещеры, чтобы пройти не мог никто. Иногда Зак думал, что считать истинным предназначением прочных полос металла. Возможно они были созданы не чтобы не давать дроу доступа в Дом, но чтобы удерживать их внутри.

Зак посмотрел на другую сторону двора, на балкон, за которым находились личные покои членов семьи. Он заметил чьи-то тени внутри. Какие еще темные планы готовит Матрона Мэлис и ее дочери?

Когда Зак уже собрался отвернуться, маленькая фигура выпрыгнула с балкона, и полу-упала, полу-слевитировала вниз. Секундой позже к ограде подбежала Бриза, она наклонилась над ней, что-то крича и угрожая бичом. Маленькая фигура, однако, уже исчезла в глубине коридора. С искаженным от ярости лицом, Бриза повернулась и убралась назад, вглубь верхнего уровня.

Несмотря на мрачное настроение, губ Зака коснулась слабая усмешка. Похоже, маленький принц-паж До'Урден — как его имя? Дриззт? — снова вывел из себя старшую сестру. Зак не ожидал подобной силы характера от одного из сынов Риззена. Дриззт может вырасти сильным и волевым эльфом — если до того из него не выбьют эту силу, как и должно случиться. Когда-то Зак питал подобные надежды по отношению к собственной дочери Вирне, но теперь в нее запустили когти хозяйки Арах-Тинилита. Она становилась все более и более похожей на Мэлис, все больше погружаясь в запутанные планы матроны-матери, целью которых было поднятся в глазах Лолт.

Ах, Мэлис. Зак вернулся мыслями в годы, когда он был патроном Дома До'Урден. Он даже думал одно время, что любит Мэлис, и она его. До того дня, когда она изгнала его и он понял, что все ее заботы — позиция ее собственная и Дома на Лестнице Лолт. Иногда она вызывала его в свою спальню, и он подчинялся. Приказы матроны-матери не отвергаются. Да это и не было неприятно. Все же Зак знал теперь, что какими бы не были чувства между ним и Мэлис, они не являются, и никогда не являлись любовью.

Гигантский паук выполненный из темно-зеленого камня стоял на парапете за спиной Зака. Нефритовый паук. Десятки таких были созданы Домом До'Урден в качестве защиты от любого, кто каким-либо образом преодолеет ворота. Заклятие на них было таким, что в присутствии любого нарушителя паук начинал двигаться, атакуя быстро и смертоносно.

"Что же ты не трогаешь меня, паук?" прошипел Зак голосом полным ненависти. "Я чужой здесь. Или ты не видишь, что я твой враг?"

Но паук оставался холодным камнем.

Зак почувствовал покалывание у шеи. Ему не нужно было оглядываться назад на балкон, чтобы знать, что за ним наблюдают. Больше он не мог откладывать. Порыв теплого ветра — нагретого каким-нибудь далеким лавовым потоком — откинул со лба белые волосы. Зак сошел с парапета в поток воздуха, и, используя левитацию, проплыл вместе с ветром над воротами, опустившись на землю за ними. Не оглядываясь, он погрузился в лабиринт улиц Мензоберранзана.

Немного погодя он остановился, и достал из мешочка на шее паучью драгоценность. Положив маленького ониксового паука на вытянутую ладонь, он произнес слова, которым научила его Мэлис, а той в свою очередь сообщила их йоклол. Тут же сверкнул рубин в брюшке паука. Оживленный паук пробежался по ладони Зака, и тому лишь усилием воли удалось подавить желание сжать ладонь и раздавить его. Мельтеша лапами, паук совершил полный круг, и неожиданно остановился, указывая направо от Зака. Значит, этим путем и надо идти. Зак повернулся и проследовал по боковой улице.

Зак мог только гадать, куда приведет его паучья драгоценность. Йоклол сказала, что Кинжал Мензоберры скрыт где-то в городе. Трудно поверить. Пожалуй ни дюйма пещеры не осталось неисследованным глазами дроу, неотшлифованным руками дроу, необитаемым семействами дроу за эти столетия. Все же, Зак должен был надеяться, что паучья драгоценность в самом деле выведет его в нужное место. Мэлис все расставила по местам. Что бы она все еще не чувствовала к нему, неудача в этот раз прощена не будет.

В начале Зак решил, что древний Кинжал Мензоберры должен находится в К'элларз'орл. Паук, похоже, вел его к плато, на котором находились самые могучие Дома, в том числе Баэнре, Первый Дом Мензоберранзана. Сердце Зака дрожало в груди. Если Кинжал и впрямь упрятан в одном из древних домов, нет надежды достать его. Вряд ли он может постучать в ворота Дома Баэнре и попросить разрешения походить по их территории.

Единственным ответом будет магический удар, достаточно горячий чтобы прожарить его внутренности.

Когда Зак приблизился к границе грибного леса, обрамлявшего плато, паук перебрался на левую половину ладони, ведя его в сердце города. Зак позволил себе глубокий выдох облегчения.

Он уже почти добрался до цели, когда сообразил, куда ведет его паук.

Зак находился почти в центре гигантской пещеры Мензоберранзана. Остановившись, он поднял глаза от паучьей драгоценности. Волшебный паук указывал на массивную каменную колонну, возвышавшуюся над ним в вечном сумраке. Нарбондель.

Естественно. Вполне логично. Из всех скал пещеры лишь одна оставалась в необработанном, природном состоянии, уже тысячелетия, нетронутая руками и магией дроу. Это был монумент пещере, какой она была, когда Мензоберра впервые привела сюда свой народ пять тысяч лет назад: колонна Нарбондель. Только здесь что-то могло лежать укрытым так долго и оставаться необнаруженным.

Закнафейн приближался к колонне, держась поближе к поверхностям, ближайшим по температуре к его коже, что делало его почти невидимым для теплочувствительных глаз дроу. Не то, чтобы это было запрещено, приближаться к Нарбондель, но делали это очень-очень редко. Колонна была заботой архимага города, чьей церемониальной обязанностью было зажигать магическое пламя, путешествовавшее по колонне каждый день. Зак сомневался, что Громф Баэнре будет рад зрителям, а мысль о том, чтобы стать целью убийственных заклинаний архимага его также не прельщала.

Мастер оружия укрылся в тепловой тени у основания сталагмита, наблюдая алыми глазами. Паучья драгоценность металась по ладони, будто возбужденная близостью к притягивавшей ее реликвии.

“Терпение”, прошипел Зак, хотя и не был уверен кому — себе или волшебному пауку.

Он наблюдал, как с массивного столба исчезают последние следы магического тепла. Камень вновь становился холодным и темным. Черная Смерть Нарбондель. Приближалась полночь, единственный шанс Зака. Сейчас архимаг отдыхал у себя в Сорцере, готовясь сотворить заклинание огня, которым он начнет новый день. Ни один взгляд в городе не повернется к колонне, пока она темна. Он сможет двигаться незамеченным. По крайней мере, он на это надеялся.

Оставив безопасность тепловой тени, Зак скользнул к Нарбондели. Поверхность ее была неровной, изрезанной трещинами и расщелинами. В каждую из них можно было запрятать маленький нож. Выставив вперед паучью драгоценность он кружил вокруг гигантской колонны, пытаясь определить, где прячется реликвия. Зачарованный паук кружил по ладони, но не останавливался, будто не в состоянии решиться. Зак нахмурился. Затем ему пришла в голову идея. Он посмотрел вверх, на верхушку колонны, достававшей до потолка пещеры высоко над ним. Конечно же! Это было направление, которое паук не мог указать. Вверх.

Зак мог бы добраться до верха столба левитацией за считанные секунды. Однако магия высвобождала тепло, делая его заметнее. Он не хотел так рисковать. Ничего хорошего не будет, если кто-то из других Домов заметит его, и полюбопытствует, чем он тут занимается. Раздобыть Кинжал будет нелегко и без соперников. Заку надо было взбираться по колонне обычным способом.

Он не стал останавливаться, определяя не следит ли кто за ним. Скорость была единственной надеждой. Быстрыми, гибкими движениями Зак начал карабкаться по поверхности Нарбондели. Он закрыл глаза, сконцентрировавшись, позволяя осязанию вести его ладони и ноги по расщелинам и выступам. Скоро он вспотел от усилий, но, сжав зубы, продолжал ползти. Наконец, он перевалился через острую каменную грань. Секунду он лежал на спине, тяжело дыша. Затем заставил себя подняться на ноги.

Закнафейн стоял на верхушке Нарбондели.

Изумленный выдох вырвался у него. Мензоберранзан раскрывался перед ним, гигантская, невозможно запутанная паутина. Бледные магические огни танцевали вокруг бесчисленных шпилей и лестниц города, скорее подчеркивая темноту, чем разгоняя ее. Великолепный, но пугающий вид.

“Красивый все же кошмар мы создали”, благоговейно прошептал Зак.

Далекие искорки света, которые он заметил краем глаза, вырвали его из транса. Повернувшись, он увидел несколько точек пурпурного магического света, спускавшихся по длинной лестнице из академии на Тир Бреч в город. Архимаг покинул свои покои в Сорцере, и направлялся к Нарбондели вместе с сопровождающими. У Зака оставалось очень мало времени.

Он снова достал из мешочка паучью драгоценность. К его удивлению, создание магии подползло к краю его ладони, и спрыгнуло на камень у его ног. Паучок побежал, Зак следовал за светом рубина в его брюшке. Неожиданно красная искорка

исчезла. Зак выругался, решив что потерял его. Затем он сообразил, что тот заполз в маленькое отверстие в скале.

Присев у дыры, он просунул внутрь ладонь. Пальцы нащупали гладкую выпуклость, подавшуюся под прикосновением. Тут же послышалось шипение вырвавшегося наружу воздуха, и звук камня, трущегося о камень. Каменный круг вошел в колонну, и исчез, открывая отверстие, достаточно широкое, чтобы туда мог вползти эльф.

Раздался тихий смех Зака. Все же, паучья драгоценность выполнила свою работу.

Готовый ко всему, мастер оружия присел возле отверстия. Он заглянул внутрь, но его глазам открылась только холодная темнота — черное на черном. Оставалось только спускаться. Зак вполз в отверстие, и наткнулся головой на каменные ступени. Лестница. У его ног мигала красная точка. Подняв паучью драгоценность, он засунул ее назад в нашейный мешочек.

Лестница спиралью опускалась глубже и глубже, в сердце Нарбонделли. С каждым шагом воздух становился все более спертым. Стены и ступени были одинаково холодны, и зрение дроу не могло различить никаких деталей, так что он вынужден был двигаться полагаясь только на осязание. Вскоре он понял, что спустился ниже, чем была высота колонны. Он уже под Нарбонделью. Но лестница вела дальше, вниз, сквозь скалу.

Без предупреждения лестница закончилась глубоким обрывом. Зак едва успел остановиться. Впереди была лишь пустота, и слабое голубое свечение, плывущее в воздухе. Моргнув, Зак перевел глаза чтобы видеть обычный свет. Тихое восклицание сорвалось с его губ.

Он стоял у края огромной паутины. Толстые нити гигантской сетью раскинулись над бездонной пропастью. Именно от нитей шло мягкое сияние.

Он заметил что-то в центре гигантской паутины. Какой-то узел. Нет, не узел. Кокон. Пурпурный свет пульсировал в нем. Что-то находится внутри. Зак догадывался, что, но проверить можно было единственным способом.

Сконцентрировавшись, Зак попробовал взлететь, но тело его было странно отяжелевшим. Место было защищено от колдовства, так что это бесполезно. Придется добираться к центру паутины другими путями. Одна из нитей шла в нескольких футах от его последнего шага. Зак примерился и спрыгнул с лестницы, приземлившись на нити — толщиной не менее двух пальцев — с легкостью акробата.

С невероятной грацией, доступной только эльфийскому роду, мастер оружия пошел по паутине. Шелковистый материал дрожал

и прогибался даже под его небольшим весом, но это не доставляло ему трудности. Не смотря вниз, он прошел по лабиринту соединявшихся нитей, и вскоре достиг центра.

Кокон был большим, шар переплетенных нитей больше его руки. Странный фиолетовый свет продолжал сочиться изнутри, будто от живого существа. Достав нож с пояса, Зак ударил по кокону. Нити были прочными и упругими, так что нож отскочил назад. Он ударил снова. На третий раз, адамантитовый нож сломался, но успел прорезать глубокую полосу в коконе. Бросив обломки в пропасть, Зак полез в щель. Пальцы его сомкнулись на чем-то гладком и холодном. Он вытащил руку, и посмотрел на серебряный нож тонкой работы. Большой драгоценный камень в его рукояти подмигивал как пурпурный глаз. Кинжал Мензоберры.

Зак издал победный клич. Он поднялся, балансируя на паутине и держа свою добычу. Кокон стал темным. На его глазах щель, которую он проделал, росла, и спутанные пряди начали рваться и разворачиваться. Пожелтевшие кости вывалились из кокона, и упали в пропасть. Так значит, это была гробница; место упокоения Мензоберры.

Неожиданный звук, похожий на свист бича, отразился эхом от каменных стен. Одновременно нить под ногами Зака задрожала, чуть не сбросив его в бездну. Паутина распускалась. Поблизости разорвалась еще одна прядь. Как гигантский кнут, один из разорвавшихся концов просвистел мимо Зака, проведя огненную линию по его щеке. Кровь сочилась из раны. Дюймом в сторону — и он мог лишиться головы. Паутина трепетала, все больше нитей рвались и распадались.

Воткнув Кинжал за пояс, Зак побежал по неспокойной нити, удерживая равновесие. Стонущий звук предупредил его за мгновение. Он спрыгнул с нити прямо перед тем, как она порвалась. Он продолжил путь к нити, проходившей около основания лестницы. Еще трижды он вынужден был перепрыгивать с нити, рвавшейся у него под ногами. Клочья паутины падали в пропасть. Но он уже почти у цели…

Зак промедлил, готовясь к прыжку на лестницу — и опоздал. Прежде чем он успел прыгнуть, нить разорвалась под ним. Зак пытался добраться до другой, но паутина уже разрушилась, последние остатки гигантской пряжи исчезали. Мастер оружия вслед за паутиной падал во тьму.

Левитацию он призвал инстинктивно, и на сей раз ощутил пробудившуюся силу. Зак взмыл вверх, смеясь над собственной глупостью. Ну конечно же, аура антимагии шла от паутины, и когда та разрушилась исчезла и защита, и к нему вернулась

возможность использовать магию.

Зак опустился на нижнюю ступень лестницы и начал карабкаться вверх. Он успел немного подняться, когда услышал, слабый, но отчетливый для чувствительных ушей, голос:

“Полночь приближается. Миг настал. Да зажгутся огни!”

Зак замер. Голос, очевидно, принадлежал архимагу. Зак добрался до основания Нарбондели, и через трещины и расселины слова архимага достигли внутренностей колонны; значение их вновь оживило страх Зака.

Да зажгутся огни!

Проходившие сквозь камень слова волшебства повисли в воздухе. Зак не желал услышать окончание заклинания. С двойной быстротой он рванулся вверх по лестнице. Он прошел не больше трех поворотов, когда услышал рев пламени. Оранжевый свет зажегся внизу, откуда пришел порыв обжигающего ветра. Полночь пришла. Архимаг сотворил заклинание. Огни Нарбондели поднимаются.

Зак карабкался вверх. Воздух обжигал легкие и нос, слезы стекали у него по лицу. Свечение внизу становилось ярче. Для вызванного магией тепла потребуются часы, чтобы распространиться по камню колонны, но винтовая лестница в центре играла роль печной трубы. Волшебный огонь рвался вверх с ужасающей скоростью драконьего дыхания.

Но Зак оказался быстрее. Хватая воздух, он добрался до верхушки колонны. Круг холодной темноты появился перед ним, потайная дверь. Он достиг края отверстия. Задание выполнено, Мэлис получит ее драгоценный Кинжал…

Зак остановился. Обжигающий свет поднимался по лестнице. Рев наполнял его уши. Огонь приближался к нему. И все же, мастер оружия колебался. Он вытащил из-за пояса Кинжал Мензоберры, и посмотрел на него, ощутив неожиданное, ошеломляющее отвращение. Он рисковал жизнью чтобы добыть эту вещицу, и ради чего? Чтобы Мэлис могла ублажить Лолт, и выиграть в этих своих проклятых играх интриги и предательства? Пурпурный камень в рукояти Кинжала подмигивал как злобный глаз. Губы Зака скривились в отвращении. Ну нет, он не желает заниматься поисками фавора Лолт. Значит, остается только один вариант, и плевать на последствия.

“Я не сделаю ничего, что бы радовало тебя Лолт!” он перекричал даже оглушающий рев. “Если тебе так нужен этот кинжал, иди ищи его в Бездне!” И Зак швырнул Кинжал вниз по спирали лестницы, в поднимающийся огонь. Реликвия затерялась в полыхающем пламени, сверкнув напоследок. Волосы Зака начали завиваться и хрустеть. Пар поднимался от кожаных одежд.

Еще мгновение, и он изжарится заживо. С яростным криком он бросился через отверстие и каменный круг сомкнулся за ним.

Огонь и шум исчезли. Зак растянулся на вершине колонны, прижав опаленную щеку к холодным камням. Только очень нескоро он понял, что все еще жив. Со стоном он заставил себя подняться на ноги. Внизу удалялась в направлении Тир Бреч процессия пурпурных магических факелов. Только основание Нарбонделли светилось теплом, выдавая яростный огонь полыхавший внутри. Зак глубоко вздохнул, сосредотачиваясь. Сойдя с края колонны он опустился на улицу.

Когда он вернулся в Дом До'Урден, Матрона Мэлис уже ждала его.

"Я вернулся".

Зак перелетел над адамантитовой оградой и опустился на ониксовый пол. Мэлис направлялась к нему, грация ее походки не скрывала угрозы.

"Я вижу". Глаза ее были полуприкрыты, лицо непроницаемо. "Добыл ли ты Кинжал?"

Зак должен был говорить уверенно, если хотел хотя бы попытаться обмануть ее. "Боюсь что нет, матрона-мать", сказал он, изображая сожаление. "Камень привел меня в пещеру под Нарбонделью. Не сомневаюсь, что Кинжал когда-то был там. Но теперь он исчез. Украден грабителями могил давным-давно, полагаю".

Мэлис обняла его. Зак остолбенел. Неужто она простила его так легко? Она наклонила губы к его уху, и прошептала единственное слово.

"Лжец".

Зак отступил назад в шоке, лихорадочно подбирая слова. "Это не ложь, матрона-мать…"

"Тихо!" закричала она, глаза ее вспыхнули бешенной яростью. "Я видела все, глупец. Все!" Она протянула руку к его плечу. Маленький паучок соскользнул на ее руку, и пробежался к ее собственному плечу, поблескивая своими блестящими глазками.

Зак выругался про себя. Она послала с ним одного из своих шпионов, можно было догадаться. Ужас сменился холодной решимостью. Он склонил голову. "Я не сожалею о том, что сделал." "Еще успеешь, Закнафейн", прошипела Мэлис. "Еще успеешь". Она сделала резкий жест, и три фигуры выступили из теней. Ее дочери. Вирна и Майя схватили его руки, а Бриза связала вместе его ладони грубым кожаным ремнем. Зак посмотрел вверх, надеясь увидеть сожаление в глазах Вирны. Он не увидел вообще ничего.

“Что мы будем делать, Мать?” спросила Бриза, затягивая потуже узы. “Кинжал должен был принести нам благословение Лолт. Но такое кощунство наверняка вызовет ее недовольство”.

“Мы обречены!”, в отчаянии взвыла Майя. “Еще нет”, рявкнула Мэлис. “Нет — если преступление будет искуплено. Тогда Лолт простит нас. Закнафейн должен быть наказан. И есть только одно наказание”.

“Смерть?” спросила Вирна, голос ее не выдавал никаких эмоций. Мэлис покачала головой. “Смерть не успокоит гнев Лолт”. Губы ее скривились в жестокой улыбке. “Нет, кара Закнафейна будет куда хуже простой смерти”.

Зак уставился на нее в растущем ужасе. Что она имеет в виду? Но даже самые темные его страхи оказались мелочью по сравнению со сказанным ей.

“За преступления против Лолт и Дома До’Урден, Закнафейн, я приговариваю тебя к … превращению в драйдера!” Зак содрогнулся. Даже дочери Мэлис дернулись. Для темных эльфов не было наказания ужасней. Превращение в драйдера, когда тело принимает жуткий облик, полу-дроу, полу-паук, превращение которое невозможно обратить вспять.

“Отведите его в Пещеру Потерянных”, приказала Мелис. “И чтобы никогда больше я его не видела!”

Попытки Зака вырваться из его пут были безуспешны. Дочери Мэлис потащили его, беспомощного, навстречу ожидавшему его проклятию.

Глава 5. Приглашение к славе

С силой сжав адамантитовый поручень, Матрона Мэлис смотрела на суетившихся внизу, во дворе, рабов.

“Ну что теперь, Дармон Нашезбернон?” пробормотала она, используя древнее название Дома До’Урден. “Неужто твой путь к славе уже пришел к концу?”

К ней прикоснулись ладони, массируя плечи, пробежавшись по гладкой коже спины. Она почувствовала теплое дыхание на шее. “Пойдем в постель, Мэлис. Я помогу тебе забыть о проблемах”.

Резким рывком Мэлис стряхнула ладони и повернулась. “Для тебя Матрона Мэлис, Риззен”, сказала она ядовито, глядя на ее текущего патрона. Ей уже более чем достаточно было на сегодня непочтительных мужчин, не знающих свое место.

Глаза Риззена тревожно выкатились, он стал бормотать неуклюжие извинения.

Мэлис вздохнула, прерывая его раздраженным взмахом руки. Никакого интереса выплескивать гнев на Риззена. Он был слаб и податлив, слишком легко поддавался, чтобы это доставляло ей какое-то удовольствие. Она потрясла головой. Был бы Закнафейн чуть более похож на Риззена, и эта беда никогда бы не случилась. Хотя, с другой стороны, если бы Зак был как Риззен, у него никогда не хватило бы сил добыть вначале Кинжал Мензоберры. Закнафейн всегда был ее проклятьем и ее благословением. Теперь уже не будет.

“Оставь меня, Риззен”, приказала она.

Риззен с глубоким поклоном попятился из комнаты. Мэлис мгновенно забыла о нем.

Матрона Дома До’Урден вновь обратилась мыслями к текущим делам. Необходимо было оценить все возможные ситуации, предсказать все возможные последствия происшедшего. Ей необходима была уверенность, что ее дом не будет ослаблен. Случись такое, и какой-нибудь дом низкого ранга может воспользоваться возможностью подняться повыше, организовав внезапную атаку на Дом До’Урден.

Снова и снова Мэлис прокручивала в мозгу всевозможные варианты развития событий. Наконец она кивнула, удовлетворенная, что ее Дом в безопасности, во всяком случае, на время. Закнафейн бросил Кинжал Мензоберры в огни Нарбондели. Естественно, это лишало Дом надежды на появление в нем Лолт завтра, на Фестивале Основания. Однако за это кощунство Закнафейн приговорен к самому страшному

наказанию, известному дроу. Наверняка это удовлетворит Лолт и вернет чаши весов в равновесие. Мэлис ничего не добилась, но она верила, что ничего и не потеряла.

Она вздрогнула при мысли о каре, которой подвергнется ее мастер оружия. Это не было тем, что она могла совершить с радостью. Даже в момент произнесения приговора сердце умоляло ее остановится. Превращение в драйдера — судьба которой она и худшему своему врагу не пожелала бы. По ее приказу Зак станет монстром: бесконечная пытка, жизнь в уродливом облике, полная боли, безумия и ненависти, рыскание по лабиринтам Темных Владений.

А какой у нее был выбор? Никакого. Она сделала то, что должна была сделать, чтобы защитить Дом До'Урден. Она матрона-мать, и благополучие дома стоит выше всего остального. Это нельзя забыть. И все же, ужасный вес содеянного давил на нее, пригибая на колени. Она застонала. Обычно она наслаждалась своим могуществом матроны-матери благородного дома. Но иногда эта власть была страшным бременем.

Низкий гул достиг ее заостренных ушей. Мэлис в удивлении посмотрела вверх, и увидела маленький диск, висящий перед ней. Металлический круг сверкал темно-синим светом, вращаясь в воздухе. Диск-посланник! От кого?

Она вытянула вперед ладонь, и диск опустился на нее, теплый на ощупь. Над его поверхностью появилось изображение, призрачное но четкое. Древняя женщина-эльфийка, темную кожу покрывали морщины, волосы стали желтыми и тонкими, но глаза сверкают как драгоценные камни. Мэлис вздохнула. Перед ней было изображение Матроны Баэнре, правительницы Первого Дома Мензоберранзана. К дальнейшему удивлению Мэлис, изображение начало говорить.

"Приветствую тебя, Матрона Мэлис". Резкий голос Матроны Баэнре доносился от изображения.

"Приветствую…" начала было отвечать Мэлис, но изображение продолжало без паузы, и Мэлис поняла, что не разговаривает сейчас напрямую с Матроной Баэнре. Скорее это было просто сообщение, вложенное в сам диск.

"Фестиваль Основания вот-вот наступит", говорил призрачный облик Матроны Баэнре. "Как тебе известно, в традиции этого дня входит совместный обед благородных из разных домов. Если Дом До'Урден соблаговолит пригласить Дом Баэнре в честь священной даты, я буду очень признательна".

Сердце Мэлис подпрыгнуло. Баэнре желает отобедать с Домом До'Урден в день Фестиваля? Какая удача! Мэлис надеялась добиться визита самой Лолт, но проиграла, однако, без

сомнений, это была вторая по рангу честь. И это наверняка значит, что Матрона Баэнре благоволит к дальнейшему возвышению Дома До'Урден. И как только станет известно, что Дом Баэнре решил обедать с Домом До'Урден, престиж клана Мэлис сильно возрастет.

"Согласится ли Матрона Мэлис на это предложение?" закончило свою речь плавающее над диском изображение.

Хоть и в вежливой обертке, это конечно же была не просьба, а требование. Отказ был бы самоубийством, — ну так она и не собиралась отказываться.

Мэлис выпрямилась и произнесла формальным тоном. "Передай, пожалуйста, Матроне Баэнре, что для меня великая честь принять ее любезное предложение".

Изображение старухи кивнуло и исчезло. Диск взмыл с ладони Мэлис и заторопился прочь, неся ее ответ в Дом Баэнре.

Усилием воли Мэлис выкинула из головы мысли о Закнафейне. Лучше бы ей забыть его. К тому же, теперь у нее были другие заботы. Улыбка коснулась темно-красных губ. Поражение превратилось в победу. Завтрашний день все же принесет ей славу.

Глава 6. Превращение

Он лежал на алтаре из темного камня, его руки и ноги были накрепко привязаны к углам алтаря ремнями из кожи ротов. Крики агонии наполняли пещеру, но и они не могли заглушить жуткие звуки молитв-заклинаний. Закнафейн изворачивался, натягивая свои путы, пытаясь увидеть, что происходит. Он не единственный был приговорен к превращению в драйдера этим днем.

Разглядеть что-либо было трудно. Едкий дым поднимался в воздух от ритуальных огней, зажженных жрицами. Его ноздри отчетливо и резко ощущали запах страха. Это было страшное место. Лихорадочное бормотание жриц перешло на высокие тона, и раздался еще один вопль дроу. На мгновение клубы дыма чуть рассеялись, и Зак смог увидеть происходящее.

Справа от него восемь жриц Лолт собрались вокруг алтаря, на котором было распято корчащееся тело. В голове каменной плиты, возвышаясь над ярким зеленым пламенем, вырывавшемся из медной жаровни, находилась кошмарная фигура. Масса пузырящейся плоти, щупальца и выпуклые глаза — йоклол, Прислужница Лолт, вызванная из глубин Бездны творить свое зло здесь. Волна страха и отвращения окатила Зака при взгляде на нее. Он сжал челюсти, сопротивляясь позыву рвоты.

Жрицы в экстазе подняли руки, пронзительная речь их молитвы достигла пика. Йоклол вытянула щупальца, обвернув их вокруг головы жертвы. Беспомощная женщина успела в последний раз закричать, выгнувшись дугой. Затем, с ужасающей быстротой, началось изменение. Извивающиеся лапы вырвались из ее поясницы, живот стал менять форму. Крик превратился в дикие пощелкивания, наполненные одновременно страданием и безумным весельем. Жрицы расступились, и на мгновение Зак очень четко увидел новое существо, стоявшее на алтаре, где прежде лежала женщина. Оно было похоже на дроу до пояса — но теперь уже не женщина и не мужчина — а дальше начиналось брюхо и лапы огромного, уродливого паука. Затем дым вновь сгустился, и страшная фигура исчезла.

Еще дважды Зак слышал вопли и заклинания, те, кто посмел отступить от Пути Лолт несли наказание за свои преступления. Затем в помещении стало тихо. Его очередь. Новые попытки разорвать узы оказались столь же тщетными, что и предыдущие, и, напрягшись, он ждал своего проклятия.

Но тут произошло странное событие. Маленькая фигурка подтянулась через край алтаря, и неуклюжей походкой прошлась

по плите. Зак смотрел на нее, страх отступил перед удивлением. Что бы это ни было, выглядело оно как грубая глиняная статуэтка эльфа, не больше его ладони. Только — живая.

Нет, не живая, сообразил Зак. Оживленная магией.

Неловкими шагами глиняный голем добрался до правой ладони Зака. Он поднял руку, и зеленое пламя отразилось от металла. Маленький кинжал был прикреплен к руке статуэтки. Глаза Зака расширились, когда голем ударил. Острый нож почти разрубил кожанный ремень, удерживавший запястье, оставив только тоненькую полоску.

“Мы отдохнем, когда закончим работу, сестры” раздался голос сквозь дым. “Давайте сначала разберемся с последним святотатцем”.

Неуклюже, но с удивительной скоростью, голем скрылся в кармане Зака. В этот момент из клубов дыма появились фигуры в черных одеяниях. На лицах дроу были жестокие улыбки. Изумрудное сияние разогнало сумрак, когда у изголовья Зака зажгли огонь. Пламя взревело, что-то проявилось сквозь него. Зак изогнулся чтобы посмотреть назад, и заметил бесформенную фигуру с щупальцами. Ужас коснулся его. Жрицы начали молитву, и склизкое щупальце прошлось по его лбу. Лицо Зака исказила гримаса, он ощутил первый укол боли глубоко в теле. У него оставался единственный шанс.

Одним движением он рванул правую руку вверх, разрывая ослабленную кожу, и выхватил с пояса одной из жриц церемониальный кинжал в форме паука. Ударил по дуге, перерезав горло двум жрицам, широко раскрывшим глаза от удивления, и тут же перерезал остававшиеся путы. Еще прежде, чем тела осели на землю, Зак вскочил на ноги на алтаре, выставив перед собой кинжал.

Он оказался лицом к лицу с йоклол.

Тварь из Бездны плыла в магическом пламени жаровни, в дюймах от его лица. Взвыв в демонической ярости, она потянулась к нему щупальцами, готовясь разорвать его на части. Зак не мешкал. Ударом ноги он опрокинул жаровню, перевернув ее. Полетели искры. Йоклол вновь закричала и исчезла, оставив после себя только дым, изгнанная назад в свою преисподнюю, когда погас вызвавший ее огонь.

Зак повернулся. Остававшиеся жрицы пришли в себя. Они схватились за собственные кинжалы и бичи, окружая его. Одна подняла руки, произнося слова заклинания. Зак ударил, сломав ей челюсть прежде, чем та успела сплести чары, и она упала на пол со стоном. Другая жрица подняла деревянный жезл, сиявший магическим светом, готовясь нанести удар. Метнулся кинжал, и

жезл упал на землю, перерубленная рука жрицы все еще держала его. Она зажала кровавый обрубок и отшатнулась в сторону.

Неожиданно для самого себя, Зак просиял. Они собирались применить к нему их правосудие. Ну что же, это будет его правосудием. Он вновь ощутил ясность, которую чувствовал уничтожая орудия зла. Эти жрицы Арах-Тинилит осуществляли жестокую волю Лолт. Они давали Паучьей Королеве ее могущество. Возможно он убийца. Возможно, он не лучше чем они, чем любой другой дроу. Но уж если он должен убивать, пусть это будут такие твари, как они.

Его улыбка стала еще шире, он забрал у одного из трупов второй кинжал. Рукояти гудели в его руках, зачарованные клинки, невозможной остроты.

Ужас расцвел в глазах четырех остававшихся жриц. Он казался им демоном, неведомым существом, страшнее обитателей Бездны. Они повернулись и побежали, и умерли еще двое, когда в спины им, пробивая сердце, вонзилось по кинжалу. Зак бросился было за двумя другими, но его остановили четверо солдат-мужчин.

Готовясь защищаться, Зак использовал изобретенный им самим давным-давно маневр. Он расположил один кинжал повыше, другой ниже, чуть-чуть отставив их в стороны. Как только солдат сделал выпад, Зак свел кинжалы поймав между ними руку. Кость хрустнула как стекло и солдат с криком упал. Зак засмеялся, столь же быстро расправляясь с остальными. Через несколько секунд у его ног валялись четыре трупа. Он перепрыгнул через них, уже не задумываясь ни о чем, желая только догнать жриц.

Три мрачные фигуры преградили ему путь. Дым закружился и рассеялся. Зак остановился, разглядывая отвратительных существ, полу-дроу, полу-пауков. Убийство и безумие отражались в их красных глазах. Драйдеры.

Только что созданные монстры надвигались, их руки дроу сжимали оружие, паучьи ноги угрожающе тянулись к нему. Заку пришлось перейти к обороне. Он нанес удар, и обрубленная нога забилась в судорогах. Еще один удар — и упала еще одна нога. Но драйдеры продолжали атаковать. В охватившей их безумной жажде крови они не замечали боли. Они заставляли его отступать, пока спина его не уперлась в камень. Дыхание его становилось тяжелым, руки болели. Долго удерживать драйдеров ему не удастся. Предвкушая победу чудовища ухмылялись, зеленая слюна катилась по подбородкам.

В отчаянии Зак огляделся, ища выход. Его не было. Тут его глаза разглядели что-то наверху, ничтожный шанс — но

единственный. Прицелившись, он со всей силы метнул кинжал в скопление сталактитов, свисавших с потолка пещеры. Кинжал отскочил от камня без результата. Зак уклонился от удара ногой, примерился оставшемся кинжалом и бросил его. Этот ударившись о камень сломался. Клинок разорвало на части, и сила взрыва высвободившейся магии обрушила несколько сталагмитов. Тяжелые каменные пики понеслись вниз, и драйдеры завизжали в агонии.

Зак отошел от умиравших существ. Раздутое брюхо каждого драйдера было пронзено одним из сталактитов, из ран текла дурно пахнувшая жидкость. Он видел как драйдеры падают, паучьи ноги отказывались держать их. Багровые огни мелькнули в последний раз в потемневших глазах. Зак покачал головой. Для этих он стал благословением. Лучше смерть, чем столетия жизни монстра.

Зак глянул на свою запачканную кровью одежду, и горький смех сорвался с его губ. “А разве ты сам еще не монстр, Закнафейн?”.

Удаленные крики отражались от холодного камня, их источники похоже приближались. Уцелевшие жрицы вернулись с подмогой. Скоро появятся солдаты, и больше чем он сможет одолеть. Оглядевшись, он обнаружил пустое отверстие побочного ответвления. Левитируя, чтобы не оставлять заметных тепловых следов, он вошел туда, и погрузился в запутанный лабиринт Темных Владений.

Через некоторое время магические силы Зака истощились, и он опустился на каменный пол тоннеля. Прислушавшись, он не услышал звуков погони. Устало облокотившись на неровную поверхность стены, он почувствовал, что дрожит. Превращения в драйдера удалось избежать, но что теперь делать? Он изгнанник, пария, возвратиться в Мензоберранзан теперь невозможно. А все, что ожидает одинокого эльфа в Подземье — смерть. Конечно, это лучше чем жизнь драйдера… но не намного.

Что-то дернулась в кармане его черной куртки из кожи рота — его необычный маленький спаситель. Он вытащил глиняного голема, и статуэтка, повернувшись, уставилась на него тусклыми глазами-камешками. Зак опустил голема на пол, и присел рядом. Погладив подбородок, он задумался. Кто прислал голема? Кому он обязан спасением?

Неожиданно голем пошел дальше по тоннелю, неловко взмахивая рукой. Зак дернулся от удивления: голем звал его за собой. Куда? Возможно, к ответу на его вопрос. Зак направился за големом, который несмотря на короткие ноги двигался с немалой скоростью, ведя мастера оружия сквозь запутанный лабиринт

тоннелей, пещер и коридоров. Он начал уже сомневаться, ведет ли его голем в какое-то определенное место, но вдруг тот остановился.

Голем стоял на краю круга из гладкого белого камня. Белый диск представлял резкий контраст с грубым камнем вокруг. Он явно был не естественного происхождения, а помещен кем-то в этом тупике. Голем продолжал стоять неподвижно, и у Зака не было особого выбора. Он встал на светлый камень диска.

Вокруг него все расплылось, затем встало на свои места.

“Я вижу, мой маленький слуга добился успеха”, раздался шипящий голос.

Зак пошатнулся, схватившись за живот. На мгновение, он подумал что его вырвет от жуткого ощущения, оставленного пережитым только что искажением.

“Прошу прощения”, продолжил голос. “Путешествие через диск может быть дезориентирующим. Но эти ощущения быстро проходят”.

Уже слыша эти слова, Зак обнаружил что головокружение унимается, и поднял голову. Он стоял на другом кругу белого камня, в центре восьмиугольной комнаты, заполненной пергаментными свитками, стеклянными сосудами, непонятными металлическими инструментами и частями мумифицированных животных. Перед ним стоял дроу закутанный в черных одеяниях, лицо его скрывала бесформенная серая маска.

Зак напрягся, готовясь защищаться. “Кто ты?” резко спросил он.

Приглушенный смех раздался из под маски, насмешливый, но не злобный. “Тот, кто мог бы за последние несколько секунд уничтожить тебя десятком способов, несмотря на все твое искусство, мастер оружия. Но прошу тебя, расслабься. Я не для того взял на себя хлопоты спасения тебя от проклятых жриц Лолт, чтобы теперь зажарить в огненном шаре.

Зак оглядел собеседника, все еще насторожено. “Значит, здесь я в безопасности?”

Снова жутковатый смешок. “Нет, Закнафейн. Ни в коем случае не в безопасности. Но если ты имеешь в виду физическую угрозу, здесь для тебя ее нет. Нахождение здесь подвергает опасности твою душу”.

Слова эти заинтриговали Зака. Невольно он расслабился и сошел с диска. “Ты все еще не ответил на мой вопрос. Кто ты?”

“Я Джалинфейн”, был ответ, “хотя имя это известно не многим. Для большинства я просто Паучий Маг”.

От нового шока Зак застыл на месте. Сказанное подтверждало его догадку, что он находится в покоях мага, где-то в башнях

Сорцере, академии магии в Тир Бреч. Но это был не просто один из мастеров Искусства. Паучий маг был одним из самых таинственных магов Мензоберранзана, говорили, что мастерство его превзойдено только его желанием служить Лолт, а оно, в свою очередь, только его безумием. Однако стоявший перед ним не был похож на сумасшедшего, и — по словам и делам — не напоминал почитателя Лолт.

Интерес и замешательство Зака для Паучьего Мага были очевидны. “Присядь”, пригласил маг, указывая на пару кресел за столом. Я объясню, что могу. Но времени у нас мало. Ее взгляд отвернулся пока куда-то еще, но он вернется скоро. Она всегда наблюдает”.

Дрожь прошла по спине Зака. Ему не надо было пояснять, кто такая *она*.

Они уселись за стол, потягивая вино, и Паучий Маг заговорил. “Есть кое что, что ты должен увидеть, Закнафейн. Тебе не понравится увиденное, но это необходимо, чтобы понять, что я собираюсь рассказать”.

Без дальнейших пояснений, маг снял серую маску. Под ней было… не лицо. Масса содрогающихся паучьих лап. Сотни. Тысячи. Зак отвернулся. Когда он посмел повернуться назад, маска была уже на месте.

“Как…?” выдавил он, все, что он смог произнести. “Я избавлю тебя от деталей”, ответил маг. “Достаточно сказать, что это сделала йоклол, одна из слуг Паучьей Королевы. Теперь ты поверишь мне, когда я скажу как я ненавижу Лолт”. Следующие несколько минут Зак внимательно слушал, как Паучий Маг говорит о своей ненависти к богине дроу. Джалинфейн говорил не только о том, что она сделала с ним, но о том, что она сотворила со всеми дроу — о коварстве и интригах, которыми она сделала их такими, какие они сейчас — жестокие, бессердечные, полные ненависти. Темные эльфы были когда-то мудрым и благородным народом, которому было известно сочувствие. Так было до того, как они запутались в паутине Лолт, обмане и злобе, и были изгнаны в Подземье. Для Паучьей Королевы, извращение природы дроу было просто жестокой игрой, в которой она поистине была мастером.

Эти слова пробудили что-то в Закнафейне. Он покачал головой в мрачном удивлении. “Я всегда думал что я один такой, единственный, кто ненавидит тех, кем мы стали, *чем* мы стали”.

“Не единственный”, возразил Паучий Маг. “Есть и другие. Другие, которые верят, что дроу не должны больше жить во тьме и ненависти. Я привел некоторых из них сюда, чтобы поговорить с ними, так же, как привел тебя. Нас немного, но мы есть. Ты

понимаешь?" Маг сжал кулак. "Это значит, что Лолт не подчинила нас полностью. Если бы было так, никогда бы не родились такие, как мы!"

Уставившись на мага, Зак вдумывался в его слова. Глубоко во мраке его души слабо блеснула искорка надежды. "Но как мы можем бороться?" "Не в открытую", резко ответил Паучий Маг. "Ты понял уже, чего добивается тот, кто сопротивляется воле Лолт. Смерть или превращение в драйдера. Нет, если нам и удастся сокрушить Лолт, это будет в ее собственной игре".

Зак не понял.

"Возьмем меня к примеру", пояснил Паучий Маг. "Представляясь верным рабом Лолт я избегаю слишком уж тщательного наблюдения. Но делая вид, что служу Паучьей Королеве, я работаю против нее. Использую данные ей же силы против нее. Тонко, незаметно, осторожно. Терпеливо. Это может занять столетия, но мы можем ослабить ее власть над дроу".

Зак покачал головой в сомнении. "Не знаю, Джалинфейн. Я воин, меня учили не становится союзником своим врагам, а побеждать их в бою".

В голосе мага появилась мольба. "Ты должен поверить мне, мастер оружия. Возвращайся в свой Дом. Служи своей матроне-матери и ее дочерям-жрицам. Не давай им причин заподозрить, что ты не просто верный инструмент в их руках. Жди и наблюдай. Когда появится возможность сделать доброе дело, разрушить планы Лолт, ты увидишь это". Паучий Маг взял его за плечо. "Служа Лолт мы можем управлять ей, Закнафейн. Это единственный способ".

"Даже если так, я не могу вернуться", возразил Зак. "Можешь".

Паучий Маг провел рукой над хрустальным шаром. Внутри появилось изображение огромной колонны, с каменной поверхности которой изчезали последние следы теплового сияния. Нарбондель.

"Ты думал, что уничтожил Кинжал Мензоберры, бросив его в пламя, но это не так. Даже магический огонь архимага не причинит вреда вещи столь могущественной, как Кинжал".

Опасный свет вспыхнул в глазах Зака. Если он достанет Кинжал, и принесет его Матроне Мэлис, у нее не будет иного выбора, кроме как вновь вернуть ему позицию мастера оружия. В этот момент он сделал выбор. Повелевать ею, служа ей. Да, это единственный путь.

Зак резко вскочил. "Надо идти". Он ехидно ухмыльнулся. "Надо найти кинжал в подарок моей возлюбленной матроне-матери".

Наверно это лишь игра теней, но казалось серую маску Паучьего мага тронула усмешка. “Прощай, Закнафейн. Вновь встретится будет слишком опасно. Позволь мне сказать лишь, что это было честью для меня — встретиться с тобой”.

Зак не смог найти слов, и только поклонился.

“Используй диск”, добавил Джалинфейн. “Он доставит тебя к Нарбондели”.

Зак молча сделал шаг на белый круг, и мир вновь закружился вокруг него.

Глава 7. Служить…

Джалинфейн сидел в тишине своей комнаты, глубоко в самом сердце Сорцере. Он смотрел в шар, на сияющую колонну, думая об опасности, о которой не стал предупреждать мастера оружия.

Притворяться, что верно служишь Лолт было единственной надеждой встретить шанс ослабить ее могущество. Но в этом была и опасность. Представляясь рабом Паучьей Королевы эльф мог проснуться однажды и обнаружить, что и в самом деле стал им. Время было их союзником, но и врагом тоже, с течением времени даже дроу с чистым сердцем мог подчиниться злу.

“Каждый день мы пылаем в Огнях Нарбондели, друг мой”, прошептал Джалинфейн в кристалл. “Каждый день приносит шанс сделать добро, и шанс стать злом”.

Джалинфейн вздохнул. Все остальное было уже не в его власти. Взмахом руки он заставил кристалл потемнеть. Паучий Маг встал. Время служить Лолт.

Глава 8. Реликвии

Дриззт знал, что не должен быть здесь. Бриза приказала ему отполировать каждую дверную ручку в доме, но ничего не говорила насчет открывания дверей.

Дверь защелкнулась за ним. Поздно.

“Ну что же, я ведь и так уже заработал плети, теперь могу и поглядеть, что тут”, решил юный дроу.

Дриззт наслаждался тишиной маленькой комнатки. Весь Дом До’Урден гудел от последних приготовлений к Фестивалю Основания, и к приближавшемуся визиту Матроны Баэнре и ее сопровождения. Даже по меркам Бризы заданная ему работа была нелегкой. Дом До’Урден не был самым большим в Мензоберранзане, но и не самым маленьким. После сотой двери Дриззт перестал считать. И вот он добрался до самой последней ручки, в двери находящейся в конце редко посещаемого тоннеля.

Дриззт сам не понял, что именно так заинтересовало его в двери. Остальные двери в доме были большими, искусно оформленными изображениями паутины и пауков, и древних героев дроу. Эта была такой маленькой и неприглядной, что он чуть не пропустил ее. Наверно, именно это и вызвало его любопытство. Он ведь даже не собирался поворачивать ручку, но когда он в последний раз протер ее тряпкой, ручка повернулась, и дверь открылась.

Теперь Дриззт разглядывал помещение. Через некоторое время он разочарованно вздохнул. Комната была пуста, за исключением нескольких поломанных кресел и рваных гобеленов. Дриззт повернулся к выходу. Может, если он выберется незамеченным, ему удастся избежать порки. Он потянулся к ручке…

И здесь он заметил странность: стена комнаты была вся покрыта пятнышками плесени — кроме маленького круга в центре стены слева от него. Дриззт нахмурился. Это было необычно: грибок покрывает любую оставленную без присмотра поверхность.

Он подошел к стене, разглядывая круг гладкого камня. Только одна причина могла помешать грибку разрастись на этом участке стены. Проверяя свою догадку, он поднял руку и прижал ладонь к камню.

Я этого не ожидал… подумал Дриззт, когда под ним провалился пол. Он пытался использовать левитацию, но не успел. Ухнув, он приземлился на кучу чего-то холодного, жесткого и звенящего. Монеты, сообразил он. Куча

адамантитовых монет. Он поглядел вверх, на отверстие в десятке футов над головой. Подняться вверх и выбраться наружу труда не составит, но сначала…

Он поднялся на ноги, стряхнув с себя монеты, и огляделся. Возглас изумления сорвался с его губ. Его фиолетовые глаза различали холодные формы из серебра, рубинов и жемчуга; он провел пальцами по чашам из кости и украшенным драгоценностями жезлам. Он нашел секретную сокровищницу Дома! Если мать или сестры найдут его здесь, его изобьют до полусмерти. Подумай Дриззт хорошенько, он убрался бы отсюда как можно скорее, но жизнь принца-пажа такая мрачная, а здесь столько восхитительного! К тому же, надолго он не задержится.

Дриззт надел изумрудную корону и поднял меч, представляя себя великим королем какого-нибудь королевства глубин. Он завертелся, размахивая мечом, воображая ужасных монстров Подземья, которых он уничтожает.

Внимание его привлек какой-то отблеск. На мраморном пьедестале лежала золотая чаша. Дриззт направился к ней, выронив меч. Сосуд был без украшений, но что-то говорило Дриззту, что он отнюдь не прост. Он дотронулся до золотого обода, и прозрачная вода — хлеставшая из невидимого источника — наполнила чашу; Дриззт склонился над ней. Вначале он увидел только собственное отражение, но затем вода стала черной, темнее глубочайших расселин Подземья. Дриззт испуганно вскрикнул, но отвернуться не мог.

Начали появляться изображения. Они быстро проплывали по спокойной поверхности воды. Он увидел мать, разговаривающую с сестрами, они склонили головы поближе друг к другу, обсуждая какой-то очередной коварный план. Их изображение сменилось братом Дайнином, практикующимся с мечами. Затем так же быстро сменилось несколько сцен по всему городу: лица и места, Дриззту не известные.

Наконец он понял. Это чаша наблюдения. Он слышал как-то раз Матрону Мэлис, говорившую о ней Бризе — она не заметила, что Дриззт близко. Одно из величайших сокровищ Дома До'Урден.

"Ты должен убраться отсюда, Дриззт", предупредил его голос разума. Совет этот, однако, потонул в охватившем его возбуждении. Чаша может показать ему все, что он захочет! Но что он попросит? Может, стоит позволить чаше решить за него?

Он обхватил обод и приказал: "Покажи мне что-нибудь важное". Металл, казалось, загудел под его ладонями.

На мгновение он подумал, что его пожелание привело магическую чашу в замешательство, потому, что вода вновь стала

темной, такой черной, что даже смотреть на нее было больно. Затем тьма превратилось в пламя. Огонь отступил, открывая его взгляду прекрасный кинжал на каменной ступеньке. Пурпурный камень подмигивал в рукояти, клинок все еще светился жаром огня. Дриззт прикусил губу. Кинжал казался реальным — таким реальным, что, прежде чем он сообразил что делает, он потянулся в чашу, проникая рукой под холодную гладь воды.

Пальцы сомкнулись на обжигающе горячем металле.

С воплем удивления и боли, Дриззт отдернул руку. Вода забурлила, раздалось шипение. Наконец пар рассеялся. Дриззт смотрел в страхе и изумлении.

“Что я наделал?” прошептал он.

В ладони он сжимал кинжал, металл его был теперь холоден, остуженный водой наблюдающей чаши.

Глава 9. Паучья драгоценность

Реальность поплыла, затуманилась и вновь сфокусировалась вокруг Закнафейна. Он вновь стоял высоко над центром запутанной паутины Мензоберранзана. Нарбондель. Камень под ногами был холоден, но магические огни уже плыли по улицам города — архимаг приближался, чтобы начать новый день. Фестиваль Основания. У Зака почти не оставалось времени.

Мастер оружия нашел знакомую расщелину на верхушке колонны, и запустил внутрь руку, нащупывая кнопку. Вновь открылась темная дыра в камне. Не мешкая, Зак ступил на винтовую лестницу, приспосабливая эльфийское зрение к новому окружению.

Очень быстро он убедился, что кинжал исчез. Он не мог отлететь далеко, а яркий камень в рукояти был бы отлично заметен на ступеньках. Зак выругался, на всякий случай пробежавшись вверх-вниз по лестнице еще раз, просто для уверенности. Но он уже знал, что не найдет кинжал, и не ошибся. Он вновь вскарабкался наверх и раздраженно закрыл за собой дверь.

“Ну и где он?” спросил он в темноту.

Паучий Маг сказал, что Кинжал не был уничтожен, и Зак верил его словам.

“Джалинфейн не лгал мне. Мы с ним родственные души”.

Но раз так, если реликвию не уничтожило, значит остается только один вариант. Ее достал кто-то другой. Но кто? И где кинжал теперь? Фестиваль Основания вот-вот начнется, и времени не было на то, чтобы обыскать даже маленький участок города, тем более весь город. Похоже, его поиски прощения закончились неудачей в самом начале.

Зак рассмеялся. Что за глупость! У него ведь есть способ найти кинжал. Потянувшись к мешочку на шее он вытащил паучью драгоценность, и поместил камень на вытянутую ладонь. Рубин в брюшке мигнул, оживая. Паук забегал по ладони и замер. Зак проследил глазами, куда указывает паук. На запад.

Времени мешкать не было. Зак спрыгнул с колонны в восходящий поток, обернувшись в *пивафви* и позволяя теплому воздуху спрятать тепло его тела от посторонних глаз. Опустившись наземь, он окунулся в лабиринт улиц, как раз в тот момент, когда процессия архимага добралась до основания Нарбонели.

Архимаг возложил ладони на древнюю колонну. Вспыхнул огонь, заставляя камень слабо светится темно-красным светом.

Фестиваль начался.

Глава 10. Гоблин у ворот

Матрона Мэлис удовлетворенно оглядела все вокруг. Все готово к Фестивалю. По ее приказу, слуги выставили в пиршественном зале самые ценные сокровища Дома До'Урден: кресла из костей дварфов, столы с ножками из драконьих клыков, хрустальные сосуды, окрашенные в красный цвет эликсиром из крови наземных эльфов — добытой в рейдах на поверхность. Дом Мэлис не был богатейшим в Мензоберранзане, но ему было чем похвастаться. Матрона Баэнре наверняка будет впечатлена.

Мэлис улыбнулась, но улыбка получилась натянутой. Несмотря на неминуемый успех, ее удовлетворение было неполным. Чего-то не хватало, и она с огорчением поняла, кого. Но без этого неуправляемого мастера оружия будет только лучше, сказала она себе. Она найдет других на замену в своей постели. Да, глупо портить удовольствие от предстоящего дня славы мыслями о Закнафейне.

Дайнин ворвался в зал и низко склонился перед ней. "Прости мое вторжение, Матрона-мать, но ты приказала сообщить, если кто-либо — кто угодно — придет к воротам дома. Появился одинокий гоблин, и он просит нашего гостеприимства".

Бризы яростно фыркнула. "Бесстыжий ничтожный червяк!" Она взялась за свой змееголовый бич. "Я разберусь с ним, Мать".

Мэлис посмотрела на дочь. "И снова навлечь на нас немилость Лолт?" издевательски спросила она. "Ну нет. Спрячь свой бич, Бриза. Ты слишком любишь ощущение его рукояти в руках. Возможно, тебе пойдет на пользу напоминание, на что похож другой его конец?"

Бриза ошеломленно посмотрела на нее, и быстро свернула бич, не желая и вправду ощутить его удар на себе.

Мэлис задумчиво погладила подбородок. "Паучья Королева появится сегодня в городе, а в каком облике — предсказать невозможно. Мы не можем рисковать нарушая гостеприимство". Она повернулась к сыну. "Дайнин, приведи гоблина сюда. Что бы он не хотел, он получит".

Дайнин был удивлен, но у него хватало мозгов не переспрашивать матрону-мать. Через несколько минут он вернулся с гоблином — низкорослым, зеленокожим, с уродливым лицом. Мэлис победила собственный порыв вонзить кинжал в его глотку. Слишком много было историй о семьях, которые дурно обошлись с каким-нибудь отвратительным существом, а потом узнавали что это была сама Лолт принявшая другое обличье — например, когда все съеденное ими оказывалось отравленным.

Мэлис заставила себя улыбнуться.

“Добро пожаловать в Дом До’Урден” выдавила она. “Не желаешь ли вина?”

Гоблин кивнул, потирая скрюченные ладони и оскалив желтоватые клыки в улыбке. “Хха, как люблю я Фестиваль Основания!” прохрипел он.

Сама Мэлис обмывала ноги гоблина в серебряном тазу, когда распахнулись двери пиршественного зала и вошла Матрона Баэнре.

“Не забудь еще вымыть между пальцами”, раздался скрипучий голос старухи. “Гоблины не отличаются пристрастием к гигиене”.

Мэлис вскочила на ноги, лихорадочно вытирая ладони о мантию. “Матрона Баэнре! Я только… я… я просто хотела…” Щеки ее горели от смущения.

Баэнре хмыкнула, опершись на посох. “Не беспокойся, Матрона Мэлис. Я уважаю в матроне-матери понимание ценности традиций. Но, думаю, этому гоблину уже оказано столько почтительности, сколько традиции обязывают, с него хватит”.

Гоблин поднял выпученные глаза, сообразив что развлечение закончилось. Мэлис кивнула Дайнину, и ее сын, схватив гоблина, потащил его, отбрыкивающегося и вопящего, прочь из зала. Мэлис с облегчением вздохнула. Начало получилось несколько неуклюжим, но кажется, особого вреда это не принесло. Возможно, все еще выйдет удачно. Вернувшись к протоколу, она опустила голову в формальном приветствии.

“Твое присутвие в этот праздничный день честь для нас, Матрона Баэнре”.

Древняя матрона ответила нетерпеливым взмахом ладони. “Естественно. Так, где тут грибное вино? Я хочу пить”.

“Прошу сюда”, ответила Мэлис, ведя Матрону Баэнре к столу. “Я уверена, ты будешь довольна”.

“О, это мне судить”, хихикнула Баэнре, и на сей раз смех ее был не слишком успокаивавшим.

Мэлис сжала зубы. Пожалуй, сегодня ей придется нелегко.

Глава 11. Нарушитель

Зак откинул капюшон из лохмотьев, которые он накинул поверх своей *пивафви*. Он оглянулся по сторонам, но никого поблизости не было. Войти в Дом До'Урден оказалось легко, понадобилось просто притвориться нищим. В день Фестиваля Основания никому не отказывали. Оказавшись внутри, Зак, используя свои знания крепости, ускользнул от наблюдения, в первую очередь отправившись в свою старую комнату за мечами. Затем он начал поиски.

Разжав кулак Зак посмотрел на светящийся камень. Увидев что паук привел его к Дому До'Урден он был ошеломлен. Кто-то отсюда добыл Кинжал Мензоберры! Зак не знал, как это было возможно, но факт есть факт. Он мог только надеяться, что реликвия еще не попала в руки Мэлис, иначе все его надежды оказались бы разрушены. Тихо, но быстро он пошел по коридору.

Скоро он услышал звуки празднества. Поблизости был пиршественный зал, и, судя по сиянию паучьей драгоценности, Кинжал тоже. Зак прошел под аркой и укрылся в тепловой тени. В поле зрения показалась фигура, бредущая по коридору; лицо было скрыто подносом заполненным блюдами. Волшебный паук заплясал от возбуждения.

Это он, понял Зак, тот, кто взял Кинжал. Он бросил камень в карман, и схватился за рукояти мечей.

Он ждал, пока добыча не подошла поближе, затем выпрыгнул, сбивая с ног. С громким звоном падающей посуды шлепнулся на пол поднос. Зак выставил крест-накрест клинки, намереваясь прижать противника шеей к полу, но клинки ударились о камень, не задев плоти. Тот оказался изворотливей, чем Зак предполагал. В этой суматохе он перевернулся и пытался проползти мимо ног Зака. Однако при всей скорости своего противника, Зак все же был мастером оружия. Прежде чем жертва могла уклониться, Зак выбросил ногу, укладывая врага плашмя. Он опустил меч, прикоснувшись острием к коже на шее. На этом все трепыхание закончилось.

"Повернись", приказал Зак. "Я хочу видеть твое лицо. Только медленнее, иначе потеряешь при этом голову".

Когда тот перевернулся, брови Зака удивленно вздернулись. Это был не тот противник, которого он мог ожидать.

"Здравствуйте, Мастер Закнафейн", вежливым голосом сказал Дриззт До'Урден.

Несмотря на ситуацию, Зак весело хмыкнул. Мальчик показал себя хорошим бойцом, и даже потерпев поражение не выказывал

страха. Этот юный дроу обладал силой духа. Тем хуже, подумал Зак, все равно это из него выбьют очень скоро. Но сейчас у Зака были другие заботы. Он поднял Дриззта на ноги и отбросил назад его *пивафви*. За поясом у Дриззта был изящный кинжал, с большим пурпурным камнем в рукояти. Паучья драгоценность не обманула.

Зак сурово посмотрел на мальчика. “Расскажи как ты нашел это. Сейчас же”.

Дриззт быстро кивнул. Спокойным голосом он рассказал о том, как очутился в сокровищнице и о чаше наблюдения, и как потянулся в воду за клинком. Зак слушал со все большим изумлением. Он не сомневался в словах мальчика, тот явно не был лжецом — еще одна черта, которая доставит ему неприятности среди дроу.

“Вы сердитесь на меня, Мастер Закнафейн?” спросил Дриззт, закончив рассказ.

Зак не знал, что ответить. Почему-то ему хотелось успокоить мальчика. Как бы глупо это не казалось — это, в конце концов, сын Риззена — Дриззт напоминал Заку его самого. Он начал было говорить, что все будет в порядке.

И в этот момент услышал шорох. Зак вскинул голову, и ощутил холод ужаса. Он забыл о нефритовых пауках.

Две массивных фигуры торопились к ним, отблескивая зеленью, оживленный камень. Их задачей было охранять дом от внешних угроз. Атаковав члена семьи, Зак показал себя такой угрозой, а он видел, что пауки проделывали с пришельцами. Обычно после этого от них не оставалось достаточно, чтобы хотя бы установить расу жертвы.

Пауки приближались, щелкая гладкими ногами по каменному полу.

“Что происходит?” спросил Дриззт, в удивлении смотревший на оживленных магией монстров. “Почему пауки атакуют нас?”

“Не нас”, прорычал Зак. “Меня. Убирайся”. Он выхватил мечи.

Суровым светом вспыхнули странные лиловые глаза мальчика. “Нет. Я тебе помогу”.

Зак удивленно уставился на него и покачал головой. Он хотел было вновь приказать мальчику спрятаться, но было поздно. Щелчки ног по камню слились в едином крещендо, пауки бросились в атаку.

Мастер оружия ждал их, два вращающихся клинка преградили им дорогу. Пауки кидались вперед и отлетали, — однако все, что могли сделать мечи было только удерживать их на дистанции. Даже адамантитовые клинки не могли повредить

зачарованному камню. Заку все еще удавалось не подпускать их, однако шаг за шагом он вынужден был отступать в направлении арки.

Клацанье сзади он услышал слишком поздно. Третий паук подкрался с тыла. Оглянувшись через плечо Зак увидел как он бежит под аркой, прямо к Дриззту. Добираясь до жертвы он может убить мальчика. “Дриззт, беги!”, выкрикнул Зак.

Но Дриззт остался на месте, сжав в одной руке Кинжал Мензоберры, и подхватив другой нож из горки разбитой посуды на полу. Он размахнулся, движения его были яростными, но неэффективными, паук легко отбросил ножи, собираясь погрузить жало в тело противника. Зак, отбивавшийся от двух пауков, не мог помочь мальчику. Третий паук приготовился нанести смертельный удар.

Это произошло так быстро, что Зак не поверил было своим глазам. С выражением решительности на лице, Дриззт расположил свои кинжалы в хорошо знакомой мастеру оружия позиции: один выше, другой ниже, и оба чуть расставлены в сторону. Они рванулись навстречу друг другу, зажимая между собой жвала паука. Кинжал Мензоберры вспыхнул фиолетовым огнем, и камень жвала рассыпался пылью. Нефритовый паук отскочил назад, издав пронзительный вой боли.

Ошеломленный Зак отвлекся и чуть не пропустил удар. Вновь сосредоточившись на обороне он продолжал оглядываться на Дриззта. Движение было выполнено грубо и неуклюже, но сомнений быть не могло. Зак выполнял этот маневр тысячи раз против многих врагов. Но это было его личное изобретение, он никогда не учил ему других. Как может такое быть, что маленький мальчик будто инстинктивно понимает его суть?

Тогда Зак и понял. Ну конечно же, как он раньше мог не увидеть? Дух Дриззта, его умение с оружием, гордый свет в странных лиловых глазах… Мэлис солгала ему одиннадцать лет назад. Это не был ребенок Риззена.

“Мой сын…”, удивленно выдохнул Зак.

Третий паук приходил в себя. Даже удар Кинжала Мензоберры не мог удержать его надолго. У Дриззта были инстинкты воина, но опыта ему недоставало. Первый удар был удачным. Второй может не оказаться.

Зак яростно атаковал, на мгновение заставив отступить двух своих противников. Он распахнул дверь в боковую комнату и втолкнул туда удивленного Дриззта.

“Запри дверь, Дриззт!” крикнул он. “И не открывай пока я не скажу!”

Дриззт протестующе замотал головой. “Но я хочу помочь

тебе!”

Времени на уговоры не было. “Это приказ!” рявкнул Зак. “Выполняй!”

Дриззт обиженно кивнул, и захлопнул дверь. Зак дождался звука закрывающегося засова, и, удовлетворенный, повернулся к врагам. Три паука вместе направлялись к нему. Яростная улыбка расплылась по лицу Зака когда он поднял свои мечи. Теперь у него было за что драться.

“Ну же, насекомые, идите ко мне”, прорычал он, и пауки атаковали.

Глава 12. Носящий Кинжал

“Здравствуй, Дриззт До’Урден”, раздался нежный голос.

Вздрогнув от удивления, Дриззт повернулся. Сначала маленькая кладовая казалась пустой. Затем тени вокруг него задрожали, он моргнул и обнаружил что и в самом деле не один. Она была самой прекрасной леди, которую он когда-либо видел. Кожа ее была темной как оникс, и в тоже время светилась как волшебный огонь, белые как кость волосы роскошной волной спадали на плечи. На ней была мантия из чего-то, что казалось толстым черным бархатом. Улыбающиеся алые губы приоткрывали жемчужно-белые зубы. Самыми примечательными были глаза — лиловые, точно такого же цвета как глаза самого Дриззта.

Приглушенно но отчетливо до Дриззта доносились звуки схватки снаружи. “Я должен быть там, должен помочь ему”, протестующе сказал он. “Знаете, я хочу когда-нибудь стать воином”.

Леди рассмеялась — чистая вода на темном камне. “О да, я знаю. Но сейчас твое место здесь, Носящий Кинжал”.

Дриззт глянул на кинжал, который все еще сжимал в руке. Камень в рукояти подмигнул ему в ответ, будто делясь секретом. Он снова посмотрел на леди.

“Как вы узнали обо мне?” спросил он.

“Я многое знаю”, ответила она. Казалось, ткань ее мантии всколыхнулась порывом ветра, но Дриззт не чувствовал движения воздуха. Потом он понял. Двигалась само ее одеяние. Мантия была сделана не из черного бархата, но из маленьких паучков, сцепившихся друг с другом, образуя живую ткань.

Дриззт облизнул губы. “Я не… Я не боюсь пауков”.

“В самом деле?” улыбка ее стала глубже, и появилось в ней что-то опасное. “Тогда подойди ближе, дитя”.

Леди, одетая в мантию из живых пауков подняла тонкую руку, маня его, и Дриззт не мог сопротивляться ее власти.

Глава 13. Улыбка Лолт

Матрона Мэлис неслась по коридору на звуки беспорядка, в ярости от того, что кто-то посмел нарушить течение ее празднования. Движимые любопытством — или желанием полюбоваться видом крови — большинство пирующих следовали за ней, в том числе, к ее беспокойству, Матрона Баэнре. Мэлис могла лишь надеяться, что то, что предстанет их глазам не опозорит ее перед матроной Первого Дома Мензоберранзана.

Ее надежды разлетелись вдребезги, когда она повернула за угол и добралась до места происшествия. Смесь эмоций взорвалась в Мэлис: изумление, ярость, и необъяснимое чувство… торжества.

Три нефритовых паука зажали его в углу. Один меч был вырван из его руки, другой обломился в футе от рукояти. Кровь стекала с уголка его губ. С одним пауком он бы справился легко, двух одолел бы с трудом. Но даже для него, три было слишком. Они надвигались, собираясь прикончить его.

“Это случаем не твой мастер оружия, Матрона Мэлис?”, прохрипел чей-то голос ей на ухо. Матрона Баэнре.

Мэлис ошеломленно замотала головой. “Нет… да. То есть… он был, но я…”

“Приди в себя, сестра”, голос Баэнре был полон насмешки.

Злость позволила Мэлис собраться с мыслями. Ее не заставят выглядеть идиоткой в собственном доме. Ни ее непокорный мастер оружия. Ни даже сама Баэнре. Она повысила голос в приказе. “Стоп!”

Нефритовые пауки подчинились мгновенно. Они отступили, затем свернулись и вновь застыли недвижным камнем. Закнафейн опирался на стену, грудь его вздымалась, он зажимал небольшую рану на боку. Челюсть Бризы отвисла при виде приговоренного мастера оружия, но в кои то веки она помнила, что должна помалкивать, как поступили и остальные члены семьи. Все затаили дыхание, когда Мэлис направилась к нему.

“Как?” Голос ее был как кремень: холодный, твердый, бритвенно-острый. “Как ты пережил ритуал превращения в Пещере Потерянных?”

Лукавый блеск был чуть заметен в глазах Закнафейна. Он оскалил окровавленные зубы в язвительной ухмылке. “Что я могу сказать? Улыбка Лолт сияла для меня”.

Это была ложь. Они оба знали это. Но Мэлис не посмела докапываться до истины. Он просто не подчинится ей, и у нее не было желания прилюдно показывать как мало у нее над ним

власти. Никому она не желала подобных мучений с таким непокорным мужчиной. Какие бы чувства к Закнафейну не тлели все еще в ее крови, сейчас все накрывало темное облако бешенства.

“Если Лолт так выделяет тебя, ты будешь только рад, когда я пошлю тебя к ее престолу в Бездну!” закричала Мелис. Она выхватила висевший на груди кинжал в форме паука и занесла его.

К ее удивлению, Зак не пытался сопротивляться. “Как пожелаешь, матрона-мать”. Он склонил перед ней голову, открывая шею.

Мэлис заколебалась, подозрительно разглядывая мастера оружия. Что Закнафейн затевает?

“Моя жизнь принадлежит тебе”, продолжил Зак. “Конечно, я знаю где в настоящий момент находится Кинжал Мензоберры…”

Мэлис зашипела, поняв его игру. Ну ладно, но провести ее ему не удастся. “Докажи это”, бросила она. “Или умри”.

“Хорошо”.

Зак подошел к боковой двери и распахнул ее. Все в удивлении наблюдали, как из комнаты вышла маленькая фигурка, лиловые глаза казались рассеянными и растерянными.

“Дриззт?” рявкнула Мэлис. “При чем тут мальчишка?”

Зак положил руку на плечо юного дроу. “Покажи им, Дриззт. Покажи им Кинжал”.

Мальчик моргнул, взгляд его сфокусировался и он вздрогнул. “Я не могу, Мастер Закнафейн. У меня его больше нет”.

“Что?” закричал Зак, и на его лице отразился ужас. Он в отчаянии сжал плечи мальчика. “Что случилось?!”

Дриззт нахмурился, с трудом вспоминая только что происшедшее. “Там была леди. В комнате. Она взяла у меня Кинжал”.

Зак грубо тряхнул его. “Кто? Кто взял его? Одна из твоих сестер?”

Дриззт моргнул от боли и покачал головой. “Нет. Нет, я не знаю кто она. Я никогда ее не видел раньше. Но теперь она ушла”.

Зак с обреченным видом отпустил мальчика. Мэлис прижала клинок к его шее. “Ты проиграл, Закнафейн. Какую бы ты хитрость не замышлял чтобы обмануть меня, ты проиграл. Однажды ты избежал смерти, теперь не выйдет”.

“Подожди минуту, Матрона Мэлис. Паук на охоте стремителен, но он никогда не торопится”.

Мэлис остановилась, все еще прижимая кинжал к коже горла Закнафейна. Она с удивлением наблюдала, как Матрона Баэнре

направляется к Дриззту. Старуха протянула руку, ухватив его за подбородок, и заставила его странные лиловые глаза встретится с ее.

“Расскажи мне об этой леди, про которую ты говорил, мальчик”. Дриззт задрожал под ее взглядом, но не мог вырваться из ее цепкой хватки. Он смог выдавить. “Я уже сказал, Матрона Баэнре. Я не знаю, кто она была”.

“Да? Тогда почему ты отдал ей Кинжал?” Дриззт прикусил губу, как будто сам удивляясь. “Она… сказала мне, что я должен отдать Кинжал, и что Матрона Мэлис будет рада, если я так сделаю. Когда она говорила, все это казалось правильным”.

Мэлис уже не могла сдерживаться. Все ее тонко сплетенные планы рушились на глазах. Эти мужчины делали из нее посмешище. Дом До’Урден не приобретет сегодня влияния, напротив, потеряет. Теперь она никогда не получит места в правящем совете Мензоберранзана. “Лжец!” закричала она, отодвигаясь от Зака и обращая кинжал к мальчишке.

“Нет, Матрона Мэлис, дитя не лжет”, раздраженно бросила Баэнре. “Видишь? Правда написана у него на лице”. Она жестом отмахнулась от ошарашенной Мэлис, и вновь обратила пронизывающий взор на Дриззта. “Скажи мне, мальчик. Как выглядела эта леди?”

Лицо Дриззта отразило благоговение. “Она была прекрасна, самая прекрасная леди что я видел. Только ее платье. Оно было… оно было из пауков”.

Ошеломленный вздох прокатился по рядам собравшихся дроу. Матрона Баэнре кивнула, будто подтвердилась ее догадка.

Дриззт мигнул, выражение восхищения сменилось трепетом. “Я сделал что-то не так, Матрона Баэнре?”

Старуха хмыкнула. “Нет дитя. Не бойся. Ты все сделал правильно”. Она отпустила его. “Теперь оставь нас. Мы должны обсудить важные вещи. Слишком важные для твоих маленьких ушей”.

Дриззт облегченно кивнул, и заторопился прочь по коридору, успев впрочем нагло улыбнуться Матроне Баэнре.

Когда он исчез, Мэлис покачала головой, гнев ее сменился растерянностью. “Я не понимаю”.

“Как и я”, добавил Зак подойдя.

“Я вижу”, сухо ответила Баэнре. “Ну что же, я буду говорить предельно ясно”. Тут древняя дроу вскинула свои сухие руки, обращаясь к толпе. “Возрадуйтесь, темные эльфы!” закричала она высоким голосом. “Пусть все в городе знают, что госпожа наша Лолт, Темная Королева Пауков, Мать Дроу, посетила этим днем Дом До’Урден!”

“Слава Лолт!” эхом отозвались темные эльфы, падая на колени.

Наконец Мэлис поняла. Леди в одеянии из пауков… кто же еще это мог быть. Остатки ее гнева исчезли, сменившись нахлынувшей радостью. Лолт появилась в ее доме во время Фестиваля! И сама Матрона Баэнре присутствовала, чтобы засвидетельствовать это. Все как она хотела — все как она планировала. Она повернулась к Баэнре, глаза ее сияли.

Старая женщина кивнула. “Да, Матрона Мэлис, сегодня ты добилась великой победы”. Голос ее упал до хриплого шепота. “Но помни, фавор Лолт — меч, заточенный с обеих сторон. Паучья Королева будет теперь наблюдать за тобой внимательно”.

В своей радости Мэлис обратила мало внимания на предупреждения старухи. “Дом До’Урден, Восьмой Дом Мензоберранзана”, прошептала она сама для себя. Да, ей нравилось как это звучит.

Бриза жевала губу с мрачным видом. “Это не честно”, ныла она. “Дриззт еще ребенок, к тому же мальчик. Почему Лолт не явилась мне?”

“Заткнись, дура”, рявкнула Мэлис, но ее раздражение было лишь наполовину искренним. Даже Бриза не испортит ей удовольствие от этого дня, и от многих будущих дней.

Эпилог

“Я рада, что ты так быстро явился по моему вызову, Закнафейн”, удовлетворенным тоном сказала Мэлис.

Зак прошел мимо детей Мэлис и опустился на колени перед ее креслом. “Да, Матрона Мэлис”. Теперь он мог говорить легко. Он уже привыкал играть роль послушного слуги. Ее темные губы раздвинулись в жесткой улыбке. Таким он явно больше ей нравился.

“Я получила из совета сообщение касающееся твоей судьбы, Закнафейн”, продолжала Мэлис. “Поскольку ты избежал превращения в драйдера, приговор тебе считается никогда не вынесенным. Твои преступления забыты”.

Волна облегчения окатила Зака. Он боялся, что приговор может остаться в силе, хотя он имел основания надеяться на лучшее. В Мензоберранзане если ты смог уйти от кары за совершенное преступление, считалось, что закон ты вообще не нарушал. Таково было правосудие дроу. Он учтиво кивнул. “Я счастлив, что могу продолжать свою службу тебе, Матрона. Назначишь ли ты сама для меня какое-либо наказание?” Тут Мэлис приказала подойти поближе. Он приблизился, и она прошептала так, что услышать мог только он. “Не знаю, что за игру ты ведешь, Закнафейн. Это не важно. Даже пытаясь воспротивится моей воле ты добыл мне именно то, что я желала”. Голос ее стал издевательски нежным. “Ты говорил о наказании. Пусть это и будет твоим наказанием — знание, что как бы ты не старался, чего бы ты не желал, ты служишь мне. Ты служишь мне, Закнафейн”.

Слушая ее Зак подавил желание ухмыльнуться. Да, он будет представляться верным слугой Мэлис. Он будет играть ее — и Лолт — темную извращенную игру. И все время он будет ждать шансов помешать злу, когда собственные запутанные правила Лолт будут позволять это. Вновь ожили в его мыслях слова Паучьего Мага. Повелевать ею, служа ей. Зак не забудет.

Мастер оружия склонил голову. “Как пожелаешь, Матрона Мэлис”, было все, что он сказал. Он занял свое место за ее креслом, рядом с Риззеном, который одарил его уничтожающим взглядом, явно недовольный тем, что Зак вернул благоволение матроны. Зак его проигнорировал.

Мэлис и ее дочери вновь начали обсуждать какой-то план возвышения Дома До’Урден. Зак не слушал. Вместо этого, взгляд его был сосредоточен на юном Дриззте. Мой сын, подумал он с изумлением в тысячный раз. Мальчик стоял в стороне, глаза были

опущены к полу, как подобает принцу-пажу…и пытался подавить зевок. По совету Матроны Баэнре мальчику не рассказали о значимости происшедшего, и о истинной природе эльфийской леди в мантии из пауков. Матроны-матери решили, что Дриззт слишком мал чтобы понять. Зак знал, что они ошибаются, но все равно был рад этому. Лучше пусть он пока не понимает, что, как и все дроу, обречен запутаться в паутине Лолт. Зак чувствовал, что этот молодой дроу отличен от других, как и сам он. Лолт не подчинила его душу — пока еще нет. И если Зак сможет сделать хоть что-то, никогда не подчинит. Теперь Зак позволил себе улыбнуться, не думая, что это могут заметить. Да, думал он, возможно даже в этом темном мире я могу еще сотворить какое-то добро.

ТИХИЙ ДЕНЬ В СКУЛЛПОРТЕ — Эд Гринвуд

Авантюра в Подземье

Блеснувшие в темноте глаза — прелюдия к редкому в Подгорье звуку: глубокому, скрежещущему смеху. Ксазун очень, очень давно не был так возбужден.

В сырых, леденящих глубинах огромного подземного лабиринта, который представляет из себя смертельно опасное Подгорье, в извилистых коридорах недалеко к северу от Скуллпорта, берет свое начало один из путей, под аркой в виде каменной статуи улыбающейся нимфы. Резьба не может передать подобную неземную и смертоносную красоту, но статуя все же прекрасна, и слухи о ней в течении лет распространялись. Некоторые даже верят что статуя изображает богиню — возможно, Сюн, огневолосую леди любви — и кланяются ей или молятся перед ней… и кто посмеет сказать, что они не правы?

В статуе и на самом деле таится больше чем почти живая красота. Все, кто пытались отделить ее от камня и унести были найдены мертвыми — разорванными на маленькие кусочки — в комнате перед аркой. Окровавленный резец одного из них сейчас все еще лежит там, служа немым предупреждениям для энтузиастов переносной скульптуры которые могут в будущем забрести в комнату с аркой.

Кто создал арку и почему, секреты эти все еще хранят таинственные строители этих окраин Уотердипа. Осторожный — и удачливый — искатель приключений может, однако, выяснить, что лежит за этой аркой. Коридор с гладкими каменными стенами, конечно (это легко может увидеть любой, смотрящий на нимфу). Но по каким-то причинам немногие идут по нему.

Те же, кто идет, обнаруживают что скоро коридор сужается и резко уходит вниз, становясь грубо высеченным в скале тоннелем. В нескольких местах эта дорога наполнена непрекращающимся шепотом эха: слабеющие, но никогда не утихающие следы удаленного грохота, который, кажется, включает в себя и громкие разговоры… на языках, которые не поймет и даже не определит самый внимательный слушатель.

Когда заинтригованный путешественник продолжит путь, на все еще спускающейся в глубину дороге станут попадаться белеющие кости людей и каких-то больших змееподобных

существ, и начнут попадаться ямы. Над несколькими из этих смертельных провалов, окруженые, покрытыми паутиной костями, свисают темные, древние древесные ветви, оканчивающиеся остриями. Годы прошли с тех пор, когда как клыки падали они на своих жертв, которые теперь лишь искореженные кучки костей и жил, тихо свисающие с ветвей; их жизненные соки давно поглощены.

Немногие заходят так далеко. Можно днями ждать пока рассыпающаяся кость не упадет в глубину с маленьким сухим шорохом… и этот шорох — единственное происходящее здесь событие.

Любой пришелец кто пройдет район ям — и сможет уклониться от личного знакомства с новыми — скоро наткнется на взгляд черепа, размерами больше чем большинство людей. Голова гиганта смотрит вниз по коридору, в пустых глазницах источают сияние обитающие там светящиеся черви. В их бледном свете видно, что принесло гиганту смерть: лежащий рядом в сумерках булыжник, размером почти с расколотый череп, из которого топорщатся проржавелые металлические острия с человека длиной. Ремни, обтягивавшие камень и державшие массивную цепь на конце которой он находился, все еще прочны. Покрытая шипами глыба лежит в проходе как поджидающий добычу бехолдер, почти перегораживая путь, иногда легонько покачиваясь в ответ на удаленный грохот и ветер глубин.

Только глупец — или искатель приключений — зайдет так далеко, и тем более пройдет дальше, за гигантскую ловушку, в поисках дальнейших опасностей. Храбрец вскоре дойдет до участка, где неровная полоса светящегося камня пересекает потолок, отбрасывая слабое рубиновое сияние вниз, на старое удобно выглядещее кресло с подлокотниками и подставку для ног. Они стоят вместе в алькове, рядом с маленьким столиком на котором расбросаны старые пожелтевшие книги — в основном, истории невероятных приключений, но также и несколько томов в жанре “сладострасный маг” — и закладка, сделанная из длинного перевязанного узлом локона человеческих волос.

Если пришелец удачлив, он обнаружит кресло пустым, и будет удивляться, как оно попало сюда, и кто использует его. Неудачник, или тот кто попытается украсть или повредить вещи, скоро узнает что это один из приютов старого и сумасшедшего мага, известного под именем Халастер, некоторые называют его Лордом Подгорья. Только он может призвать на Фаэрун призрачное кольцо плывущих скелетоподобных личей, которые окружают кресло, мечущее заклятия на доставившего ему неприятности. Тот, кому повезло обнаружить альков пустым и

пройти дальше, вскоре найдут полосу где человеческие кости бесконечно дрожат и мечутся, ожидая живого врага которого можно разодрать на части. Кости кружатся медленно и терпеливо, но смертельным голодом взрываются когда пришелец оказывается в пределах их досягаемости.

За костями коридор поворачивает направо, и заканчивается безграничной пустотой — пещерой, достаточно большой чтобы вместить некоторые города из верхнего мира.

Пещера, в которой вновь мигнули множество глаз, когда во тьме ожила искорка света.

Свет пульсировал, метался в бешенном танце, и быстро увеличивался в размерах, превращаясь в яркое, плавающие изображение… человеческой женщины, с длинными шелковистыми волосами, плавной грацией, хорошо одетой и с темными, пронзительными глазами.

Глубокий смешок раздался вновь, и его источник приблизился к сияющему фантому, множеством глаз рассматривая изображение.

“Начнем”, прогрохотал глубокий голос, полный триумфа, и нечто из щупалец и волнующейся плоти поднялось почти устало со скал пещеры, приблизившись к изображению.

Когда оно подошло, щупальца слились в единую массу, которая поднялась, утончилась, и с пугающей скоростью превратилась в двойника фантомной леди.

Над изображением и изменяющей облик тварью, множество глаз пристально наблюдали как одно старается стать таким же как другое… множество глаз на беспокойных, змееподобных отростках сферы, разрезанной широкой полной мириадами зубов пастью. Единственный огромный глаз в центре плавающей сферы сверкал от радости, и по пещере вновь прокатился глубокий удовлетворенный рокот.

Ксазун был стар даже по меркам бехолдеров, но и у его рода бывали случаи когда терпение, порожденное долгими годами и холодной расчетливостью заканчивалось… для Ксазуна сейчас был именно такой случай.

Глаз-тиран быстрее обычного проплыл вокруг своего зачарованного доппельгангера, ища малейшее отличие от сотворенного им изображения… и вновь издал звук удовлетвлетворения не обнаружив ни одного. Искорки магического света бурлили вокруг него, когда он начал творить могучее волшебство.

Если все пройдет как надо, раб который принял сейчас такое прекрасное и изящное обличие — до последнего дюйма повторяющее утонченную человеческую девушку благородного

происхождения — скоро будет носить другое лицо: одного из Лордов Уотердипа. И таким образом Ксазун через глаза и руки оборотня, подчиненного его воле, наконец-то доберется до Верхнего Мира, и богатого, суматошного города людей, слишком глупых чтобы заметить когда ими манипулируют. Уотердип, Город Роскоши, где золотые монеты текут как реки, куда стекается народ со всего Фаэруна — и из более далеких краев — чтобы зачерпнуть из протекающего мимо богатства. И, что главное: попробовать вкус и запах власти, достигаемой ли грубой силой или хитростью.

Власть. Быть частью происходящего, изменять его согласно собственным желанием. Она влекла Ксазуна, он чувствовал ее флюиды даже здесь, скрываясь во тьме. Когда его раб займет место Дурнана, хозяина знаменитой гостиницы Зевающий Портал, Ксазун сможет спокойно переправлять вещи и живых между Скуллпортом и Уотердипом (по твердой цене), когда пожелает. Он станет каналом для этих текущих монет, и частью самых темных интриг на Побережье Меча.

Жить вновь, после всего этого прятания по углам, после долгого ожидания в этой нескончаемой тьме!

Очень, очень давно пришли фаэримм, и город Оолтул пал. Вспышки боевых заклинаний вымостили кровавыми ошметками бехолдеров лабиринты предместий и сами улицы Города Тиранов. Оолтул, когда-то использовавший пурпурных червей и иллитидов как рабов, лишенных рассудка, чьи коридоры и залы с легкостью вырезались в прочной скале, обитатели которого уничтожали отряды и целые армии дроу, когда бы те не появлялись. Город, где родился Ксазун. Бихолдер все еще с трудом мог убедить себя, что город разрушен, даже после отчаянного бегства в мрачном Подземье от неутомимых фаэримм, которое закончилось в знаменитом Скуллпорте, Источнике Рабов, самом знаменитом из мест, где Верхний Мир встречается с Миром Нижним.

Место, в котором Ксазун остался, и из которого поклялся никогда не бежать. Глаз-тиран снова посмотрел на раба, и нетерпеливой мыслью разрушил сияющее изображение девушки, ставшее тысячей танцующих искорок магического света. Мгновение они беспорядочно метались, затем отлетели к стенам пещеры, своим бледным свечением давая возможность сработать следующему заклинанию.

Да, следующее заклинание. Приманка, которая приведет обреченного Лорда Уотердипа к Ксазуну. Стареющий герой осторожно спустится в глубины Подгорья, чтобы спасти молодую симпатичную леди в беде: Нитикс Тандерстафф, дочь старого друга Дурнана Анадула, кто, в свою очередь, был братом Баэрому,

главе благородного Дома Тандерстафф. Здесь он и умрет.

Бехолдер вновь оглядел раба доппельгангера, стоявшего в облике Нитикс, и мысленным приказом заставил его сжаться, и в ужасе прижать тонкую ладонь к губам. Идеально. Ксазун улыбнулся. Скоро Дурнан окажется в пределах досягаемости.

Скоро… если все пойдет как надо. А дела редко идут как положено, если они связаны с людьми, хмуро подумал Ксазун. Затем он вздрогнул, глазные стебли задергались как гнездо потревоженных гусениц, и несколько искорок магического света послушно метнулись к нему. Они слились, образовав глаз — глаз, наблюдавший за испуганной девушкой, произносившей слова, указанные ей Ксазуном.

Когда сообщение было составлено, бехолдер удовлетворенно рыкнул; глаз облетел вокруг него и направился на север, ища человека по имени Дурнан.

Дурнан, Лорд Уотердипа, Дурнан, Хозяин Портала. Дурнан Обреченный.

* * * * *

"*И наши несравненные клинки…*" пропел Дурнан, прерываясь чтобы нагнуться и пошарить в ящике. Выбрав бутылку он вытащил ее.

"*Сверкали сквозь проклятый воздух*", продолжил он, и резко подул на серую пушистую пыль, которая не взвилась в воздух с крышки, а только неохотно отлетела в сторону и опустилась вниз. Виски Дантимера, 1336. Хмм. Не Эликсир Эвермита, но не так уж плохо. Азун Кормирский был коронован в тот год… и кто скажет, что он сейчас так же хорош как это вино?

Дурнан провел кончиком тряпки по бутылке, и положил ее в корзину, спокойно висевшую у его локтя. Что еще он —? Ах, да, Лучший Белаэрд! Уфф. Что так может нравиться клиентам в этом виски с далекого Шейрталара было ему совершенно непонятно, но оно пользовалось успехом, и чем дальше тем больше, так что приходилось идти в ногу со временем.

Мда. Мальчишки, едва начавшие бриться, вваливаются ночь от ночи в его гостиницу, с громкими надменными криками, и отполированными мечами, которыми они усердно размахивают вокруг, беспрерывно похваляясь… Неужели и мы были такими невежественными в юности, такими… безхитростными? Наверное, так.

Время великий лекарь для ран, и источник благостного света; без сомнений, именно оно делает его юность ярче в его глазах,

одновременно заставляя его спину трещать и кости болеть в сырую погоду. Они и сейчас нудят. Дурнан опустил в корзину несколько бутылок белаэрда, и зашагал, не проверив, следует ли она за ним.

Естественно, следует. Старый Энгулт творил хорошие заклятия, долгие, не гаснущие, и… умер, старый, одинокий, жалкий. С того момента, как они пели для него погребальную песню не прошло еще и десяти дней.

Дурнан покачал головой, пригнулся под низкой аркой у входа в следующий погреб, и с вызовом продолжил старинную боевую песню. “*Десяток драконов уложил я на пузо*!”

Эхо отозвалось ему с полудюжины темных углов, он ухмыльнулся и вложил всю душу в следующую строку: “*Орков без счету и красотку-медузу!*”.

Слова оживили в его разуме воспоминания. Это был не просто самый глубокий винный погреб Зевающего Портала. Также это было хранилище множества трофеев его юности проведенной с мечом: светился амулет лича, приспособленный в качестве лампы; пара клыков орка — от единственного гигантского орка, который ему попался — а проиграй он той ночью, это оказался бы единственный гигантский орк, которому попался он; мечи павших врагов, вырванные из безжизненных окровавленных рук на поле боя, или унесенные как добыча из подземелий, населенных призраками или драконьих сокровищниц. Больше десятка клинков висело здесь, там, везде вокруг, отбрасывая бледный свет медленно угасавших чар, питавших запутанную паутину его магической защиты.

Дурнан разглядывал их, удивляясь, как же жизнь его стала такой скучной и обыденной. Мысли его были на пылающих палубах давно потонувших кораблей, смотрели на драконов, взвивающихся в воздух из разрушенных замков, теперь забытых… злобные лица врагов и радостные женщины… и вокруг всего этого — яркие искры и лязг мечей, танцующих смертельный танец в котором он всегда побеждал. Задумавшись, Дурнан пробормотал окончание песни и начал другую боевую песню его юности, продолжая путь, сопровождаемый послушной корзиной. А сколько вообще старых шлемов, клинков и тому подобных вещей он складировал и почти позабыл здесь, внизу?

И тут в комнате перед ним засияли ослепительным огнем его защитные заклятья, дородный старый держатель таверны даже не успел выругаться, прежде чем защита лопнула в последней вспышке, и что-то яркое впорхнуло в неожиданно разорванный воздух, разбросав смертоносную магическую энергию во все стороны и подплыло к нему.

Дурнан пригнулся, потянувшись в невидимую корзину позади за бутылкой чтобы метнуть ее, выхватив поясной кинжал. Светящаяся штука была маленькой и округлой, и … раскрывалась, показывая внутри себя картину. Она расширилась в магическое окно, остановившись перед Дурнаном, защита восстановилась с последним разрывом волшебного пламени, и в погреб вернулся покой.

“Дурнан? Лорд Дурнан?” Лицо девушки было знакомым, но никогда он не слышал в тихом мягком голосе такую дрожь страха. Нитикс Тандерстафф стояла в какой-то темной пещере, лицо ее было грязным, одежда на одном плече разорвана. В расширенных темных глазах отражался ужас. “Если послание дойдет до тебя, прошу, помоги мне. Я в…” аристократка сглотнула, прикусила губу и продолжила — “…Подгорье. Другие убежали, и … кто-то крадется за мной. Мне кажется, я около твоих погребов, но я не уверена… и мой светильник гаснет. Т-там что-то следит за мной. Пожалуйста, найди меня.”

Изображение потемнело и растаяв исчезло, а Дурнан все еще смотрел туда, где были смотревшие с такой мольбой глаза. Послание было подлинным — должно было быть. Только немногие благородные смели открыто обратиться к нему “лорд”, и он видел Нитикс на ночном праздновании во дворце всего четыре дня назад. Это была она, все верно, и напуганная. Пещера позади нее может быть где угодно под горой, но не слишком близко: вокруг Портала подземелье состояло из гладкостенных залов и коридоров. Ее слова “остальные убежали” звучали как один из этих лихих набегов молодых аристократов с яркими новыми мечами, несколькими бутылками храбрости и острой необходимостью впечатлить своих леди. Такие нашествия редко проходили больше нескольких комнат в верхних уровнях бесконечного лабиринта Подгорья прежде чем страх — или реальная опасность — прежде чем только что веселившиеся участники обращались в бегство в город наверху.

Итак, маленькая девчушка с которой он смеялся и играл в куклы, а позже разговаривал про жизнь и приключения, и бегство от скуки жизни, благонравной молодой леди великого дома — хмм, не столь уж отличной от скуки ушедшего на покой путешественника — потерялась и в беде где-то в подземных лабиринтах. И он единственный достойный источник помощи которого она знала и к которому могла обратиться. Дурнан вздохнул. Долг его был ясен.

Не то чтобы это могло сравнится с деяниями его юности, но… Хозяин таверны нахмурился и подошел к одному из столбов. Так, четвертый камень снизу, или —?

Четвертый камень держался прочно, а вот пятый послушно ушел внутрь, открывая рычаг. Он надавил на этот каменный палец, и что-то невидимое слегка взвизгнуло и щелкнуло. Он отступил от камней, качнулся, получив чувствительный удар по колену и вновь пошел вперед, чувствуя как оживает в нем старое возбуждение. Он заглянул в темную нишу.

Рукоять клинка приветственно замерцала, Дурнан достал его и вытащил из ножен — длинный, тяжелый меч добытый в гробнице в промороженной безымянной долине северней Сильверимуна, одним днем когда он бежал от отряда орков. С ним он прошел половину северных земель, а затем на палубе пиратского корабля все Побережье Меча. Было время, когда он мог снести голову человека с его плеч… Мускулы руки напрягались, как и всегда было, когда он размахнулся мечом, чуть не задев плывшую за ним корзину.

Меч прорезал воздух с той жуткой мощью, которую он так любил… но казался куда тяжелее чем был раньше — боги, неужто он бегал так, размахивая им, день и ночь? Дурнан опустил его, установив острием на пол, и облокотился на него, раздумывая где может быть Нитикс… потерянная где-то на темных опасных путях за стенами его погребов.

Вздох или два трактищик ощупывал знакомую рукоять меча, затем пожал плечами и сделал что-то с невзрачным колечком на среднем пальце его левой руки. Маленькое колесо световых искорок тихо окружило кольцо; он склонился над этим быстро растворявшемся свечением и прошептал, “Ушел под гору, спасать Нитикс Тандерстафф, старый друг; может понадобиться помощь”.

Последние волшебные искорки изчезли. Дурнан посмотрел на кольцо, вздохнул и снова поднял меч. Последовавший вздох был громче. Он угрюмо покачал головой, думая о своей угасающей силе, вернул меч на место, и прошел по комнате туда, где на стене висел более короткий и легкий клинок. Этот тоже был хорош в его руках когда-то.

Резко он вытянул его из ножен, подбросил в воздух, поймал и мгновенно атаковал невидимого противника, тут же подпрыгнул и развернулся, разрубив воздух в волоске от бутылок в плавающей корзине. Она, казалось, уклонялась от броска стали, но Дурнан не замечал этого, направившись под арку, где заклинания позволяют пройти только ему, и вниз по ступеням в темноту. Впервые за долгие, пыльные годы он шел в бой!

Плывущая корзина с бутылками, забытая позади, пыталась проскочить преграду вслед за ним. Последовала вспышка разбуженной магии, и ее отбросило назад. Корзина, казалось, вздохнула на мгновение, прежде чем упасть на пол, разбив как

минимум одну бутылку белаэрда. Темное виски расплескалось по полу… но никого не было, кто мог бы услышать это.

* * * * *

“Транстра? Я знаю что ты здесь! Выходи и дерись, прокляни тебя боги, или я…”

Оратор не стал заканчивать угрозу, а попросто нанес двери могучий удар. Она задрожала настолько, что ни один из занимавших комнату за дверью не нуждался во взгляде на яркую сталь топора, которая пройдет насквозь на втором ударе, чтобы знать что третьего дверь не выдержит.

Толстый, краснолицый человек в комнате оторвался от проводившихся шепотом переговоров и отскочил назад, давая своему партнеру по бизнесу необходимое место. Змеиные кольца скользнули мимо него, когда она подобралась, слегка всколыхнулась и сосредоточилась.

Огненно-красные волосы Транстры и прекрасная, неотягощенная одеждой верхняя часть тела остались неизменными; нить из рубинов которую она носила все еще подмигивала меж ее грудей. Ниже тонкой талии, однако, чешуя стала растворяться, хвост превратился в длинные человеческие ноги. Мирт шагнул к ней, приводя в действие магию, защищавшую его от ее прикосновения, и заключил ее в нежные объятия, как раз когда оглушающий грохот возвестил о падении двери.

Вопли и грохот телег Скуллпорта ворвался в комнату. Голова минотавра с длинными рогами наклонилась в дверной проем, осторожно следуя за гигантским топором. Раздувая ноздри он проревел, “Транстра?!”

Мирт поднял голову, отрываясь от уступчивых губ вкуса вишни и раздраженно закричал “Ты ошибся комнатой, Рогатая Голова… а за эту я заплатил”.

Минотавр взвыл от злости и бросился вперед — и замер, когда тонкий клинок со смертоносной внезапностью взмыл перед ним из половицы. “Следующий окажется у тебя промеж ног”, прорычал толстый ростовщик, “если ты очень быстро отсюда не изчезнешь. Понял?”

Минотавр посмотрел на него, уставился на женщину которую обнимал Мирт, пробормотал “Простите” и отступил.

Тучный ростовщик поднял руку, и задействовал второе кольцо, окружая дверной проем и стены вокруг непроницаемым туманом. Звуки Скуллпорта мгновенно стихли, и в наступившей

тишине стальной голос у его горла твердо сказал: “Моя благодарность за твою сообразительность, Мирт. Теперь ты можешь отпустить меня и отойти подальше”.

“Что угодно чтобы избежать невежливости — и крови”, язвительно заметил Мирт, подчиняясь. “Из тебя получилась хорошая девочка, Транстра”.

“Не для тебя”, резко ответила ламия; ноги ее вновь удлинились и на них начали появляться чешуйки. “Давай вернемся к вопросам торговли и импорта, хорошо? Думаю, мы договорились на шести ящиках белаэрда и десяти сундуках тяжелых цепей”.

“Не хочешь добавить пару-другую рубинов?” ответил Мирт подняв бровь.

Ламия холодно посмотрела на него. “Нет” отрубила она. “Не хочу”.

“Что же”, легкомысленно сказал Мирт, “значит придется кое-что тебе вернуть”. Он протянул ей в ладони нить рубинов.

Транстра нахмурилась, и посмотрела вниз, где ее волосы свободно спадали на грудь. Три нижних камня на нити отсутствовали. Она яростно зарычала и подняла на него полыхающие глаза.

Мирт низко поклонился ей когда она схватила свои рубины, и опустив подбородок почти до пола посмотрел вверх, округлив глаза и сверкнув ей улыбкой типичного идиота.

Хвост Транстры взметнулся по полу в опасном мгновении, затем шипение ярости ламии медленно расслабилось, превратившись в смешок.

“Ты ни разу не пытался надуть меня”, сказала она с тихим удивлением, наблюдая как человек крякнув выпрямляется. “Как же ты вообще зарабатываешь деньги?”

“Мое безграничное очарование”, спокойно объяснил Мирт, “заставляет богатых женщин таять в моих руках, страстно желая одарить своими безделушками такого внимательного и — гм, умелого — как я. Это привело меня на великую дорогу, на которой я сейчас нахожусь”.

“Спутник по найму в худшем борделе Скуллпорта?” язвительно спросила ламия, пододвигаясь ближе.

Мирт засунул пальцы себе за пояс и возразил. “Ну, девочка, не секрет что моя осторожность…”

“Тебя оставила если ты посмел назвать меня девочкой” последовал резкий ответ. Ламия скрестила руки и подтянулась, кончик хвоста раздраженно постукивал о пол.

Мирт пренебрежительно взмахнул ладонью. “Если ты думаешь, что маленький воображаемый укол заставит меня

стыдится и даст тебе преимущество в торговле, подумай еще, чешуйчатая малышка”.

“Чешуйчатая малышка?” прошипела ламия, теперь по настоящему сердясь, и наклоняясь к нему со сверкающими глазами. “Что же, я…”

Она отпрянула, и лихорадочно подняла руки готовясь метнуть заклинание когда в воздухе перед ней объявилось маленькое светящееся колесо. Сердитый взгляд Транстры устремился на торговца, но она увидела что это явление не его рук дело; Мирт был ошеломлен не меньше ее. Ламия тихо отодвинулась подальше, держа руки поднятыми наготове.

Из этого светового круга послышался знакомый Мирту шепот. “Ушел под гору, спасать Нитикс Тандерстафф, старый друг; может понадобиться помощь”. Первое кольцо на его руке вздрогнуло в ответ, тихонько подтолкнув Мирта в направлении Зевающего Портала, далекой таверны Дурнана.

Мирт последовал этому зову, направившись в своих старых шлепающих башмаках к разбитой двери. Транстра подвинулась, освобождая дорогу, он похоже вообще забыл что она в комнате. Преграда беззвучно раздвинулась перед нахмурившимся старым торговцем, он шагнул в проход, незанятый минотаврами. Несколько шагов доставили его к ближайшему окну.

Толстый торговец посмотрел вниз, на огороженый стенами двор Клинка Биндла, новейшей таверны в сумрачном опасном Скуллпорте. Заходя сюда он разглядел столы и видел… да, так и есть.

Новым веянием в Скуллпорте были сопровождающие факелы, нанимавшиеся на вечер, и несомые куда бы не пожелал покупатель плывущей отделенной от тела скелетной рукой. Множество этих мельтешащих нововведений мерцали среди бережно расставленых столов Клинка и сейчас, и одно из них довольно четко освещало лицо Нитикс Тандерстафф. Она спокойно сидела с несколькими женщинами-работорговцами. Высокая бутыль была в ее руке, тонкий длинный меч на бедре. Он смотрел как она смеется в ответ на чью-то шутку, откидывается в кресле, задирая одну ногу на стол, и поднимает бутыль приветствуя насмешившую ее работорговку.

Если это — женщина в беде, подумал Мирт, не хотелось бы ему увидеть ее уверенную в себе и спокойную.

Мирт наблюдал, как молодая женщина с кошачьей грацией выпрямляется в кресле и оглядывается вокруг. Он отступил назад прежде чем она могла случайно посмотреть в окно, и покачал всколоченной головой. “Ну-ну”.

“Эта… штуковина”, сказала ламия из-за спины. “Она

закончила наши торговые разговоры на сегодня, так?”

Мирт повернулся, посмотрел в глаза цвета пламени, заметив — не в первый раз — как прекрасна Транстра. “Да”, почти печально сказал он, и его партнер по бизнесу улыбнулась ему, одновременно загасив мерцавшее пламя готового заклинания в тонкой руке с длинными ногтями.

“Будут… другие вечера” сказала она, и скользнула мимо так близко, что чешуйки касались его руки. Мирт смотрел как она идет вниз по лестнице в темноту, затем вздохнул и покачал головой. Какая жалость, что он такой упитанный, а ламии едят человеческое мясо. Он начинал хотеть, чтобы эта улыбка означала что-то другое.

Шагнув назад в комнату он сделал что-то с первым кольцом. Колесо серебристых искр послушно окружило его, нагнувшись над ними он прошептал, “Ушел из Скуллпорта по просьбе Дурнана помочь ему в спасении Нитикс Тандерстафф. Я видел ее здесь, так что подозреваю обман”.

Свечение рассеялось. Толстый, стареющий Харпер и Лорд Уотердипа пробормотал что-то над другим кольцом, призвав обрывки защиты окружить его, чтобы защитить от летающей смерти на пути по Скуллпорту. Корабли и лица подземного города менялись быстро, но место не становилось терпимей к слабым и неосторожным. Мирт огляделся вокруг и достал что-то маленькое с пояса, держа наготове в ладони и направился по коридору к скрытой лестнице ведущей из Дома Долгого Медленного Поцелуя. Он оставил дверь в комнату открытой, чтобы Хлардас знал, что он ушел и мог отключить лезвия. Лучше будет напомнить ему, проходя кухню. Так ведь можно потерять хороших горничных.

* * * * *

Аспер в прыжке перелетела через голову ошеломленного стражника и развернулась как только ее босые ноги пружинисто соприкоснулись с холодными плитами пола. Городской стражник плавно повернулся, — великолепно выглядя в своих доспехах — как раз вовремя чтобы увидеть рукоять кинжала молодой леди в пальце от его глаз, где сейчас могло бы находится и острие. Он едва посмотрел на него, когда почувствовал прикосновение рукояти ее меча к груди, как раз в том месте, где он вышиб бы из него дух будь это настоящий бой.

Он посмотрел на покрытое потом сияющее лицо светловолосой девушки, покачал головой признавая поражение и

смахнул собственный пот льющийся с кончика носа. “Я вижу, что ты делаешь”, проворчал он, “и все же не могу поверить”.

“Считай себя мертвым, Херл”, сказал стоявший сзади капитан стражи. “И в следующий раз постарайся не поворачиваться как спящий слон. Она могла бы ударить тебе в шею и исчезнуть за дверью прежде чем ты упал”.

“Да, капитан” устало сказал Херл. “Хоть раз я хотел бы увидеть…”

Он умолк, уставившись на колесо маленьких огоньков один за одним тихо возникших в воздухе перед его одетой в кожу противницей. В наступившей тишине Аспер наблюдала как они вращаясь становились ярче и сливались. Она подняла руку прося стражников молчать.

Из этих вращающихся огоньков раздался хриплый шепот, хорошо ей известный. “Ушел из Скуллпорта по просьбе Дурнана помочь ему в спасении Нитикс Тандерстафф. Я видел ее здесь, так что подозреваю обман”.

Затем светлячки начали гаснуть, пока, благодаря магии Мирта, не остались видимы только для Аспер. Они выстроились в линию, направленную на север — и резко вниз. Под гору, ниже даже этого темного, промозглого подвала замка.

Аспер нахмурилась. Она знала, что ее мужчина послал ей сообщение на случай если вызов Дурнана был фальшивкой, предназначенной заманить в ловушку самого Мирта. И, обман это или нет, если только оба старых Лорда Уотердипа не изменились серьезно за последние несколько дней, им очень скоро понадобится ее помощь. Она повернулась и поклонилась наблюдавшим стражникам.

“Это было удовольствием скрестить с вами клинки, как и всегда, господа”, сказала она смахивая пот с брови и обуваясь. “Я должна идти; нужна моя помощь”.

“Нам стоит что-то знать об этом?” спросил нахмурившись капитан.

Аспер покачала головой. “Дела Лордов” сказала она, и выбежала из комнаты, оставив стражников смотреть ей вслед.

“Как может клинок одной женщины — даже этой женщины — быть важным для Лордов Уотердипа?” спросил один из них удивленно. “Почему они так часто нуждаются в ее помощи?”

“Дружище”, ответил Херл, “ты лучше попытайся одолеть ее на мечах в следующий раз, а затем спроси у меня снова”. Он небрежно метнул клинок через весь огромный зал в предназначенное для него отверстие — не больше кулака. Клинок улегся на месте войдя по рукоять с громким звоном, и все его сослуживцы посмотрели на стражника с восхищением. Херл

развел руками, без следа гордости на лице и добавил, “Вы все видели что она со мной сделала. Как бы хорош ты ни был, всегда найдется кто-то лучше”.

Другой стражник поежился. “Не хотел бы я встретить того, кто лучше ее”.

* * * * *

“Теперь к другим делам” пробормотал глаз-тиран, повернув глазной отросток к укрытой в тенях расселине в стене пещеры. Послушно что-то маленькое и блестящее поднялось оттуда и плавно выплыло в полость гигантской пещеры: сверкающая сфера полированного хрусталя, размером с большую человеческую голову. Она искрилась и подмигивала подплывая к бихолдеру, затем неожиданно засветилась ярче, внутри ее пробудилось бледное зеленоватое сияние.

“Вот оно”, Ксазун всмотрелся в появившееся в глубине шара изображение. Лесистая местность, молодая худенькая человеческая женщина, плавно повернувшаяся в седле чтобы рассмеятся, свободно распущенные светлые волосы рассыпались по ее плечам. Ее радость и неслышные слова были направлены молодому мужчине, появившемуся в изображении, в его собственных глазах тоже танцевало веселье. Губы наблюдавшего бихолдера скривились в чем-то, что посторонний зритель мог бы счесть язвительной ухмылкой.

“Шандрил Шессаир в моей власти, хоть и не знает этого”, промурлыкал глаз-тиран. “Еще несколько добавочных чар и тогда… о, да, пламя магии будет использоваться ею по моей воле, против любого моего врага! Многие заплатят мне долги, очень, очень скоро”.

* * * * *

Сталактит в другом месте пещеры зевнул и пробормотал. “Еще несколько заклинаний, и я буду править миром? Сколько же раз я слышал это прежде?”

Черная летучая мышь слетела вниз с ближайшего сталактита, повернула голову и моргнула. “Эльминстер?” спросила она. “Это ведь ты? Тоже почувствовал отклонение?” “Конечно я, и конечно да”, ответила скала. “Я чувствую любое изменение происходящее с девочкой. Занимался бы Халастер в своих владениях делом, а не просто предавался созерцанию, меня бы здесь не было, но…”

“Наблюдать почти наверняка лучший выбор”, холодно заметил сталактит под когтями приземлившейся летучей мыши, и слегка дрогнул. “Ты всегда действовал слишком быстро, и менял Фаэрун слишком сильно, Эльминстер”.

Летучая мышь взмыла в воздух и быстро перелетела к скале, которой был Старый Маг. “Халастер?” осторожно спросила она повернувшись. “Привет, Лаэрал”, ответил скалистый выступ на котором она приземлилась до этого. “Мы все согласны, что этому Ксазуну огонь магии достаться не должен?” Двое других согласно пробормотали “Да”. “Тогда доверьтесь насчет него мне, я сделаю все так, что и бехолдер и Шандрил останутся в неведении”, продолжил Халастер. “Я держу свой дом в таком порядке какой мне нравится… хотя ты, Леди-маг Уотердипа, можешь баловаться здесь когда захочешь; твой подход более умелый, чем у большинства”.

Осторожно переводившая взгляд с одного сталактита на другой, летучая мышь очень хорошо чувствовала напряженность в воздухе, между скрещенными взглядами смотревших в глубины души друг друга древних архимагов. Тишина опустилась и сгустилась меж ними. И тогда, потому что она была такой, какой была, Лаэрал посмела спросить: “А что Эльминстер? Приветствуется ли он под горой?”

“Тем малым остатком рассудка что у меня есть я обязан ему”, ответил Халастер, “и я уважаю его мастерство — и его умение сочувствовать — больше чем любого другого живущего мага. Но то, что он сделал со мной… Что он вынужден был сделать со мной… У меня нет к нему любви”.

Два темных, похожих на ястребиные, глаза появились на скале, и Хозяин Подгорья тихо добавил, “Это мой дом, и я вправе захлопнуть его двери перед теми, кого не желаю видеть”.

Сталактит что был Эльминстер ответил так же мягко, “Я не могу спорить с этим. Знай, что мои двери для тебя открыты всегда”.

“Я ценю это”, сдержанно сказал темноглазый сталактит, изчезая.

* * * * *

Он не ходил этой дорогой годами, и почти забыл места на которых можно споткнуться и выбоины, попав в которые можно переломать себе ноги. Побитый старый ящик все еще лежал на положенном месте. Дурнан достал оттуда несколько бутылочек с зельями, и засунул их за пояс, постучав по металлическим

сосудам, чтобы убедится что они все еще полные. Затем он достал клочок тонкой черной ткани, лежавшей под ними, и обернул ее так, чтобы она закрывала глаза.

Тут же отступила окружавшая его темнота, он мог видеть во мраке так же ясно как любой обитатель Подземного Мира. После недолгих раздумий он откинул внутреннюю крышку ящика и обернул вокруг горла вторую ночную маску. Может понадобиться.

Трактирщик подумал было, что еще стоит взять с собой, и со вздохом отогнал от внутреннего взора картину самого себя, сгибающегося под весом, битком набитого всякими полезными вещами, мешка, больше него размером. Давно прошло то время, когда он кидался в бой только с мечом в руке и огнем в глазах. Еще дальше в прошлое ушло время, когда он чувствовал себя неуязвимым.

Дурнан глубоко вздохнул, размял плечи чтобы снять напряжение, опустил руку к рукояти меча, проверяя удобно ли он лежит в ножнах, и отправился вниз по узкому коридору. Две потайных двери открылись под его рукой, и он осторожно закрыл их за собой. За второй была комната, которую он знал хорошо.

Стоя у входа в нее, Дурнан огляделся, удостоверяясь что ничего не изменилось с тех пор, как он видел ее в последний раз, затем осторожно обогнул ловушку с падающей плитой и пересек комнату. Она была густо покрыта пылью, паутиной, и рассыпающимися скелеты нескольких неудачников, все еще валялись в обрывках паутины давно убитого паука. Отбрасывая останки в сторону клинком, Дурнан медленно направился в гигантский подземный лабиринт, видевший бесчисленное множество смертей.

Подгорье было владениями сумашедшего мага Халастера, и могилой тысяч страшных чудовищ и глупых смертных. Когда-то оно было игровой площадкой для Дурнана, место, позволявшее почувствовать себя живым после долгого дня за стойкой бара, и выслушивания похвальбы молодых аристократов и искателей приключений, о том, что они совершат в лишенной света глубине. И слишком часто после этого он натыкался потом на их трупы, жертвы ловушек, которых они должны были почувствовать и хищников, к встрече с которыми они должны были быть готовы.

Кстати… Он обнажил клинок и ударил вверх перед собой, наклоняясь в открытый дверной проем. Меч вошел в что-то твердое но поддающееся, и Дурнан отскочил, уклоняясь от падающего тела. Поджидавший его над дверью с грохотом упал на плиты. Кобольд, державший в содрогавшихся руках странную проволоку.

Дурнан уколол его мечом в горло, для уверенности, и резко

толкнул тяжелую каменную дверь, которая с силой ударилась о стену. За ней послышались какие-то хлюпающие звуки и неразборчивый вскрик, и что-то упало на пол. Что-то кобольдоподобное.

Третий из трусливых вопящих маленьких зверюг обнаружился в дальнем конце комнаты, и Дурнан вскинул меч отбивая брошенный им дротик. Вообще-то его браслеты защищали его от метательного оружия, но только незачарованного, и будет позновато обнаружить что данный конкретный дротик был магическим, когда он уже окажется у него в горле.

Бросок получился плохой, мягким шагом в сторону он ушел с траектории полета. Не успел дротик удариться о камень где-то позади, как старый воин пришел в движение.

Бросившись вперед, Дурнан схватился за дверной проем и резко развернулся направо. Как он и думал, его поджидали выстроившись в линию три кобольда, подняв шипованные дубины и клинки. Трактирщик успел заметить удивление на их лицах, прежде чем его меч нашел ближайшего. Он продолжил рывок, отбросив умирающего на его соратников, и заставляя их покатиться по полу. Он безжалостно бил и колол, зная, как могут быть опасны кобольды, и прикончив последнего развернулся к тому, кто метнул дротик.

Тот пятился от него, рыча, в глазах его, увидевших всех его приятелей мертвыми или умирающими, был страх. Дурнан приблизился на шаг. Кобольд плюнул в его сторону, неожиданно повернулся и побежал из комнаты. Дурнан нагнулся, подобрал оружие кобольда и метнул его со всей силы.

Тяжелый удар, грохот и стон раздались из под арки, но Дурнан уже бежал туда. Мудрый путешественник в Подгорье не оставляет за спиной живых врагов.

Оборвав ударом попытки кобольда уползти, Дурнан подобрал его кровоточащее тело и забросил его в следующую комнату. Как он и ожидал, что-то зеленовато-желтое быстро подползло к трупу со стены. Дурнан заглянул в комнату — обращая особое внимание на потолок. Проверив, что в ней только единственный падальщик, он пробежал комнату и через дверь по правую руку, закрыв за собой тяжелый каменный блок. Что-то далекое вскрикнуло в агонии.

Открывавшийся перед ним коридор был единственной связью между несколькими комнатами вокруг его подвала и остальным Подгорьем. В этом месте всегда надо было опасаться всяческих слизняков и других тихих, труднозаметных, ползающих тварей.

Следы огня как и уродливые, искореженные и обгорелые

останки на камнях вокруг, сообщили ему что кобольды только недавно очистили дорогу по крайней мере от одной такой опасности. Дурнан осторожно пошел дальше, думая о том, где сейчас Мирт и скоро ли они встретятся. Хорошо было вновь участвовать в деле, пусть дни славы Четверки давно прошли.

Когда-то нахальная и дерзкая группа, которой руководили он и Мирт была главной темой сплетен в Уотердипе и постоянной головной болью для честных торговцев по всему Побережью Меча — герои невероятных историй, рассказываемых в сотне таверн. Но годы прошли, и все это ушло… как, полагал он, всегда уходят такие вещи. Все что осталось от этого времени — счастливые воспоминания, давняя дружба, и кольца для посылки сообщений, которые все еще носил каждый из Четверки.

Дурнан часто виделся с Миртом и Аспер, но Рандал Морн воевал в далекой Долине Кинжала, чтобы сохранить принадлежащее ему по праву владение этой прекрасной землей. Рейнджер, Флорин Фальконхэнд, который в нескольких путешествиях подменял Аспер, был теперь Рыцарем Миф Драннора, и редко объявлялся на Побережье Меча. Шепотом ходили даже слухи, что он недавно побывал на Эвермите.

Дурнан все еще вспоминал блистательные победы Четверки, когда неожиданно мотыльки магического света окружиди его в пустом коридоре. Времени у него хватило только на возмущенную мысль — опятьпопасться на заклинание? — а затем мир вокруг него заполнили мечущиеся огни, и под ногами не было уже ничего…

“Поцелуй Бешабы!” выругался он раздраженно. Он знал, что телепорт переносит его в какое-нибудь мерзкое место.

Они всегда так делают…

* * * * *

Транстра стояла в комнате, про которую лишь немногие в Скуллпорте знали, что она принадлежит ей, сузив глаза и задумавшись. Кольцо старого Мирта заговорило, и это значит, что кто-то из Четверки позвал его на помощь. А когда Четверо зовут, это всегда значит для кого-то неприятности — и, раньше или позже, если только этот старый торговец не потеряет немного веса, приобретя взамен благоразумия, адресатом для неприятностей окажется он сам. Возможно этот случай настанет раньше, чем он ожидает… возможно, уже настал.

Ламия отбросила назад волосы, так что они спадали по ее спине как тлеющее пламя, и заскользила по полу как гигантская

змея. Мягкое, пульсирующее магическое сияние окружало ее тело узором, заставившим ее раба — тощего и грязного мужчину-человека, скрючившегося на коленях в углу комнаты — сглотнуть, и поспешно отвести глаза в сторону. Транстра была жестока, когда замечала его похотливые мысли… а ее жестокость обычно проявлялась в бичевании хорошо просоленными плетьми. Раб невольно вздрогнул, вспомнив последний такой случай.

Сухой звук скользящих чешуек приблизился и смолк. Человек продолжал смотреть в угол, пытаясь не дрожать от нарастающего холодного ужаса при мыслях о том, что она может сделать на сей раз. “Тортан”, сказала она почти вежливо, “встань-ка, и сделай кое-что для меня”.

Тортан неохотно встретился с ней взглядом. “Да, великая госпожа”.

“Открой ворота к Улисссу, и иди в свою комнату”, приказала Транстра.

Послушно торопясь исполнить приказ, Тортан слышал как она произносит первые слова одного из паутины заклинаний, которое она использовала чтобы держать в подчинении бехира.

Когда двенадцатиногое змееподобное существо с бешенной скоростью ворвалось в ее комнату, задрав рогатую голову и распахнув пасть, Транстра встретила его подняв над головой обе руки, окруженные магическим пламенем.

Улиссс покорно склонил голову и печально вздохнул. Однажды он поймает свою жестокую повелительницу на ошибке и убьет ее… но не сегодня.

Транстра, позволив пламени метаться вверх-вниз по ее рукам скользнула к могучему змею и обняла его за голову, как домашнее животное, гладя его между рогов, в том месте где Улисссу больше всего нравились ее прикосновения.

Под ее лаской, напряженные мускулы задрожали и расслабились, прочные как сталь чешуйки медленно, против его воли, начали терется о ее, и змей заурчал. Транстра заклинанием ввела в медленный, затуманенный разум Улиссса изображение Мирта и мягко сказала, “Внимай мне, возлюбленный, ибо у меня есть для тебя задача. Следуй за этим человеком — да, он необычайно обширен — и…”

Она шептала, и глаза бехира становились ярче, отливая золотом, в них появился злобный голод и нетерпение — и когда она освободила его, он торопливо бросился в путь.

Транстра выпрямилась, скрестив руки на груди, и наблюдала за ним. Хотя в ее глазах был опасный блеск, улыбка медленно появившаяся на ее лице была полна кошачьего предвкушения.

Она подготовила заклинание, которое позволит ей следить за

Миртом и Улиссом и издали наблюдать за происходящем, язык ее облизывал губы в интимной радости. Возможная потеря делового партнера — небольшая цена за предстоящее грандиозное представление.

* * * * *

“Что может случится? План идеален”, вспыльчиво сказал Ираэгли, его щупальца метались в раздражении.

“Ты не первый в истории произносишь эти слова”, сухо заметил Илоэбр, вращая в пальцах стакан дуйруина, так, что золотистые пузырьки в глубине черного вина искрились. Иллитид наклонился поближе к сородичу. “Все что угодно может случиться”.

“И что же?” вскинулся Ираэгли. “Даже Безжалостные-Под-Анаурохом не знают о нашем шептуне. Бехолдер не дурак, и все же не подозревает о его присутствии… а значит, и о нашем воздействии”.

“Возможно, только потому, что мы еще не пытались контролировать его”, сказал Илоэбр в глубину стакана. Там маленькие червяки извивались в бесконечном бессмертном танце, удерживавшем маслянистое черное вино от сгущения в патоку.

“Ты сомневаешся в моем мастерстве?” бросил Ираэгли наклоняясь вперед в кресле, сопровождаемый свистом рвущихся шелковых рукавов. “Он проглотил шептуна, а тот уже проел свою дорогу в ту ничтожную вещь, которую Ксазун и его родичи имеют гордость называть мозгом! Я чувствовал, как он питается кровью бехолдера и растет! Я чувствовал это сквозь связь, которую сотворила моя магия — и я могу оживить ее вновь когда пожелаю! Ты сомневаешся во мне, младший? Ты в самом деле смеешь?”

“Расплети щупальца и шипи потише”, спокойно ответил Илоэбр, потягивая вино. “Я полностью уверен в том, что ты можешь установить контроль над глазом-тираном — я сомневаюсь лишь в нашей способности избежать внимания других здешних сил. Шептун — мозговой узел, соединенный с тобой магией… и Жилище Черепов над нами, и город над ним просто кишат магами и жрецами, способными увидеть это, а на них влияет — нет, управляет ими — этот потрясающий человеческий недостаток, известный как ‘любопытство’. Что поможет нам не попасть под удар через вздох после того, как ты сокрушишь волю Ксазуна?”

Лиловая кожа Ираэгли почти почернела от гнева. Голос

дрожал яростью и угрозой, когда он медленно произнес, “слушая меня, слабовольный, и пусть одного раза будет тебе достаточно: ни дроу, ни человек, ни матрона-мать, ни архимаг не обнаружат нашего шептуна, и нас, пока мы здесь”.

Илоэбр покосился на каменные стены вокруг, и единственную сияющую скульптуру, издававшую время от времени звон, когда она меняла облик. Комната в которой они сидели содержала только их плавающие кресла, несколько плавающих столов (включая и бледно светившийся стол между ними), и набор различных оттенков сосудов, откуда было взято и вино в его руках. Невидимые руны силы извивались на обратных сторонах крышек столов, ожидая момента когда один из иллитидов приведет их в действие, но больше не было никакой защиты, кроме того, на что были способны сами иллитиды.

Не то, чтобы такие вещи должны были понадобиться. Они были в шести перемещениях от выгребной ямы под игорным домом, известным как Погребальная Яма Краснеющей Невесты, в южном Скуллпорте — цепь телепортов с ловушками, достаточная чтобы обмануть или уничтожить даже самого настойчивого и могучего из любопытствующих магов.

Именно в этот момент стол между ними отрастил два темных, суровых глаза — и взорвался, разбросав изломанные тела обоих пожирателей мозгов по стенам их убежища.

Последние слова услышанные Илоэбром, боровшимся со жгучей болью, был презрительный мужской голос: “Тупые иллитиды. Все время лезут куда не просят”.

Искореженные тела пожирателей мозгов оплывали по стенам как слизь. Ни один из них не прожил достаточно долго, чтобы увидеть как черные глаза Халастера превращают в танцующую пыль и искры их столы и пожитки.

Когда его взгляд прокатился по всей комнате, и он перестал чувствовать следы разумов на шептуне в мозгу бихолдера, маг вздохнул и собрался вернуться в телепорт… но остановился, и с новой силой уставился на сияющую, изменяющуюся скульптуру.

Она избежала — или преодолела — его разрушительный взгляд. Глаза Халастера сузились, затем сжались в полоски тьмы, пронзившие воздух — ударившиеся о скульптуру и втянутые куда-то, оставив странную конструкцию неповрежденной.

“Кто?” рявкнул Халастер, превращаясь в более материальную форму.

Скульптура прокашлялась и спокойно сказала, “Я, конечно. Мы договорились, что чужие действия в твоем доме нежелательны, но ничего не было о простом наблюдении. Это позволяет мне учится, видишь ли”.

“Эльминстер”, мягко сказал Халастер, вновь растворяясь во тьму с двумя глазами, острыми как копье. “Однажды ты переступишь рамки, установленные мной… и тогда…”

“Ты попытаешься меня убить, и не сумеешь, и мне придется решать сколько жалости к тебе проявить”, весело ответила скульптура. “Знаешь, те кто устанавливают рамки лучше бы занимались чем-то другим”.

“Не пытайся угрожать мне”, ответил голос Халастера издалека, масса темноты что была Хозяином Подгорья начала втягиваться в невидимый телепорт.

“Это была не угроза”, спокойно ответила скульптура. “Я никогда не угрожаю. Только — обещаю”. Ответ из телепорта очень напоминал какое-то грубое ругательство.

* * * * *

Дурнан все еще высказывал свое недовольство, когда вихрь голубоватого тумана рассеялся и мир вернулся: сумрачный мир пещеры, освещенной множеством ламп и факелов, с острым запахом только что сработавшего боевого заклинания. Дым лениво клубился вокруг него; он пошатнулся на неустойчивом камне и пригнулся, выставив клинок и оглядываясь по сторонам.

Шепот справа. Первым делом Дурнан повернулся туда, и обнаружил любопытствующую толпу — хобгоблины, багберы, орки и еще кто-то. Они стояли на залитой факелами улице, делая ставки и обмениваясь возбужденными замечаниями — и смотрели прямо на него.

Скуллпорт. Он в Скуллпорте. Удивление на некоторых лицах и неожиданная энергичность ставок подсказывали, что его прибытие не ожидалось. Значит, толпа собралась посмотреть на что-то другое. Дурнан огляделся по сторонам на темные, покрытые дымом руины вокруг. Ох-хо.

Слева от него висел в воздухе бехолдер, жестокие глаза смотрели на него и за него на… лиловое существо с щупальцами на лице и белесыми глазами без зрачков. Оно стояло в темных, разукрашенных одеждах справа — и поднимало трехпалые ладони в магических жестах, холодно шипя заклинание. Пожиратель мозгов… и глаз-тиран. Магическая дуэль. И он между ними.

“Спасибо тебе, Бешаба!” воздал трактирщик хвалу богине неудачи. Он бросился в развалины, вызывая в разуме картину открывания двери из драгоценной кости ключом драконьей чешуи. Изображение стало четким, дверь распахнулась — и

Дурнан вовремя успел закрыть глаза.

Белый свет в его мыслях был сущей ерундой, по сравнению с ослепительной вспышкой, сопровождавшей срабатывание драконьей руны на его браслете. Широкая полоска металла рассыпалась пылью, вызвав странное покалывание в руке, Дурнан перекатился через низкую каменную стену, упал на пол и вскочил на ноги. Толпа отозвалась возбужденным гамом, когда трактирщик понесся вдоль колонн и валяющихся каменных глыб и открыл глаза.

Кольцо белого свечения, возвещавшее о высвобождении энергии руны, все еще окружало его мигающим, расширяющимся защитным куполом. Заклинания и атаки взглядом будут разрушаться при соприкосновении с ним… слишком недолгое время.

“Помоги мне, Тимора!” взмолился он на бегу, проносясь между двумя почерневшими глыбами — остатками каменной стены, стоявшими как замерзшие пальцы, тщетно устремившиеся к потолку пещеры. Если Госпожа Удача улыбнется ему, драконья руна прикроет его спину от могущества глаз бехолдера на достаточное время, чтобы добраться до пожирателя мозгов. Да, если…

Темные одежды метались впереди, иллитид наклонялся так и этак пытаясь выцелить добычу, мечущуюся среди руин. Дурнан на бегу выхватил кинжал, а пожиратель мозгов громко бросил одно единственное слово.

Вспышка, рев боли камня, одна из стен впереди взорвалась осколками размером с кулак. Дурнан спрятался за колонну пока опасность не миновала и вновь бросился вперед. Если один старый и отяжелевший трактирщик сможет бежать достаточно быстро, у врага просто не будет времени привести в действие другое заклинание!

Он злился на собственную медлительность перепрыгивая через камни. У столба он успел на мгновение оглянуться на бехолдера, скользящего следом за ним, но держащегося в отдалении. Видимо не голоден… по крайней мере, не слишком голоден.

Противник был уже близко, камни катились из под ног Дурнана, когда он ворвался в разрушенную комнату и увидел иллитида за разваленной стеной впереди. Маслянистые, покрытые слизью ладони опустились к поясу и достали меч с широким клинком, заканчившимся крюком. Клинок? Обычно они слишком спешат накинуться на голову жертве своими высасывающими мозги щупальцами, чтобы беспокоиться насчет стали.

Кальмароподобные отростки вокруг губ твари дергались от возбуждения, видел Дурнан, когда обогнув последнюю стену набросился на врага.

Сейчас оступиться на неустойчивых камнях может значить мгновенную смерть, напомнил он себе хмуро, пригнулся на бегу чтобы лучше удерживать равновесие, и намеренно поскользнулся когда добрался до каменного выступа, за который он мог зацепить ногу.

Пожиратель мозгов бросился к потерявшему равновесие человеку, жадно выставив четыре щупальца. Дурнан поднял одну руку отбрасывая их, просунул острие кинжала мимо ближайшеги яростно ударил по их основаниям.

Меч иллитида довольно неуклюже поднялся отражая его удар, и он использовал набранную скорость отбросив противника в сторону плечом, и ныряя мимо него пнул его ногой в живот.

Зрители разразились криками и с новым оживлением начали обмениваться ставками когда Дурнан вскочил на ноги, оттолкнулся от каменной балки и вновь прыгнул на иллитида. Он не посмел повернуться к нему спиной и попытаться удрать по улице — это не только давало время противнику метнуть заклинание, но и толпа могла начать охоту на него, или же, ради развлечения, преградить ему путь, вынуждая повернуться и драться.

Тело иллитида казалось деформированным; оно дрожало, когда тот поднялся с камней — как раз вовремя, чтобы дрогнуть и зашипеть под ударом меча Дурнана. Раз, другой метнулась сталь обрубая щупальца… и хлынувшая кровь была не млечным ихором, какой должна была быть, но темная красновато-зеленая жидкость!

Дурнан обрубил последнее щупальце, и отвел назад клинок для последнего укола в один из этих яростных белесых глаз. Вдруг враг начал растворяться, превращаясь во что-то вроде длинного, красноватого червя или кучки червей, которые извивались и взмахивали влажными, быстро растущими крыльями пытаясь удрать. Он с отвращением ударил, и отскочил чтобы избежать щупалец, потянувшихся к его ногам.

Из толпы раздались сердитые крики: превращение ясно говорило, что тварь с которой дерется Дурнан — не пожиратель мозгов а что-то другое… а кто будет ставить на неизвестную тварь изменяющую форму, которую быстро разрубает на части тяжело дышащий человек?

Вслед за проклятьями полетел стакан, упавший на камни неподалеку. Затем еще один. Взбешенные игроки выражали свои эмоции. По счастью, дела в Скуллпорте обстояли так, что очень

немногие посмеют метать кинжал, если он может очень скоро понадобиться в руке.

“Благодарю за это богов”, вслух пробормотал Дурнан когда ему в голову пришла эта мысль, одновременно уклоняясь от части червеобразной твари, которая вдруг отрастила костяные шпоры и попыталась достать его.

Он получил небольшую царапину на руке, около левого плеча — и в этот момент и он и его противник пошатнулись. Кто-то из толпы метнул в них заклинание достаточно мощное, чтобы сотрясти руины вокруг — и защитный купол драконьей руны отбросил его назад.

Скученная аудитория зрителей превратилась в вопящую, разбегающуюся толпу, густо залитую кровью; искореженные бескостные тела слабо шевелились на камнях вокруг кольца очищенного пространства.

Дурнан нырнул под размахнувшуюся костяную руку противника, и ухватился за червеобразные кольца, с натугой подняв их. Тварь металась и боролась в его руках, создавая из себя когти и зубы, а затем трактирщик сжал зубы, поднатужился, мышцы его плеч дернулись и тварь полетела по воздуху.

Она приземлилась с смачным, влажным “шмяк”, и пару раз спазматически дернулась — но не смогла оторвать себя от ряда железных кольев, прошивших ее плоть как клинки. Она повисла, издав свистящий звук, и обмякла. Темная кровь медленно капала на камни внизу. Полезные штуки, ограды из клинков.

Голубое сияние мигнуло и изчезло вокруг трупа, который вновь изменился, продемонстрировав неуклюжие конечности и зубастую голову доппльгангера.

Глаза Дурнана сузились, когда мягкая белая вспышка возвестила что защита драконьей руны истощилась. Кто-то — в толпе? помогал заклинаниями этой зверюге, и, вероятно, контролировал ее.

“Я Ксазун”, глубокий голос раскатисто прокатился откуда-то сзади, наполненный уверенности и угрозы, “а ты, Дурнан из Уотердипа только что сразил моего самого верного слугу”.

Повернувшись, Дурнан, как и ожидал, обнаружил возвышающегося над ним бехолдера, огромного и устрашающего. Его центральный глаз излучал холодное злорадство; камни вокруг взорвались вызванными магией вопрошающе подергивающимися черными щупальцами.

“Значит, приведший меня сюда телепорт был твоим?” спросил Дурнан. “И эта… дуэль тоже ради меня?” На лице его не было страха; меч и кинжал плавно уставились в сторону глаза-тирана — и щупальца вокруг него сгустились, как колышащиеся,

вставшие вертикально угри.

“Конечно” сказал бехолдер. “Я на многое пошел, чтобы добраться до тебя тебя”.

Дурнан бросил быстрый взгляд на медленно и осторожно сужавшееся кольцо щупалец. “И по какой причине?” спокойно спросил он.

“Я решил побыть некоторое время Лордом Уотердипа”, сказал монстр, демонстрируя в улыбке ряд клыков, некоторые из которых были длинней меча Дурнана. “И — к сожалению для иногда знаменитого и частенько хранимого богами человека, зовущегося Дурнаном — я выбрал тебя”.

* * * * *

Странные зрелища — вещь обыденная в Скуллпорте, и те, кто выживает здесь давно, научились не слишком любопытствовать, и не торчать долго на месте событий, дабы не быть взятыми на заметку и не навлечь на себя неприятности в будущем. Так что ни люди-ящеры ни снующие халфлинги не кинули более чем осторожного взгляда на маленькую линию мерцающих, танцующих искорок свечения объявившихся из темноты, и направившихся вниз по аллее узкой и шумной даже для Источника Рабов. Волшебница из великого города наверху на охоте, или посланник какого-нибудь работающего на аристократа мага… или стайка маленьких вилл’о’виспов? Лучше не гадать, а наблюдать и не быть замеченным, и проследить куда плывут огоньки.

Многие из этих наблюдавших глаз расширялись от удивления, узнав объемистую хрипящую фигуру следовавшую за свечением, шлепая поношенными кожанными башмаками. Лорд Уотердипа, ну и ну…

Многие из путешествующих по улицам Скуллпорта сейчас могли бы видеть солнце над Уотердипом, если бы не указы лордов. Да и Мирт завел себе немало личных врагов за эти годы. Некоторые из них предлагали большие деньги чтобы его доставили к их ногам, более-менее целого, или, по крайней мере, хотя бы его голову.

Так что перекатывающаяся походка и взъерошенные усы были замечены многими прохожими, сопровождаемеы возбужденным шепотом и суетой. Довольно скоро из ночи вылетел кинжал, брошенный сильно и безошибочно, быстро приближаясь к левому глазу старого Харпера. Мирт проигнорировал его, сосредоточив внимание на камнях под ногами, тех кто мог загородить ему

дорогу и ведущей его стайке мотыльков.

Кинжал ударился о невидимые щиты и отлетел назад к метнувшей его руке. То же произошло и с камнем, полетевшим в затылок Мирта — и еще одним; отряд убийц по найму Руки Хоэлортона был известен мастерским обращением с пращой.

Или дубинкой. Мирт услышал легкий шорох ноги по камню, и развернулся, как насторожившаяся бочка, кинжал сиял в кулаке. Два бегущих бандита были уже почти рядом. Один замахнулся дубинкой на бегу.

Волосатые пальцы толстого ростовщика перехватили просвистевшую деревяшку и потянули. Ошарашенный противник потерявший равновесие успел только удивленно хмыкнуть, а потом рукоять кинжала ударила ему в подбородок. Удар отправил его в объятия тех леди, что мягко шепчут дремлющим воинам: он упал как падающее дерево, разбрасывая зубы из разбитой челюсти, глаза его потемнели.

Второму пришлось обогнуть падающее тело, и попасть под удар Мирта слева, все еще пытаясь поднять свою дубинку. Мирт позволил своему кулаку отправить голову человека к ближайшей стене, и почувствовал как что-то ломается под ним; затем он повернулся чтобы продолжить путь, ведомый мерцающими огоньками которые все это время терпеливо ждали. Две лежавших фигуры в аллее не следовали за ним.

Еще один кинжал мелькнул из темноты, целая корзина камней упала сверху, когда Мирт проходил под одним из висячих мостов, протянутых над улицами Скуллпорта. Щиты отправили оба подарка к отправителям, так что его путешествие сопровождалось приглушенными, булькающими криками.

Мирт вздохнул — дураки на Фаэруне, похоже, не собирались переводиться — и пригнулся, проходя под особенно низким мостом.

Опущенная сверху гаррота окружала его шею, когда он вошел в освещенный факелами участок, но жирный старый лорд не выказывал никакой заметной реакции, продолжая путь. Только напряженные мускулы его шеи показывали что ему приходится прилагать усилия чтобы не замедлить хода, пока вощенная нить сжимается вокруг гладкой стали ошейника, прикрывавшего его горло.

Меньше вздоха понадобилось пыхтящему торговцу, чтобы пройти полную длину смертоносного шнура и умелых рук державших его. С изумленной бранью их владелец упал из темноты сверху, и мешком свалился на улицу. Короткий взмах толстой руки — и кинжал глубоко вошел в затылок человека в маске, гаррота упала на булыжники рядом со своим недвижным

владельцем. Мирт даже не посмотрел туда. Это, в конце концов, Скуллпорт. Кроме того, его ждали дела… и, зная Дурнана, он полагал что дела спешные.

Три типа в масках выступили из боковой аллеи перед ним, но Мирт не замедлил шага и не потянулся к мечу на поясе. Он спокойно продолжал шагать навстречу поджидавшей смерти, и очень скоро один из трех отступил назад, и махнул своим приятелям поступить так же.

“Прошу прощения, Мирт”, пробормотал он. “Ты так хорошо выглядешь, я тебя еле узнал”.

“Хорошо сказано, Илбарт”, хмыкнул Мирт, неожиданно поворачиваясь и глядя на другого из тройки, который сделал шаг к его спине. “Так что вы все можете сохранить себе жизни”.

“Великодушно, белоусый”, мягко сказал шагнувший, “особенно когда нас трое на одного”.

“Я известен великодушием”, сказал Мирт оскалив зубы в улыбке и не замедляя хода, “так что сохраню тебе жизнь второй раз, Алдон. Постарайся не растрачивать свою удачу, и мое терпение”.

Алдон сделал неуверенный шаг вслед за ним. “Как ты узнал мое имя?”

“Он знает всех в Скуллпорте”, сказал Илбарт с нервной улыбкой. “Не правда ли, Мирт? Могу поставить золотой, что ты прожил здесь всю жизнь”.

“Пока нет”, сказал Мирт, поворачиваясь и раздлядывая его холодным и спокойным стальным взглядом. “Еще не всю”.

Он отвернулся от них и пошел дальше по аллее не поворачиваясь, но трое не последовали за ним. Они еще некоторое время смотрели вслед, и скоро у них появилась причина радоваться, что они не приступили к насильственным действиям.

Старый ростовщик прошел мимо щупальца, скользнувшего вниз из окна чтобы подхватить вызвавшего его, перешагнул распростершегося в луже крови орка, с копьем в спине — и обнаружил что путь ему преградили с дюжину или больше стройных фигур, с кожей такой же черной как и одежда которую они носили. Путеводные искорки почти издевательски танцевали в воздухе между ними.

“Что теперь, старик?” прошипел один из дроу. “Купишь свою жизнь точным и полным списком всех твоих сокровищ, где их можно найти и как они охраняются?”

“Нет”, прорычал Мирт, “Я тороплюсь. Так что отойдите, и я оставлю вас в живых”.

Холодный издевательский смех был ему ответом, один из

темных эльфов фыркнул “Очень щедро с твоей стороны”.

“Верно, но у меня нет времени”, бросил Мирт. “Прочь с дороги!”

“Отдаешь приказы старик?” ответил дроу заговоривший первым. “За это придется тебе отведать бича!” Тонкие пальцы одетые в перчатку потянулись к оружию.

“Или трех”, согласился другой дроу проделав то же движение; тонкие черные плети взвились и щелкнули.

Мирт вздохнул, раскрыл пригорошню показывая вещицу, которую достал из сумки в Доме Долгого Медленного Поцелуя и шепнул слово.

Металлическая полоска на его ладони взметнулась звенящей сверкающей сталью — и старый торговец стоял, спокойно наблюдая как высвобожденная магия превратилась в сотню рубящих и колющих мечей, летевших смертельным вихрем по аллее вокруг него. Дроу прыгнули в поисках укрытий… и все равно умерли, из открытых окон наверху донеслись пронзительные крики. Кто-то остановился на висячем мосту понаблюдать — и кто-то другой подтолкнул наблюдателя сзади, добавив беспомощно падающее тело к безумию внизу.

“Хватит!” прорычал Мирт наблюдая как неудачника разрезало на кусочки. Пробормотал второе странное слово, и клинки послушно изчезли, оставив аллею свободной от угроз на его дороге. Мирт направился дальше.

Следующие несколько шагов были по скользкой черной крови, но мотыльки все еще подмигивали из сумерков впереди, ведя к неожиданной удаленной вспышке света — сработавшему заклинанию. В этом сиянии Мирт разглядел большую толпу, собравшуюся понабллюдать за чем то слева — драка? дуэль? Делались ставки, наиболее воинственные боролись за лучшие места.

Еще одна вспышка — превратившаяся в голубоватое колесо, отмечавшее использование ловушки-телепорта — и оттуда вывалился Дурнан. Старый друг Мирта был в каких-то развалинах, угодив в середину магической дуэли между — о боги! — бехолдером и кем-то… магом? Нет, лиловая кожа; это может быть только пожиратель мозгов. Великие боги! Дело и впрямь спешное!

“Идиот!” энергично описал он Дурнана и перешел на рысь, одновременно ощупывая себя в поисках какой-нибудь маленькой спасительной вещицы.

“Внимайте все!” прохрипел он камням, с трудом набирая скорость, “и смотрите: Пыхтящий Воитель спешит на помощь — вновь!”

Что-то холодное коснулось его шеи сзади и прилипло. Дурнан зарычал и ударил, пара черных щупальцев обернулись вокруг его клинка и потянули, пытаясь вырвать его.

Дурнан выбросил другую руку с кинжалом, пытаясь освободить меч. Оледенение на шее распространялось, нежные пальцы холода обхватывали его плечи. “Что там, кости проклятых?” рявкнул он.

Бехолдер улыбнулся. “Твои воспоминания я заберу первыми… а затем возьму ничтожную свечу что ты зовешь разумом — и задую ее!”

Дурнан округлил глаза. “Говоришь как плохой актер пытающийся впечатлить скучающих аристократов в Северном Районе!” Тут острие его кинжала прикоснулось к рукояти меча. Он с силой надавил, и прошипел единственное слово.

Камень в рукояти сверкнул неяркой вспышкой — и медленно, в полной тишине, все черные щупальца изчезли. “Вот и кончилось твое заклинание”, пробормотал трактирщик, метнув кинжал в уставившийся на него центральный глаз бихолдера.

Мир взорвался ревом боли и ярости. Глаз-тиран метался в воздухе как дикий жеребец, пытающийся скинуть с себя веревки, задрожал и перевернулся с ужасающей скоростью, глазные отростки обратили на Дурнана множество смертельно опасных взглядов.

Ничего не произошло.

* * * * *

“Мистра, пусть блокирующее заклятие продержится еще чуть-чуть” вслух взмолился Дурнан, потянувшись к кинжалам спрятанным в сапогах. Огромная пасть была уже очень близко, и от рева издаваемого ею тело трактирщика содрогалось. Беспомощно щелкая зубами, Дурнан наблюдал как пасть широко распахивается…

* * * * *

Неподалеку, черная паутина вздрогнула и застыла. Затем из нее донесся хриплых голос — голос скрипевший и шипевший от долгого неиспользования. “Кто-то использует блокирующее заклятие” сообщил он пустой темноте вокруг.

Неудивительно, что ответа он не получил.

После короткой паузы, паутина отрастила руку, как щупальце

черного осминога, и погрузила ее в камень дальней стены — как если бы щупальце было простой тенью, свободно проходящей твердые тела. Затем вся паутина зашевелилась как гигантский бесформенный паук и последовала за щупальцем, просачиваясь в камни стены пещеры.

Вздохом позже, черное щупальце высунулось из сплошной стены в Скуллпорте, заизвивалось по аллее и повернулось проверяя узкий, дурно пахнущий коридор. Крыса приостановила свои хлопоты чтобы понаблюдать за этим новым, возможно съедобным, червем или змеей — но юркнула под укрытие мусорной кучи, когда щупальце разрослось до паукообразного нароста, покрывшего большую часть стены. Эта штука затем стала развивающимся черным плащом… из которого выросла фигура человека в плаще, с накинутым капюшоном, глаза которого сверкали в темноте так же ярко как и у самой крысы.

Плащ пролетел мимо укрывшегося грызуна. Человек вышел из аллеи, посмотрел на почерневшую арену магической схватки, где стояли сожженные или разнесенные вдребезги строения, и громко сказал, “Хммм”.

Бехолдер нависал над одиноким человеком, окруженный сиянием заклинаний, которые тем не менее не могли добраться до человека, поглощаемые неким невидимым щитом. Блокирующее заклятие, без сомнений.

“Хммм”, снова повторил наблюдавший и шагнул назад в стену, погрузившись в камень и оставив только два темных внимательных следа на месте где должны были быть его глаза.

Мудрая крыса поторопилась убраться. С архимагами нельзя ни в чем быть уверенным. Халастер Черный Плащ был известен одновременно и как один из наиболее могущественных архимагов, и своей склонностью к … нерациональному поведению. Похоже, он просто устроился в стене понаблюдать за происходящим в развалинах, но — если вообще говорить о безопасности в Скуллпорте — безопаснее оставаться от него подальше… насколько возможно дальше.

* * * * *

Аспер остановилась на высоком подвесном мосту, и на мгновение ухватилось за его ограждение, переводя дух. Бежать пришлось долго и тяжело, и больше чем один глупый зверь пытался сделать ее своим ужином. Клинок в ее руке был все еще темным и влажным от последнего столкновения. Прыжок из конца малоизвестного туннеля — проходившего через сердце

горы Уотердип и заканчивавшегося обрывом высоко под крышей пещеры, в которой находилась большая часть Скуллпорта — вниз, на крыши под ним, всегда был нелегким делом.

Хватая воздух, леди Мирта помотала головой. На лицо непрерывно стекал пот, мокрые волосы прилипали ко лбу. Аспер глубоко вдохнула, дернула головой отряхивая пот, прикрепила кольцо на рукояти меча к такому же у горла и повернула его, чтобы окровавленный клинок висел у нее за спиной, оглядывая Скуллпорт и ожидая пока успокоится дыхание.

Опасное место сейчас казалось притихшим. Таинственные черепа-стражи — или что они там такое на самом деле — мелькали здесь и там сквозь мрак над улицами, где каменные клыки потолка пещеры опускались вниз. Аспер любила этот мир летучих мышей, раздающихся иногда вскриков и таинственных бормотаний. Она наслаждалась прогулками среди разрушающихся горгулий на крышах, тихо светящихся защитных заклинаний и арбалетов, ждущих чтобы крадущийся вор споткнулся о натянутую веревку, где редко открывались задвижки, покрытые ржавеющими разбитыми старыми щитами, чьи владельцы больше не нуждались в них — и ни в чем другом.

Но это путешествие трудно было назвать приятным. Аспер прижалась к перилам как к возлюбленному и вгляделась на север. Что-то там было… вспышка… вот!

Сияние магии расцвело в темном месте — какие-то развалины, похоже, с многочисленными глыбами и колоннами почерневшего камня. Эта вторая вспышка показала Аспер фигуру, которую нельзя перепутать ни с чем — сфера бехолдера, глазные отростки извиваются в ярости или боли, низко в воздухе нависает над каким-то врагом… кажется человек. Да, в такого рода неприятности Дурнан или ее любимый ввязывались почти наверняка.

Аспер перепрыгнула через перила и упала в холодный воздух, игнорируя восклицание и удивленное лицо в окне мимо которого пролетала. Ее ноги нашли второй мост, скользнули на мгновение по сырым доскам, танцевавшим под тяжестью ее приземления, затем обрела равновесие. Дрожание моста стало тише, Аспер низко пригнулась, чуть прикасаясь кончиками пальцев к доскам перед ней, и снова посмотрела на бехолдера. Проблема была в том, что в Скуллпорте подобных существ и происшествий хватало: как раз тот сорт, в который могли влипнуть Дурнан и Мирт — но этот ли случай они выбрали, или нашли развлечение еще где?

Затем ее глазам предстало то, что она искала — далеко от нее, по узкой аллее бежавшей под ее мостом к развалинам где

метался бехолдер. Знакомые качающиеся формы, просто полный там где не был очень толстым, он бежал пыхтя с тем самым бесстрашием которое она так любила. Мирт Ростовщик, человек чье сердце вело Лордов Уотердипа, громыхая как бешенный гиппопотам по камням там, где аллея выходила в хаос развалин — несся навстречу разъяренному бехолдеру, спасать друга.

Значит именно эта драка их. Аспер задумалась. Она быстро расстегнула пояс, вытащила что-то из под его застежки и осторожно положила на доски перед собой. Не очень мудро будет встретится с магией которую несет взгляд бехолдера, таща с собой эту маленькую безделушку.

Она застегнула ремень, задумчиво прикусила губу, плавно развернулась и пробежала немного по балкону. Там кто-то храбрее большинства привязал веревку для сушки белья от моста до балкона. Хотя веревка была уже старая и мягкая там где много раз смывалась светящаяся гниль, она выдержала торопящуюся, похожую на кошку женщину достаточно долго, чтобы дать ей добраться к балкону. Аспер поставила одну ногу на ограду балкона и оттолкнулась; стареющее железо протестуще застонало, когда она прыгнула в темноту, вытянув пальцы по направлению к подвесному светильнику.

Подвеска была покрыта шипами, чтобы предотвратить похищение любыми коварными типами железной корзины светящихся червей, служившей какому-то боязливому купцу для освещения задней двери. Перчатки Аспер оканчивались кольцами на середине пальцев, оставляя большую часть ладони открытой чтобы не сковывать движений — но она пролила лишь немного крови ухватившись, качнувшись и прыгнув, направляясь вперед ногами к другому мостку.

Глаза ее сосредоточились на битве впереди. Глаз-тиран похоже пытался укусить Дурнана, который прятался и метался среди множества каменных выступов стены. Когда ноги Аспер коснулись досок моста, скользнули по чему-то неприятному, и отправили ее в новый прыжок в пустой воздух, она увидела что бехолдер нанес удар. Каменные блоки рассыпались а Дурнан прыгнул в сторону, в его руке сверкнул кинжал. Мирт уже подобрался ближе, и дальше, за ними — Аспер видела это, подбираясь для падения на прогнившую крышу костяной повозки — были несколько осторожно наблюдавших существ. Минотавр и кенку среди них, презрительно указывали на Мирта, крича друг на друга. Видимо, делали ставки.

Тут ноги Аспер провалились сквозь посеревший от времени шелк, и в хрупкие кости под ним. Прикрыв глаза, защищая их от летящих осколков, она сжалась, принимая удар на ноги.

Грубый голос орка проревел, “Клянусь мозгососущими щупальцами склизских слуг Илсенина, что это?”

“Специальная доставка”, ответила Аспер незримому торговцу взмахнув мечом. Шелк опал словно паутина, она выпрыгнула на улицу мимо изумленных бешенных глаз и сверкнувших клыков.

“Грраарр!” вопль ярости орка эхом отражался от зданий, Аспер бросилась к концу аллеи, не глядя вскидывая меч за спину. Тяжелый топор скользнул по его кончику и врезался в железные ворота позади нее. Аспер умчалась в темноту, крикнув на прощание, “Приятная встреча, кровавые клыки!”

Почтительное обращение по-орочьи едва ли успокоило торговца, крышу повозки которого только что развалили, но она торопилась. Впереди бехолдер сотрясал воздух ревом ярости куда страшнее рявкания орка сзади. Во всех направлениях из его извивающихся глазных отростков метались лучи. Те, что попадали вниз исчезали наткнувшись на какой-то щит, единственный метнувшийся навстречу Мирту встретил ту же судьбу. Остальные вызывали впечатляющие взрывы, всплески пламени и молний — в одном месте камень растворялся как сироп, стекая сам на себя медленным потоком.

Магический свет искрился и вспыхивал вокруг глаза-тирана, выплескивавшего поток заклинаний, заставивший зрителей попрятаться по укрытиям. Делающие ставки перекрикивались между окнами, балконами и по углам, земля дрожала, камень стонал, последняя из стен уцелевшая на развалинах обвалилась с медлительным достоинством, прямо на трактирщика.

Пыль медленно поднималась, вспучивающаяся земля под ногами успокоилась, и звону в ушах Аспер не под силу оказалось заглушить рев вызова Мирта.

“Повернись! Повернись, обгорелый мешок плавающего сала! Я тебе в каждый глаз загляну, и клинком добавлю прежде чем ты сможешь удрать! Повернись, говорю!”

Аспер поморщилась от такой неосторожности ее лорда, но губы ее скривились в улыбке. О да, это действительно ее Мирт.

Утомленный собственным криком, толстый старый Лорд Уотердипа запыхтел и направился прямиком к бихолдеру. Его старые башмаки шлепали по неустоичивой куче камней. Добравшись до ее верха он с важным видом выхватил свой меч и поднял его в вызове. “Слышал ты меня, шар с дерьмом? Я…”

“Слышал, слышал”, сказал бехолдер с угрожающим спокойствием. “Замолкни теперь, толстяк”. Его глаза вспыхнули испуская смертоносные лучи.

Нечто невидимое в воздухе преградило путь лучам, бившим с такой яростной мощью что сама пустота потемнела. Ростовщик

отчаянно пытался удержаться на ногах под весом магии, бившейся о его щиты.

Глаз-тиран закричал в новом приступе ярости — да что же это, всякий человечишко защищен от его сил? — и начал бомбардировать его заклинаниями и лучами из глаз. Земля снова задрожала, Мирт изчез под горой камней валившихся со зданий по всей округе. Когда Аспер крадучись направилась вперед, от большого особняка слева от нее отвалился балкон и упал на железные ворота двора, разбросав вокруг булыжники.

Осколок прилетевший из ниоткуда разрезал ее щеку с легкостью бритвы. Аспер зашипела и вскинула руку, защищая лицо, раздвинув пальцы она видела Мирта, который боролся как человек, прокладывающий дорогу наперекор ураганному ветру. Чернота искрилась и бурлила вокруг него, отмечая постепенное разрушение его щитов — вскоре они падут, и его разнесет на кусочки… и она навсегда потеряет его.

Она могла помочь единственным способом, и он мог стоить ей жизни. Возможно, эта жертва останется бесполезной, если она упустит свой шанс. Аспер сглотнула, мотнула головой отбрасывая волосы с глаз и перехватила рукоять меча, чтобы вырезанную на нем руну смочила кровь все еще сочившаяся с ее пальцев. Она почувствовала знакомые контуры, мокрые и скользкие от ее крови, и удовлетворенно кивнула. Повернувшись к беснующемуся глазу-тирану, она твердо произнесла вслух два слова.

Меч дернулся в ее руках, твердо державшихся за рукоять, когда высвобождилась и вспыхнув изчезла в никуда энергия руны. Вознеся ее в воздух он потащил ее за собой вперед. Наступила мертвая тишина.

Сейчас она была невидима, взмывшая в воздух в прыжке, который закончится дробящим кости столкновением со стеной пещеры или болезненным падением на землю, если она ошиблась.

Бехолдер все еще не замечал ее; он все еще хлестал ее лорда бесполезными взглядами и заклинаниями когда она вспышкой вынырнула в содрогавшемся в воздухе, проходя над монстром — ну!

Мощь руны согласно подмигнула и Аспер упала, выставив меч, вновь обретя возможность слышать рев Мирта и восхищенные крики наблюдавших обитателей Скуллпорта. Аспер расставила ноги и приготовилась к приземлению — у нее будет единственный миг для удара прежде чем ее отбросит прочь.

Она сама смешивала сок камнекогтя и клей крипера и смазывала подошвы своих сапог более толстым слоем чем большинство воров, горняков или моряков. Это уже не раз

спасало ее сегодня на подвесных мостах и падениях на крыши, и если поможет хотя бы еще раз…

Сапоги Аспер звучно шлепнулись о тело бихолдера, меч в ее руках сверкнул прежде чем она успела обрести равновесие. Почти перерезанный глазной отросток метался перед ней, расплескивая жалящую желто-зеленую кровь, другой глаз повернулся в ее сторону. Ее ноги нашли опору на пластинах, защищавших тело, Аспер сделала отчаянный выпад, пробив мечом вопрошающий глаз и дернулась, высвобождая клинок прежде чем на нее обратится смертоносное внимание другого.

Поворачивались сразу три, как медлительные змеи, а сам бехолдер начинал переворачиваться, чтобы сбросить ее. Теряя равновесие, Аспер пнула один глаз, рубанула клинком по другому. Тяжело упала на костяные пластины тела монстра, обернув руку вокруг глазного отростка. Она сжала его одной рукой, и поперечиной меча ударила по другому оборачивавшемуся глазу. Млечная жидкость брызнула на нее. Отплевываясь от слизи, Аспер сосредоточенно нанесла очередной удар. Затем она упала, тело бехолдера больше не поддерживало ее.

Камни кинулись ей навстречу, Аспер сжалась вокруг своего меча, пытаясь перевернуться. Времени не было, она с силой врезалось в то, что оставалось от стены и беспомощно откатилась в сторону. Туман вихрился перед глазами, новая влага на подбородке показывала где она прокусила губу.

Мирт ревел ее имя и несся к ней, вытянув руки чтобы обнять ее. Смогут ли его щиты прикрыть их обоих?

Не от этой смерти.

Большой центральный глаз бихолдера был треснувшей, сморщеной раной, млечная жидкость капала из разреза на незрящей выпуклости, но меньшие глаза на своих стеблях блестели беснующимся бешенством. Они уставились на нее, быстро приближаясь. Атакующий монстр либо врежется в нее, давя о камни и выжимая жизнь, или перевернется в последний момент чтобы разорвать ее клыками — зубы обрамляли пасть достаточно большую чтобы заглотить ее целиком.

Аспер вздрогнула, помотала головой приходя в чувство и подняла окровавленный клинок который не выпустила из рук. Мирт задыхаясь подбежал к ней держа наготове меч — и глаза бехолдера скрылись под его собственной тушей. Он перекатился открывая готовую поглотить ее пасть.

Гигант среди собственного рода, вооруженный заклинаниями, которых не было у других, магией самой по себе достаточной, чтобы одолеть многих человеческих волшебников,

Ксазун стал презрительно самоуверен. С людьми это выходит боком, он припомнил, как старший тиран предупреждал его.

Много магии и долгие, долгие месяцы в укрытии понадобятся, чтобы восстановить потерянное в несколько секунд алой, безумной боли… но сначала навеки успокоить руки сотворившие это!

Мирт задыхаясь пробормотал “Ты с ума сошла, девочка? Твой…”

Аспер отбросила его в сторону, развернулась и отпрыгнула. Мирт попятился назад, и с болезненным ревом впечатался в камень получив пару синяков. Бехолдер врезался в камни где они стояли только что, мечась и щелкая зубами.

Осколки разлетелись и раскатились во все стороны, бихолдер развалил на части скалу, вгрызаясь в нее зубами. Сила удара заставила его отлететь, вращаясь в воздухе, — и освободила исцарапанного, пошатывающегося трактирщика.

Сумев поднятся на ноги, Дурнан вскарабкался по наваленным камням, рыча от боли многочисленных ушибов. Он лежал под завалом достаточно долго чтобы познать первое холодное прикосновение отчаяния, и в таком настроении готов был разрывать бехолдеров руками.

“Ухх”, проворчал Мирт, неловко вставая. “Что это выплюнула земля? Беззаботного трактирщика шатавшегося по Скуллпорту?”

“Рад встрече, старый друг”, сказал Дурнан ухмыляясь, и хлопнув Мирта по плечу пальцами, казалось сделанными из железа.

Усы Мирта произвели странные движения, долженствовавшие означать улыбку. “Я видел маленькую заразу которую ты понесся спасать, прохлаждавшуюся в Клинке Биндла, потягивавшей вино — так что пришлось поторопится, зная что ты угодишь прямиком в ловушку”. Он посмотрел на бехолдера, врезавшегося в стену здания из окон которого тут же изчезли лица зрителей. “Так что ты натворил, что этот гад так взбесился? Отказался его поцеловать?”

“Твой разум как всегда острее бритвы, Старый Волк”, сказал Дурнан с лукавой улыбкой, предававшей легкий невинный тон его слов.

Мирт ответил грубым жестом и добавил, “Ну?”.

“Ничего”, честно сказал Дурнан, наблюдая за тем как бехолдер приходит в себя и медленно, осторожно начинает вновь надвигаться на них. “Выбрался из Портала на помощь благородной леди — и попал в ловушку перенесшую меня сюда”. Он неожиданно усмехнулся. “По крайней мере, не пришлось пешком ходить”.

Мирт проворчал. “Жаль, что мне не так повезло”. Позади него раздался шорох, он обернулся с мечом в руке, расслабился и улыбнулся. “Девочка, девочка, сколько раз я тебе говорил, что ненавижу когда ко мне подкрадываются сзади?” упрекнул он Аспер. Она указала мечом куда-то за него.

“Тогда лучше повернись обратно, мой лорд”, спокойно сказала она, и прикосновение к поясу означало, что Дурнан позаимствовал один из его кинжалов. Мирт заворчал как морж и пыхтя повернулся — как раз вовремя чтобы увидеть несущегося на них бехолдера и копья сияющих лучей из его глаз.

“Спрячьтесь за мной, вы двое!” взревел толстый ростовщик. “Я защищен!”

“От таких зубов? Как нибудь покажешь мне это заклинание!” сказал Дурнан, становясь плечом к плечу с Миртом, сжимая в каждой руке по кинжалу. Его клинок остался под скалами, один глаз заплыл и почти не открывался, но трактирщик, казалось, был уверен в себе — даже с нетерпением ожидал столкновения — поджидая приближаюшуюся по воздуху смерть.

С плавной грацией скользящей змеи у другого плеча Мирта встала Аспер. “Интересно для разнообразия побеспокоиться о зубах бехолдера, а не его глазах”.

“Отойди девочка!” взвыл Мирт. “И без того есть о чем волноваться…”.

Бехолдер врезался в них, огрызаясь и кусаясь. Они безуспешно рубили по костяным пластинам его тела.

Горячее дыхание бехолдера окружило его противников, отчаянно прыгавших и уклонявшихся — только, чтобы вновь и вновь отлетать от того, что казалось движущейся стеной замка. Тиран отбросил Дурнана как куклу, тот захрипел и откатился в сторону в расщелину, ускользая от пытавшегося раздавить его бехолдера. Аспер не смогла удержаться на ногах, когда к ней потянулись челюсти. Она укрылась от взгляда монстра под ним, вновь ударилась — и отлетела на другой конец области развалин, меч вылетел из онемевшей руки зазвенев при падении. Судорожно вздохнув и застонав, она оперлась на переломанную колонну, но Мирт был слишком занят чтобы расслышать ее.

Он метался и ругался и отбрасывал назад настойчивые клыки, меч отскакивал от костяной брони и зубов. В конце концов, чтобы не расстаться с рукой ему пришлось оставить меч вертикально в сжимающихся челюстях. Те перехватили клинок, переломили и выплюнули. К этому времени трое израненных шатающихся друзей поднялись на ноги. В отдалении раздавались голоса делающие новые ставки.

“Да, кстати — это Ксазун”, формально представил бехолдера

Дурнан.

“Недобрая встреча”, проворчал шатающийся Мирт. “Очень недобрая”.

В этот момент угасло слабое гудение его щитов: защита от глаз бехолдера изчезла.

“Тьфу ты, черт”, пробормотал ростовщик. “Умереть — и где, в Скуллпорте — да еще и дать кому-то выиграть ставки на этого…”

“Разделимся”, предупреждающе сказала Аспер из завала справа, “а то он нас всех вместе передавит”.

“Оптимистично”, прокомментировал Дурнан, наблюдая за осторожно разглядывавшим их Ксазуном, который еще не знал, что они больше не защищены от его сил. “У кого еще осталась магия?”

“Против такого? Нет”, ответил Мирт наблюдая медленное приближение смерти. Один единственный луч выпущенный им — просто так — и монстр поймет что они беззащитны.

Ксазун уже немало магии применил против этих людишек, и вся она растворилась бесследно или же повернулась назад против пославшего ее. Лорды Уотердипа, были видимо, покрепче простых смертных. Как бы победить этих двух — возможно трех, если женщина одна из них — не уничтожая тела?

Доппельгангер мертв, так что сохранить этих людей — по крайней мере, тела — в целости и сохранности было важно. Они противостояли его магии, и похоже подчинить их волю не удасться. И все же, сбежать из боя, сейчас, при такой аудитории…

Бехолдер замедлил ход, затем остановился. Он висел на почтительной дистанции над развалинами, и размышлял.

“Ну ладно, я пошел”, весело сказал Мирт поворачиваясь. “Охотничий сезон на бехолдеров еще не начался, да и дела у меня…”

Один из глаз Ксазуна вспыхнул. Камень размером с кулак поднялся с земли и понесся к старому торговцу, с точностью и скоростью стрелы. У этих людей может быть щит от магии, но что, если камень уже летит быстро и точно когда магия разогнавшая его разрушается? Медленно вращаясь в полете, камень летел к цели.

“Волк — вниз!” закричала Аспер. Мирт слышал у нее такой тон раза два в жизни, и плюхнулся на живот без промедления. Камень пролетел над головой, и с треском разлетелся о стену.

Бихолдер начал спуск, и одновременно над головой Дурнана взмыл булыжник размером с небольшую повозку. Тот бросился в сторону, но камень тщательно целясь преследовал его. Хозяин Зевающего Портала пробормотал ругательство и начал бешенную скачку по развалинам. Бехолдер улыбаясь плыл за ним.

Если огромный вес камня придавит лорда не нанеся ему тяжелых повреждений, он окажется беспомощным и беззащитным — пленник до тех пор, пока Ксазун не будет готов забрать у него разум и тело. Если это сработает с одним — прекрасно, камней тут достаточно, а людей всего трое.

От ужасного зрелища преследующего Дурнана булыжника Мирта отвлек стук по камню позади него. Он с рычанием обернулся — не пытается ли один из этих наблюдателей-игроков изменить соотношение сил — и уставился на существо в голубоватой чешуе, выглядевшее как огромный крокодил. Голова поднялась разглядывая его, существо бежало по каменным обломкам маленьким лесом быстро мельтешащих ног.

Бехир, человекоядный ящер плюющийся молниями!

“Вот его нам и не хватало!” вырвалось у Мирта от отчаяния, он поднял кинжал, прекрасно понимая бесполезность его маленького клыка против этой твари. “Какой то засранец-маг над нами издевается!”

Ставший похожим на усталого быка, опустившего голову на встречу несущемуся вихрю, старый толстый Лорд Уотердипа приготовился к схватке с новым врагом. Приближавшийся бехир неимоверно широко раскрыл пасть, предоставляя Мирту возможность уставится в глотку в которую он мог спокойно войти не сгибаясь. Раздвоенный язык извивался в ее глубинах завораживающем танцем, все ближе и ближе, быстрее чем мог бы бежать человек.

Аспер выкрикнула имя Мирта и бросилась бежать к нему, вытащив из сапога маленький нож — но она была слишком далеко и могла только наблюдать. Рептилия щелкнула челюстями, повернула голову к Мирту сделав то, что позднее тот смог описать только как подмигивание, и пронесшись мимо остолбенелого ростовщика выплюнула молнию прямо в распахнутую пасть бихолдера.

Ксазун закричал. Высокий, плачущий вой, похожий на слишком часто слышанные Миртом крики человеческих женщин — и понесся над развалинами, по всему его телу играли молнии. Глазные отростки спазматически извивались, он врезался в колонну и тяжко рухнул вниз. Атакующий бехир мгновенно добравшись до него обернулся вокруг врага и щелкая челюстями обрывал глазные стебли яростно, безжалостно и торопливо. Три человека в немом изумлении наблюдали, затем сошлись вместе в центре разрушений наблюдая как умирает бехолдер.

“Есть тут дыра настолько маленькая, чтобы мы могли там спрятаться от этого?” мягко спросила Аспер, наблюдая как чешуйчатая голова бехира мотается в стороны, разрывая плоть

бехолдера. Последний булькающий вой твари смолк под его когтями.

Ни один из них не увидел тихо материализовавшуюся рядом с павшим глазом-тираном хрустальную сферу, сверкнувшую последними остатками энергии заклинания… и рассыпавшуюся пылью, разлетевшейся в стороны.

“Несколько есть, конечно”, хмуро ответил Дурнан, наблюдая за пожиранием, “но ни одна из них не защитит нас от его молний”.

Аспер тяжело вздохнула и покачала головой. Ее глаза ярко сияли когда она спокойно сказала, “Я так и думала”, и подняла маленький нож будто это был древний магический клинок.

Когда крокодилоподобная голова отвернулась от своего пиршества, ей предстал маленький нож, кинжал Мирта рядом с ним, и такой же кинжал в руке Дурнана; в ее глазах сверкнуло золотом веселое изумление. Огромные челюсти раскрылись, издав шипение. Челюсти с усилием шевелились, и Аспер подумала, что существо пытается заговорить. Затем оно раздраженно мотнуло головой, глубоко вздохнуло и снова попыталось, обратив глаза на Мирта. Все они услышали грохочущий рев вполне четко: “Сспассибо Трансстре…”

Затем он опустил голову, свернул ножки под телом и скользнул прочь. Они смотрели как он прокладывает путь из развалин на улицы. Зрительская аудитория — выжившие — попятились, освобождая дорогу. Он изчез за углом — улица Паучьего шелка вспомнил Дурнан — и оставил их наедине с разорванным мертвым бехолдером.

“Интересно, что она с тебя потребует в плату?” спросил Дурнан у Старого Волка.

Мирт пробурчал что-то и повернулся к своей леди, разглядывая ее будто в первый раз заметив. “Привет, маленькая фруктовая корзинка”, промурлыкал он, вытягивая губы для поцелуя.

Аспер показала ему язык и сделала вид что плюется, как обычно молодые леди Уотердипа демонстрировали презрение или неудовольствие.

Затем она подмигнула и просияла.

Мирт улыбнулся было в ответ, но его улыбка замерла когда он увидел опасно поднявшиеся брови Аспер и угрожающую искорку в темных глазах, буравящих его. Она нежно спросила, “А кстати, что это за женщина, ‘Трансстра?’”

Мирт посмотрел на нее укоризненно. “Втяни коготки, малышка: она не человек, она ламия”.

Теперь поднялись брови у Дурнана. “Работорговля, Мирт?”

Торговец оскорбленно посмотрел на него и повернувшись пошел к аллее. “Вы же меня знаете, работорговля — занятие для тех, кто не знает сомнений, не слишком умен, но очень богат. В частности, для аристократов”.

Дурнан взвыл. “Ой, только не начинай опять. Мы вычистили все, что могли, и Хел установил заклинания-шпионы… всегда остаются несколько, по мелочам, но ничего с чем мы бы не могли справиться.”

Вспышка молнии разнесла в пыль камни у его ног.

“Вот как? Справишься со мной, трактирщик?” Голос эхом разносился вокруг них, усиленный магией: издевательский голос высокомерной молодой женщины, хорошего рода и воспитания.

Три лорда посмотрели туда, откуда ударила молния, и увидели одинокую фигуру, стоявшую на мосту, где не так давно Аспер наблюдала бельевую веревку: тонкая надменная фигура в темнозеленом плаще, в складках которого проступали контуры длинного меча под ним. В верхней части фигуры заметны были лишь сверкающие глаза и локоны золотистых волос, спускавшиеся на изящные плечи.

“Нитикс”, проревел Мирт, “Спускайся оттуда!”

В ответ две руки в перчатках показались из плаща, демонстрируя светящиеся смертельные вещи которые они держали: взрывные жезлы из Нетерила, потрескивающие искорками удерживаемых в них молний. “Поднимайся и достань меня, толстяк”, фыркнула Нитикс Тандерстафф. “Я не подчиняюсь приказам пьяных старых простолюдинов”.

Дурнан посмотрел на нее, глаза его с узились. “Так ты работорговка?” он тихо направился к выходу на аллею, и тут же за ним последовали Мирт и Аспер.

Жезлы направились на них, девушка напряглась и сказала почти вызывающе, “Да!”.

Дурнан продолжал шагать, покачивая головой в насмешливом недоверии. “Ты никогда не заковывала людей и не вытаскивала орков из транспортных клеток. Только попробуй, тебя отшвырнут как детскую игрушку”.

Молния ударила в него бессловным убийственным ответом.

Обнаженная женщина чьи волосы и глаза были цвета пламени выглянула из окна и напряглась. “Взрывные жезлы!” прошипела она.

Глаза ее вспыхнули еще ярче, она выплыла из окна. До бедер ее фигура была человеческим, но дальше начиналось покрытое чешуей тело змеи. Она скользнула вдоль стены, выпрямилась и подняла руки сплетая заклятье.

Темная ледянящая ладонь прикоснулась к ее плечу.

Она развернулась, с молниеносной быстротой на ладонях выросли когти. “Кто —?”

“Иногда меня зовут Халастер Черный Плащ”, ответила ей стена. Лицо в капюшоне выделилось из камней присоединяясь к удерживавшей ее руке. Огненно-алые глаза встретились с темными, и через мгновение Транстра вздрогнув отвела взгляд. Рука разжала хватку, и голос Халастера был почти мягким, когда он добавил, “С ними будет все в порядке. Смотри. Просто смотри”.

Молния ударила в трактирщика, раскидав в стороны лампы и белье. Дурнан ловко отпрыгнул, перекатился на ноги, и возобновил спокойное продвижение в дюжине шагов ближе и левее от места куда он направлялся.

Посмотрев наверх, сквозь дымящиеся тряпки и качающиеся веревки, он заметил. “А, так ты поджариваешь каждого раба кто говорит что-то, что тебе не по вкусу? Что же, еще одна причина почему я не слышал о твоей блестящей карьере работорговца”.

Молния хлестнула вновь. Молодая аристократка завизжала, “Не смей издеваться надо мной, трактирщик! Мой хозяин убил бы тебя — всех вас — если бы не эта — эта змеюка! Тебе очень повезло, что ты жив и можешь сейчас тут умничать!”

“Тебе стоит попрактиковаться с этой игрушкой”, проворчал Мирт направив толстый палец в ее сторону, “если у тебя есть желание когда-нибудь в кого-нибудь ей попасть”.

У его плеча фыркнула Аспер. “Ты служила… бехолдеру?” спросила он громко.

Они подошли уже достаточно близко чтобы видеть как тонкие губы Нитикс Тандерстафф вытягиваются в линию. Она уставилась на них, бледная и дрожащая от ярости и ответила, “Да. С Ксазуном у меня была сила и власть. Великие лорды наливали мне лучшие вина надеясь получить нужных им рабов. Вы разрушили это, вы трое, и за это дорого заплатите. Клянусь!”

“Слышал я о женихах, которые не нравятся отцам”, буркнул Мирт, “но как же ты, девочка, могла оказаться настолько глупой?”

“Глупой??” взвизгнула Нитикс, выбрасывая жезлы в руках почти вертикально вниз, на их поднятые лица. “Глупой? Кто здесь дурак, Старый Волк?” Она задействовала оба взрывных жезла.

Аспер неслышно бормотала что-то — и в этот момент мост развалился, когда оставленная на нем взрывная звездочка послушно отозвалась на приказ.

“Ты, если позволяешь нам подойти вплотную, хотя могла бы поджарить нас”, заметил Мирт. Аристократка беспомошно полетела вниз, на мостовую у их ног. Бесполезные молнии

обожгли здания по обоим сторонам дороги, но замедлить ее смертельное падение они не могли.

Или — почти смертельное. Когда ей оставалось лететь считанные футы, Дурнан метнулся вперед, высоко подпрыгнул ей навстречу и мягко поймал, упав на согнутые ноги погасившие силу удара.

На мгновение Нитикс ошеломленно уставилась на него. Лицо ее исказилось, она подняла единственный жезл который удержала в руках, целясь ему в лицо. Трактирщик, однако, спокойно приложился кулаком к ее челюсти, оставив ее без сознания.

Дурнан посмотрел как медленно выпал из ее руки мерцающий жезл. Когда он стукнулся о камни, ногой отбросил его Аспер, посмотрел на миг в лишенное выражения лицо женщины у него на руках, и забросил ее на плечо, готовясь нести ее домой, к ее отцу в Уотердипе. Только вот что ему говорить Лорду Тандерстаффу?

Взгляд его привлекли рубины, длинные роскошные сережки танцевавшие напротив его груди. Дурнан посмотрел на них, покачал головой и устало сказал, “Стар я становлюсь для всего этого. Что за день!”

Мирт пожал плечами, обняв одной рукой Аспер. “Да? Что ты сказал? По мне, так довольно тихий день выдался в Скуллпорте!”

Слова едва слетели с его губ, когда фасад близлежащего здания изчез в реве и пламени, разбросав осколки и обрушив еще один подвесной мост. Разрушительные пальцы бледно-голубого огня вырвались из клубящегося дыма горящего строения, еще прежде, чем камни его стены закончили падение. На этих огненных пальцах извивались два тела.

Три лорда Ватердипа наблюдали как двое безуспешно борются с магией. Это были женщины, немалого возраста и куда более роскошные чем Аспер или Нитикс — их красоту не могли скрыть обрывки дымящейся одежды. Они пролетели мимо трех лордов, сделали резкий поворот перед входом в лавку мясника и понеслись дальше по аллее, движимые беснующейся магией, пленившей их.

Лорды повернулись, вовремя чтобы увилеть как за одной из стен, на полпути по аллее, вздымается черное пламя. Танцующая тень, без горючего и тепла, она казалось не изчезала и не разгоралась, а просто длилась.

* * * * *

Из-за укрывающей вуали, Транстра видела, как из мостовой

за ногами Мирта поднимается призрачная рука, прямо возле забытого взрывного жезла — который так и остался жалко искриться на камнях — и втягивает его в камни. Почти сразу, рука появилась рядом с ней, протягивая ей жезл.

“Видишь? Терпение приносит награды”, прошептал Халастер. Ламия изумленно посмотрела на него, потом на жезл, и медленно протянула к нему руку. Маг улыбнулся. “Никакой ловушки; он твой”.

Транстра оглядела его, выражение ее было непроницаемо. “Почему ты отдаешь мне это?”

Глаза, черные как беззвездная ночь, ответили ей прямым взглядом. “У меня мало друзей, леди, и я хотел бы обрести нового — как вы своего торговца”.

Транстра посмотрела на двух волшебниц, всхлипывавших под воздействием незнакомой магии, которая несла их по аллее, глубоко взохнула, вновь оглянулась на Халастера, и протянула вторую руку.

“И я тоже не против”, уверенно сказала она, и ответившая ей улыбка была как волна теплого пряного вина.

Маг ответил, “Тогда доверься мне, и пойдем”.

Холодные черные пальцы опустились на нее, и повели в направлении стены, к леденящему объятию камня. Транстра сглотнула, закрыла глаза, и твердо держалась за ведшие ее пальцы, которые в молчании увели ее далеко от аллеи.

* * * * *

Черное пламя с одной стороны аллеи неожиданно мгновенно изчезло, будто и не было его никогда, обнажив грязную каменную стену, с единственным темным открытым окном. Две сопротивляющиеся волшебницы вылетели туда, изяшные тела задергались, удлинились — и стали зелеными и покрытыми бородавками.

“Тролли?” нахмурившись спросила Аспер.

Два ее спутника кивнули.

Насильственно измененные женщины пролетели сквозь развалины в темноту, трепеща в магической хватке.

Спустя миг, в дальнем углу пещеры куда они улетели, раскрылось два гигантских зрачка, и громыхающий голос проревел, “Кто смеет —?”

Последовавший грохот сотряс всю гигантскую пещеру, возвещая о пробуждении огромного существа. Что-то большее чем несколько строений поднялось на дальнем конце развалин.

Черный дракон приподнялся, оказавшись выше крыш Скуллпорта, чтобы разглядеть аллею. Аспер прошептала что-то над нетерильским жезлом, и голубовато-золотой огонь окружил ее ладонь. “Дотроньтесь до меня, оба”, приказала она, “И подведите ладонь этой не-особо-благородной леди к моей”.

Дурнан прикоснулся безжизненной ладонью Нитикс к руке Аспер, та что-то шепнула, и жезл начал звенеть и пульсировать, становясь все ярче с каждой вспышкой.

“Что ты делаешь, девочка?” спросил Мирт.

“Использую эту штуку чтобы зарядить тот камень переноса что ты мне дал, и убраться назад в Особняк Мирта”, ответила она. Пока она говорила, знакомый голубоватый туман телепортации начал подниматься вокруг них. Аспер улыбнулась и повернула голову к Дурнану. “Должна согласиться с моим лордом”, весело сказала она. “Действительно, тихий денек”.

“Пусть их будет еще много”, выдохнул Дурнан свое сокровенное желание.

Приближавшийся дракон заставил мостовую содрогаться под их ногмаи.

Туман сомкнулся над ними, возвращая их в место, где есть камин и теплая ванна, есть вино… и нет драконов. Чего еще желать отошедшему от дел путешественнику?

Для тех, кто хочет узнать актеров и безуспешно искал программу, возрадуйтесь — и внимайте! Храбрые участники вышеописанных событий:

АЛДОН: сильнейший, и самый тупой из трио воров-людей, величающих себя Маски Беспорядка. Алдон сотоварищи владеет полным контролем над примерно шестью ярдами двух аллей Скуллпорта.

АСПЕР: когда-то воспитанница Мирта Ростовщика, который спас ее ребенком в развалинах горящего города, Аспер стала его возлюбленной, соратником и (весьма часто) спасительницей. Смертоносная и любящая акробатические номера в бою, она была мозговым центром знаменитого отряда известного как Четверо — и теперь она мозговой центр Лордов Уотердипа. Мирт любит ее больше жизни — и несколько десятков городских стражников мечтают о ее поцелуях… тщетно, само собой.

ДУРНАН: Этот лаконичный, невозмутимый, со следами многих путешествий на лице человек хорошо известен в Уотердипе как хозяин Зевающего Портала, знаменитой таверны, где находится вход в гигантские глубокие лабиринты Подгорья. Бесстрашие Дурнана и умение обращатся с воинственными посетителями обращают на него восхищенные взоры молодых

леди. Однако немногие знают, что этот рослый философ был когда-то воином, чей клинок открывал солнечному свету больше внутренностей всяческих монстров Фаэруна, чем несколько дюжин известных отрядов искателей приключений вместе взятых. Бывший член Четверки, Дурнан в настоящее время один из наиболее практичных и широко уважаемых людей города — и, по секрету, один из наиболее способных Лордов Уотердипа.

ЭЛЬМИНСТЕР: Известен как "Старый Маг" для большинства, и Мудрец из Шедоудейла для склонных к формальностям, этот седой хитрец, обладатель впечатляющей бороды, не нуждается в представлениях для Фаэрунцев. Один из Избранных Мистры, архимаг могущественный достаточно, чтобы заставить трепетать больше чем один мир — и он неплохо заплатил мне за эти слова, кстати.

ХАЛАСТЕР ЧЕРНЫЙ ПЛАЩ: Легендарный злодей Уотердипа, "Сумасшедший Маг", скрытная фигура которой пугают детей, чтобы они себя хорошо вели. Некоторых из них десятилетиями мучают кошмары о жутком Лорде Подгорья, чей взгляд убивает, кто рыщет в темных подземельях под городом, с мастерством безумца творит заклинания разрывая на кусочки бехолдеров, сражая драконов… и посылая букеты цветов наверх, изумленным молодым леди Уотердипа на пикники.

ХЕРЛ: "Лучший клинок" Патруля Черного Сокола городской стражи Уотердипа, Херл — высокий и обходительный человек со сверкающими глазами, великолепно работающий как мечом, так и языком. Спросите любую благородную даму Уотердипа к которой его назначали в сопровождение — только когда ее мужа поблизости не окажется.

ИЛБАРТ: Главный стратег Масок Беспорядка, с хорошо подвешенным языком и задатками лидера. Илбарт принадлежит к классу симпатичных разбойников, он почти столь же красив как сам думает, знает людей почти так же хорошо как он считает, и если ему будет сопутствовать большая удача, не угодит в могилу еще год или два. Хотя ставить на это не стоило бы.

ИРАЭГЛИ: Этот иллитид (пожиратель мозгов, из той самой лиловокожей щупальцегубой расы, что обожает высасывать мозги людей, у которых они вообще есть) мог бы продолжать свою карьеру манипулирования и запутанных интриг, если бы у него было поменьше самоуверенности и побольше способности к предвидению — недостатки, боюсь, свойственные многим магам и искателям приключений человеческого рода.

Лаэраль Арунсун Сильверхэнд: Леди Маг Уотердипа, супруга знаменитого Кхельбена "Черного Посоха"Арунсуна (Лорда Мага Уотердипа), который спас ее от проклятого

артефакта известного как Корона Рогов. Лаэраль — одна из Избранных Мистры, и одна из Семи Сестер за которыми наблюдает Эльминстер. Ее позиция — представитель Лордов Уотердипа в Скуллпорте (нередко под чужим обликом), раньше она была лидером группы Девятерых. Ее изящество и красота превзойдены только ее магическим мастерством.

МИРТ: Сказать что Мирт Ростовщик весит больше лошади было бы несправедливо. Может, пони… Проницательный и саркастичный старый разбойник любим всеми, кто не должен ему денег. Его иногда зовут "Пыхтящим Воителем" те, кто слишком молод чтобы помнить дни Мирта Безжалостного, наемного генерала которого боялись от Калимпорта до Мирабара. Позднее он был Старым Волком — хитрейшим из всех пиратских капитанов, когда-либо грабивших Побережье Меча. В настоящее время ему приходится удовольствоваться постом старшего Харпера, не самого секретного Лорда Уотердипа и суетливого критика новейших таверн и прочих увеселительных заведений города.

НИТИКС ТАНДЕРСТАФФ: Одна из молодых, симпатичных и беспощадных молодых аристократок которыми кишит Уотердип, Нитикс — дочь Анадула Тандерстаффа, старого друга Дурнана, брата Баэрома, главы Дома Тандерстафф. Нитикс нравится вкус опасности и жестокие развлечения, ей хочется чувствовать себя значащей и могучей. Однажды она вполне может оказаться во главе города… если перед этим ее не затопчет толпа молодых красоток примерно таких же вкусов и способностей. Если сможете, понаблюдайте за ней из укрытия, бесплатное развлечение гарантировано.

Шандрил Шессаир: за этой юной девушкой гоняется пол-Фаэруна (самая злобная и пользующаяся магией половина), поскольку ей досталась редкая и могущественная способность призывать магическое пламя, с которой она возможно когда-нибудь сможет изменить весь мир … конечно, если переживет почти ежедневные нападения тех, кто хочет завладеть ее пламенем.

ТОРТАН: Человек, раб Леди Транстры. Тортан поклоняется своей госпоже почти столь же сильно, как и боится ее. Судьба его по настоящее время печальна, но далека еще от завершения. "Происхождение Тортана многих удивит, когда оно наконец раскроется" (во всяком случае, так сказал Эльминстер — я полагаю, что в этот момент он был слегка опрометчив).

ТРАНСТРА: Жестокая и мудрая ламия, работорговка довольно высокого статуса в Скуллпорте, "Леди" Транстра иногда ведет дела с Миртом… и со многими куда менее приятными

созданиями, которые по счастью не появились в этой истории.

УЛИССС: Бехир, раб Транстры, Улисс принадлежит к расе змееподобных хищных рептилий со множеством ног, которые могут плеваться молнией и пожирать множество нежелательных встречных воинов и путешественников. Ненависть и любовь к Транстре борются в Улисссе; оба они знают, что однажды ненависть победит… вылившись в предательство, к которому, как боится Улисс, Транстра вполне готова.

ВОНДАРРА: С этой молодой колдуньей мы встречаемся лишь на мгновение, на ее беспомощном полете вдоль аллеи в Скуллпорте к нежеланной встрече с Валхариндалотом. Заклинание, отправившее ее туда, и тот, кто сотворил его — эти секреты будут раскрыты позже и в другом месте… как и судьба Вондарры.

ВАЛХАРИНДАЛОТ: Гигантский древний черный дракон, Валхариндалот мирно спит в стене пещеры в том уголке Скуллпорта что мы посетили… точнее, мирно спал, до последних строк этой истории. Как сюда попал Валхариндалот, и что он теперь будет делать в ярости своего пробуждения, эти проблемы будут обсуждены позднее — и с безопасной дистанции. Предлагаю дальнюю сторону Селуне, через столетие.

КСАЗУН: Вот этому бехолдеру (глазу-тирану) стоило бы дважды подумать, но ему так надоело скрываться, что он попытался подставить несколько доппельгангеров (под своим мысленным контролем) вместо Дурнана и еще некоторых важных граждан Уотердипа, чтобы сделаться фактическим правителем города. Можно кладбища наполнить теми кто жаждал этой позиции… хотя Ксазун и смотрел за делами более острыми глазами чем большинство из них.

ИЛОЭБР: Иллитид (пожиратель мозгов) и соратник по интриге Ираэгли, Илоэбр разделил печальную судьбу своего партнера. Возможно, у Илоэбра еще есть шанс на карьеру в будущем — но, зная Халастера, маловероятно.

ЗАРИССА: Вторая, и еще более привлекательная колдунья, которая предстает перед нами беспомощно кувыркающейся в воздухе той аллеи в Скуллпорте, летящая вопреки своей воле дабы разбудить черного дракона. Возможно, мы еще узнаем о заклинании, пленившем ее и Вондарру, его творце и судьбе Зариссы в другой истории. А может и нет.

ОБРЯД КРОВИ — Элейн Каннингем

Глава 1. Путешествие во тьме

В землях Торила есть немало могущественных личностей, чьи имена редко можно услышать, и о чьих делах говорят приглушенным шепотом. К числу таких принадлежат и Сумрачные Торговцы, коалиция предпринимателей, ведущих торговлю с таинственными обитателями Подземья.

Как говорят, всего их шестеро, и все они отличаются умом и бесстрашием, и амбиции их куда больше их совести. Членство в этой тайной группе добыть нелегко, для этого надо пройти долгий и трудный путь, под наблюдением не только членов картеля, но и сил Нижнего Мира. Те, кто смог пережить инициацию, получали редкое окно в таинственные земли: право попасть в подземный торговый город, называющийся Мантол-Дерит.

Его гигантская пещера, примерно в трех милях под поверхностью, защищена магией сильнее чем крепость любого чародея. Секретность — первая линия обороны города: даже в Подземье немногие знали о существовании этого рынка. Точное местоположение было известно единицам. Даже те торговцы, кто вели там дела регулярно, затруднились бы указать местоположение пещеры на карте. Пути, ведущие в Мантол-Дерит столь запутаны, что даже дуэргары или глубинные гномы не могут использовать свое чувство направления. Между рынком и близлежащими поселениями лежит лабиринт тоннелей, в которых обитает множество различных живых и неживых опасностей — монстры, секретные двери, телепорты и магические ловушки.

Никто не мог “наткнуться” на Мантол-Дерит: либо торговец досконально знал маршрут, либо погибал по дороге.

Так же защищен был рынок и от магического обнаружения. Странное излучение Подземья было очень сильно в толще камня, окружавшего пещеру. Никакой магический проб не смог бы пройти — он либо рассеивался, либо возвращался к пославшему его, иногда опасно измененным. Так что любые попытки магически исследовать тайны Мантол-Дерита были обречены закончиться либо разочарованием, либо трагедией.

Даже для дроу, неоспориемых владык Подземья, доступ к рынку был нелегким. В ближайшем поселении темных эльфов, знаменитом Мензоберранзане, не более восьми торговых компаний единовременно знали секретные тропы. Это знание было ключом к неимоверному богатству и власти, обладание им было отметкой высшего статуса для представителей торгового

класса. Естественно, за него боролись яростно, сложнейшими интригами и кровавыми боями оружия и магии, что вероятно заслужило бы одобрительные кивки правящих матрон города — если бы жрицы Лолт обращали внимания на дела простолюдинов.

Очень немногие из женщин, правящих Мензоберранзаном — в основном, матроны-матери, поддерживавшие союз с той или иной торговой группой — сколь либо интересовались миром за границами пещеры их города. Дроу были склонны к самоизоляции: абсолютно убежденные в превосходстве своей расы, фанатично поклоняющиеся Лолт, полностью вовлеченные в борьбу и интриги, на которые толкала их Леди Хаоса.

Статус — это все, борьба за власть поглощала все силы. Только в исключительных случаях подземные эльфы могли ненадолго отвлечся от этого. Но Ксандру Шобалар, третью дочь благородного дома, сейчас вела самая могучая эмоция, известная дроу: ненависть и жажда мести.

Члены Дома Шобалар были отшельниками, даже по параноидальным стандартам Мензоберранзана, их редко видели вне родовой крепости. Однако сейчас Ксандра оказалась куда дальше от дома, чем когда-либо намеревалась быть. Путешествие в Мантол-Дерит было долгим — полуночный час Нарбондели наступит и пройдет возможно сотню раз с начала ее пути, прежде чем она вернется в стены Дома Шобалар.

Большинство женщин благородных семей не осмеливались покидать свои места на такой срок, из боязни что вернувшись они обнаружат, что их позицию занял кто-то другой. Ксандра об этом не беспокоилась. У нее было десять сестер, и пять из них, как и Ксандра, числились среди редких в Мензоберранзане женщин-магов. Но никто из них не хотел ее работы.

Ксандра была Госпожой Магии, и обязанностью ее было обучать волшебству юных представителей рода Шобалар, и некоторых других магически одаренных молодых дроу. Конечно, работа была очень ответственной, но славы куда больше можно получить накапливая собственную магическую силу, проводя эксперименты порождавшие новые чудеса магии. Если вдруг одна из волшебниц Шобалар попытается занять позицию инструктора, могущественная Ксандра ее само собой убьет — но только потому, что так полагается. Ни одна женщина дроу не отдаст другой свою собственность, даже если ей самой она не слишком нужна.

Ксандре Шобалар ее работа могла не особо нравиться, но она была мастером своего дела. Маги Шобалар считались среди самых изобретательных в Мензоберранзане, и все ее ученики получали достойное образование.

Среди таковых числились дети — как девочки так мальчики — Дома Шобалар, несколько вторых и третьих сыновей других домов, принятых Ксандрой на обучение, и группа мальчиков — сыновей простолюдинов, которых она купила, украла, или приняла в семью — этот вариант обычно сопровождался своевременной смертью всей семьи, оставлявшей одаренного ребенка сиротой.

Как бы они не попадали в Дом Шобалар, студенты Ксандры постоянно занимали высшие места в ежегодных соревнованиях, поддерживавших дух соперничества в юных дроу. Такие победы открывали двери в Сорцере, школу магии Академии Тир Бреч. До сих пор каждый тренированный у Шобалар при желании получал допуск в Академию, и большинство становились мастерами Искусства. Даже те ученики, кто обучался лишь основам магии, а в дальнейшем становились жрицами или воинами считались опасными противниками в магическом поединке.

Поддерживать подобную высокую планку было делом гордости, а этого у Ксандры Шобалар хватало.

Однако именно эта превосходная репутация была причиной проблемы, отправившей Ксандру в далекий Мантол-Дерит.

Почти десять лет назад у Ксандры появилась новая ученица, девочка обещавшая стать волшебницей огромной мощи. Сперва Госпожа Магии была счастлива, видя ее как возможность вознести свой престиж до невиданных ранее высот. Ведь ей доверили магическое образование Лириэль Баэнре, единственной дочери, и наследницы Громфа Баэнре, могущественного архимага Мензоберранзана! Если дитя окажется действительно одаренным — а это было почти определенно так, с чего бы еще могучему Громфу тратить свое время на ребенка, родившегося от такой безмозглой красотки как Сосдриэль Вэндри? — то, вполне возможно, юная Лириэль в свое время унаследует титул своего отца.

И какой же будет ее известность, предвкушала Ксандра, если она окажется учительницей следующего архимага Мензоберранзана! Первой женщины, занявшей эту высокую позицию!

Ее первоначальную радость слегка притушило настояние Громфа держать их договор в секрете. Это было реально, учитывая скрытность клана Шобалар, но так тяжело для Ксандры, не иметь возможности похвастаться новой ученицей, повысить статус своего Дома расположением самих Баэнре.

Все же, Госпожа Магии предугадывала время когда маленькая девочка вступит в соревнование начинающих магов — и выиграет его! — и довольная проводила время в раздумьях о грядущей

славе.

С самого начала Лириэль превзошла все надежды Ксандры. По традициям, обучение магии начиналось когда дети входили в Десятилетие Ашарлекстен — период между детством и половой зрелостью. В эти годы, обычно начинавшиеся примерно в пятнадцать лет и заканчивавшие с наступлением зрелости или двадцать пятого года — что раньше — дети дроу наконец становились достаточно сильными физически чтобы использовать силы чародейской магии, и обучались читать и писать на сложном языке дроу.

Лириэль пришла к Ксандре в возрасте пяти лет, практически только выйдя из младенчества.

Хотя большинство темных эльфов получали возможность использовать присущие всем дроу магические способности куда позже, Лириэль уже отменно владела этой магией, и более того, могла читать руны дроу. Что еще важнее, она обладала огромным врожденным даром, позволявшим превратить владеющего простым волшебством дроу в настоящего мага. За исключительно короткое время маленькая девочка научилась читать простейшие заклинания, воспроизводить магические знаки, и даже впечатывать в память довольно сложные заклинания. Ксандра была в экстазе. Лириэль мгновенно стала ее гордостью, ее привилегированной — почти любимой — приемной дочерью.

И в этом статусе оставалась почти пять лет. В этом возрасте девочка начала обходить студентов Шобалар достигших возраста Ашарлекстен. Ксандра начала беспокоится. Когда Лириэль превзошла куда более старшую Битнару, собственную дочь Ксандры, та почувствовала недовольство. Когда девчонка Баэнре овладела заклинаниями, способными поспорить с возможностями некоторых магов Шобалар, недовольство Ксандры превратилась в холодную ревнивую ненависть которую женщины дроу испытывали к своим соперницам. Когда юная Лириэль достигла своего полного роста, и начало подтверждаться детское обещание ее необыкновенной красоты, в Ксандре вскипела глубокая и очень личная зависть. А когда растущий интерес маленькой дряни к мужчинам — солдатам и слугам Дома Шобалар со всей очевидностью указал что она входит в Ашарлекстен, Ксандра нашла возможность для драматичного — и окончательного — завершения образования Лириэль.

Для взаимоотношений между дроу такая последовательность довольно типична, необычным здесь была лишь сила неприязни Ксандры, и то, скольким она готова была пожертвовать чтобы удовлетворить свою бешенную ненависть к слишком талантливой дочери Громфа Баэнре.

Вот эти-то события и привели Ксандру на улицы Мантол-Дерита.

Несмотря на неотложность своего дела, волшебница вынуждена была прервать свой путь, отдавая дань восхищения открывшемуся ей виду. Ксандра никогда раньше не покидала пещеры Мензоберранзана, а странный экзотический рынок был мало похож на ее родной город.

Мантол-Дерит расположился в гигантском природном гроте, промытом тысячелетия назад беспокойными водами, и поныне продолжавшими свою работу. Ксандре привычна была черная гладь озера Донигартен, и глубокие колодцы, тщательно охраняемые сокровища каждой крепости благородных Домов.

Здесь, в Мантол-Дерите вода была живущей силой. Даже звуки пещеры в основном создавались бегом воды: водопады на стенах грота, фонтаны мягко игравшие в маленьких бассейнах, которые казалось были повсюду вокруг, ручейки текли по пещере.

Не считая плеска и бульканья, эхом отражавшихся от стен, город-рынок был необычно тих. Мантол-Дерит не был шумным базаром, это было место для тайных сделок, тонких переговоров.

Народу здесь было немного. На взгляд Ксандры, около двух сотен во всей пещере. Мягкий шорох голосов и случайное щелкание башмаков на обрамленных драгоценными камнями тротуарах не соотвествовали даже такому небольшому числу обитателей.

Света было куда больше чем звука. Несколько тусклых ламп хватало чтобы заставить всю пещеру искриться, потому что стены ее были выложены разноцветными кристаллами и драгоценностями. Все строения тоже были яркими: стены вокруг фонтанов были чудесными мозаиками, выложенными из полудрагоценных камней, мостки пересекавшие поток были вырезаны — а может и выращены — из кристаллов, драгоценности украшали и тропинки. Сейчас например туфельки Ксандры шуршали по дорожке из бриллиантово-зеленого малахита. Даже дроу, привыкшая к роскоши Мензоберранзана, шла по такому богатству с некоторой нервозностью.

По крайней мере воздух здесь был привычен подземному эльфу. Влажный и тяжелый, наполненный ароматами грибов. Заросли гигантских грибов обрамляли центр рынка. Под гигантскими шляпками торговцы устанавливали небольшие прилавки, предлагая самые разные товары. Парфюмерия, ароматное дерево, специи, экзотические, ароматные фрукты — которые вошли в моду у богатых жителей Подземья — добавляли пикантные ароматы к сырому воздуху.

Для Ксандры самым странным на рынке был мир, царивший

между представителями различных воюющих между собой рас, которые вели здесь свои дела. У прилавков и на улицах мимо друг друга спокойно проходили глубинные гномы — свирфнебли; другие обитатели глубин — раздражительные и опасные дуергары; несколько очень подозрительно выглядящих торговцев с поверхности; и, конечно же, дроу. В четырех углах грота были выкопаны дополнительные пещеры, представлявшие хранилища и раздельное жилье для четырех основных групп: свирфнебли, дроу, дуэргаров и жителей поверхности. Ксандра направилась к пещере представителей Верхнего Мира.

Шум воды становился все сильнее по мере приближения Ксандры к цели, поскольку угол рынка, на котором продавались товары из Земель Света, находился около самого большого водопада. Воздух здесь был особенно сырым, прилавки и столы закрыты покрывалами, чтобы обезопасить их от вездесущего тумана.

Влага скапливалась на скалистом полу грота, заставляла сыреть одежду и шерсть, носимую скопившимися здесь жителями поверхностями — пестрым сборищем орков, огров, людей, и всяческими комбинациями таковых.

С гримасой отвращения Ксандра подтянула плащ, чтобы он закрыл нижнюю половину лица, защитив ее от зловония. Она огляделась, ища в копошащейся пахучей толпе того, кто отвечал бы данному ей описанию.

Похоже, разыскать среди такой публики женщину дроу куда легче, чем выделить нужного человека; из глубины длинного тента раздался низкий, мелодичный голос, вежливо позвавший волшебницу, правильно назвав ее имя и титул. Ксандра обернулась на звук, удивленная, что в таком грязном окружении можно услышать голос дроу.

Но маленькая сутулая фигура, ковылявшая к ней, принадлежала человеку.

Мужчина был стар по меркам людей, с белыми волосами, темным морщинистым лицом и медленной, заплетающейся походкой. Годы оставили на нем следы — шагал он опираясь на палку, левый глаз закрывала повязка. Однако все это не убавило его гордости, и не мешало его успеху; он демонстрировал достаточно свидетельств и того и другого.

Палка была сделана из дорогого дерева, и украшена драгоценными камнями и позолотой. На серебристой тунике тонкого шелка он носил плащ, покрытый золотой вышивкой и скрепленный на шее бриллиантовой заколкой. Камни размером с яйца ручных ящериц сверкали на его пальцах и горле. Улыбка его была вежливой и уверенной — мужчины, добившегося многого, и

довольного собой.

“Хадрог Прол?” уточнила Ксандра.

Торговец поклонился. “К вашим услугам, госпожа Шобалар”, сказал он на беглом языке дроу, но с сильным акцентом.

“Ты знаешь кто я. Значит, должен знать что мне нужно.”

“Конечно, госпожа, и я буду счастлив помочь вам во всем. Присутствие столь благородной леди делает честь этому заведению. Прошу вас, пройдите внутрь”, сказал он, отодвигаясь, чтобы она могла войти в павильон.

Слова Хадрога были правильны, манера вежлива почти до заискивания — что, естественно, было самым верным подходом когда ведешь дело с высокородными дроу. И все таки что-то в нем показалось Ксандре странным. По виду он казался спокоен — дружелюбен, расслаблен почти до невнимательности. Другими словами, наивный дурак. Как мог такой человек выжить так долго в тоннелях Подземья, для волшебницы было загадкой. В дополнение ко всему, она заметила что Хадрог, в отличии от большинства людей, не нуждается в жгучем свете факелов и ламп.

В его тенте царила приятная темнота, но похоже трудностей ему это не доставляло, несмотря на лабиринт ящиков и столов, содержавших его товары.

Любопытствуя, Ксандра прошептала слова простейшего заклинания, которое могло бы прояснить природу торговца и магии которую он мог использовать. Она была не слишком удивлена, когда ищущая магия отразилась от торговца; либо он использовал какой-то способ защититься от подобных заклинаний, либо обладал врожденной способностью сопротивляться магии, почти не уступая в этом ей самой.

У Ксандры были подозрения о происхождении торговца, подозрения слишком необыкновенные, чтобы высказывать их вслух, но она не сомневалась что этот “человек” вполне привычен к Подземью, и более чем способен постоять за себя, несмотря на кажущуюся хрупкость и старость.

Торговец полу-дроу — подозрения Ксандры действительно соответствовали истине, — казалось, не заметил действий женщины. Он провел ее вглубь павильона, где стоял ряд больших клеток, каждая с единственным обитателем. Хадрог махнул рукой в их сторону, и отошел, давая возможность Ксандре осмотреть товар.

Колдунья медленно пошла вдоль ряда клеток, разглядывая странных существ, предназначенных для продажи в рабство. Рабов в Подземье было более чем достаточно, но постоянно беспокоящиеся о своем статусе темные эльфы всегда с

готовностью приобретали новых, чем более удивительных — тем лучше, а рабы из Земель Света ценились особо. Женщины халфлингов ценились как личная прислуга за их умелые руки, и способность превратить прическу в сложное произведение искусства. Горные дварфы, обладавшие большим мастерством в работе с оружием и драгоценностями чем их родичи-дуэргары, считались трудноуправляемыми, но более чем оправдывающими трудности содержания. Люди были полезны для различных простых занятий, к тому же они могли обладать знанием заклинаний и зелий, неизвестных Внизу. Популярны были и экзотические звери. Дроу склонные к оригинальности держали их как ручных, или демонстрировали в маленьких частных коллекциях. Некоторые животные попадали на арену Многолюдного района Мензоберранзана. Там те дроу, кто предпочитал наблюдать за убийством чем убивать самим, собирались и делали ставки, а опасные животные дрались друг с другом, рабами разных рас, и даже дроу — солдатами, жаждущими доказать свое воинское мастерство, или наемниками, гонявшимися за монетами и мимолетной славой, которая была наградой выжившему.

Хадрог обладал рабами и животными почти на любой вкус. Ксандра удовлетворенно кивнула, оглядывая коллекцию; ей не зря указали на этого торговца полукровку.

“Мне не сообщили, госпожа, какой раб вам требуется. Если вы опишете ваши пожелания, возможно я смогу помочь в поисках”, предложил Хадрог.

Странный свет зажегся в алых глазах волшебницы. “Не рабы”, поправила она. “Добыча”.

“Ах, вот как” Торговец не был удивлен. “Ритуал Первой Крови, я правильно понял?”

Ксандра рассеянно кивнула. В ритуале Первой Крови, ознаменовавшем взросление, юные дроу должны были охотится и убить разумное или опасное существо, желательно из Земель Света. Рейды на поверхность были одним из способов выполнения ритуала, но вполне обычным было и проводить его в лабиринтах дикого Подземья, если удавалось заполучить подходящих пленников. Но сейчас выбор ритуальной добычи был особенно важен, и Ксандра со всей тщательностью приступила к рассмотрению предлагаемых вариантов.

Ее алые глаза надолго задержались на съежившейся фигурке ребенка, бледнокожего, золотоволосого эльфа. В своей ненависти дроу уделяли особое место для родичей с поверхности. Фейери, как еще звали эльфов Земель Света, были самыми частыми мишенями ритуалов Первой Крови, когда те проводились в форме

рейдов, но редко на них охотились Внизу. Плененные фейери могли пожелать умереть, и большинство так и поступало, прежде чем их могли доставить в темные пещеры.

Соответственно, раздобыть такую редкую жертву для ритуальной охоты было бы почетно.

Ксандра с сожалением покачала головой.

Хотя мальчик был достаточно взрослым, чтобы обеспечить спортивный интерес — пожалуй, одного возраста с дроу которая должна была охотиться на него — остекленевшие, застывшие от ужаса глаза говорили об обратном.

Юный эльф, казалось, не обращал никакого внимания на окружающее, взгляд его был сосредоточен в наполненном кошмарами мире его воображения. Да, мальчик дорого стоил, многие дроу заплатили бы немалую цену за удовольствие уничтожить даже столь жалкого эльфа. Но Ксандре нужна была куда более опасная жертва.

В следующей клетке находился великолепный зверь, напоминавший кошку, с рыжеватой шерстью и крыльями как у летучей мыши. Существо мерило клетку шагами, хвост его — длинный, гибкий, усеянный прочными шипами — яростно метался, звеня о решетку. Уродливое лицо, напоминавшее человеческое, было искажено яростью, и глаза его буравили Ксандру взглядом полным голода и ненависти.

О, это уже неплохо! Не желая казаться слишком заинтересованной — что, конечно же, добавило бы немало золота к запрошенной цене — Ксандра повернулась к торговцу, подняв бровь в скептически вопрошающей дуге.

“Это мантикора. Опасный монстр”, угодливо объяснил Хадрог. “Обожает человеческое мясо — хотя, полагаю, с удовольствием отобедает и дроу, если таково ваше желание! То есть”, мгновенно добавил он, “я хотел сказать, что хищная природа зверя добавит интереса охоте. Мантикора сама охотник, и достойный противник!”

Ксандра внимательно оглядела тварь, с одобрением отметив клыки и когти. “Разумна?”

“Хитра и коварна, во всяком случае”.

“Но способна ли она к рассчитанным действиям, и противодействию замыслам противника?” настаивала колдунья. “Молодая волшебница, которая должна пройти ритуал, очень сильна; мне нужна добыча, которая заставит ее полностью продемонстрировать свои возможности”.

Торговец развел руками. “Сила и голод тоже могучее оружие. А этого у мантикоры достаточно”.

“Раз ты промолчал об этом, я так полагаю собственной магии

у нее нет”, заметила дроу. “Есть ли у нее по крайней мере способность сопротивляться вражеской магии?”

“Увы, нет. Такая власть, великая леди, по праву принадлежит дроу. Трудно найти подобные возможности у низших существ”, тон торговца был точно рассчитан, чтобы польстить и успокоить собеседницу.

Ксандра фыркнула и повернулась к следующей клетке, где огромное животное в белой шерсти обгрызало ляжку рота.

Эта тварь походила на куаггота — медведеподобного существа, живущего в Подземье — отличаясь заостренной головой и сильным мускусным запахом.

“Нет, боюсь йети для ваших целей тоже не подойдет”, задумчиво заметил Хадрог. “Эта юная волшебница выследит зверя даже по запаху”.

Неожиданно незакрытый глаз торговца вспыхнул, он щелкнул пальцами. “Подождите секундочку! Думаю у меня есть как раз то, что вам надо!”

Он заторопился прочь, и вскоре вернулся, ведя за собой человеческого мужчину.

Первой реакцией Ксандры было отвращение. Торговец казался достаточно хитрым и понимающим пути дроу, чтобы не предлагать такой некачественный товар. Она презрительно оглядела человека — отметив его грубую, как у дварфа, фигуру, бледную кожу бородатого лица, странные татуировки заметные сквозь тонкие волосы головы, пыльную робу ярко красного цвета, которую посчитали бы безвкусной даже дешевые мужчины по найму, работавшие в Восточном районе.

Но когда Ксандра встретилась взглядом с его глазами — зелеными и твердыми как лучший малахит — презрительная ухмылка изчезла с ее губ. Увиденное поразило ее: разум куда выше ее ожиданий, гордость, хитрость, ярость и невыразимая ненависть.

Едва позволяя себе надеяться, Ксандра отыскала взглядом его руки. Да, локти туго связаны вместе, ладони окутаны толстым коконом шелковых нитей. Наверняка и несколько пальцев переломано — такие осторожности вполне разумны, когда имеешь дело с владеющими магией в качестве пленников. Не имеет значения. Жрицы Дома Шобалар вылечат такие травмы без проблем.

“Маг”, сказала она, удерживая голос спокойно-небрежным.

“Могущественный маг”, подчеркнул торговец.

“Увидим”, прошептала Ксандра. “Развяжи его — я проверю его мастерство”.

Хадрог, к его чести, не пытался отговорить женщину.

Торговец быстро развязал руки магу, даже зажег пару маленьких свечей, позволяя тому видеть.

Одетый в красное человек болезненно разминал пальцы. Ксандра заметила, что ладони его хотя и помяты, но невредимы. Она вопросительно покосилась на торговца.

“Амулет запрета”, объяснил Хадрог, указывая на золотой ошейник, тесно сжимавший шею человека. “Это магический щит, не позволяющий магу использовать изученные и запечатленные в его памяти заклинания. Однако он может изучать и задействовать новые. Разум его невредим, как и заклинания. Как и ладони, кстати. Признаю, это дорогой метод транспортировки магически-одаренных рабов, но моя репутация требует, чтобы товар доставлялся неповрежденным”.

Редкая улыбка показалась на лице Ксандры. Она никогда не слышала о подобном, но к ее плану это подходило идеально.

Хитрость, быстрый ум, и мастерство в магии — вот что ей было нужно. Если человек пройдет эти тесты, она научит его всему, что ему понадобится. То, что позднее можно будет покопаться в его разуме, и заполучить весь запас его знаний для себя было дополнительным плюсом.

Дроу быстро достала из сумочки на поясе три маленьких вещицы, и показала их внимательно наблюдавшему человеку. Медленно, она сотворила нужные жесты и произнесла слова простого заклинания. Маленький шар темноты опустился на одну из свечей, полностью закрыв ее свет.

Ксандра протянула такой же набор компонентов для заклинания человеку. “Теперь ты”, приказала она.

Краснорабый маг понял, что от него хотят. Гордость и гнев отразились на его лице, но лишь на мгновение — соблазн неизученной магии был слишком силен. Медленно, болезненно осторожно, он повторял жесты и слова Ксандры. Вторая свеча мигнула и потемнела, пламя ее с трудом виднелась сквозь слой серого тумана, окружившего ее.

“Человек неплох”, признала волшебница Шобалар. Для любого мага было необычным достижением воспроизвести заклинание — даже не совсем удачно — без изучения магических символов. “Но произношение у него жуткое, и это сильно усложнит дело. У тебя не найдется случайно мага владеющего дроу? Или хотя-бы Общим Подземья? Такого легче было бы обучить”.

Хадрог глубоко поклонился, и поспешил прочь. Вернулся он один, но одна ладонь его была раскрыта и протянута вперед, демонстрируя Ксандре, что у него есть другое решение проблемы. Слабый свет окруженной туманом свечи сверкнул на двух

маленьких серебряных серьгах, каждая в форме полукруга.

“Для перевода речи”, объяснил торговец. “Одной прокалывают ухо, чтобы понимать, другой губу, чтобы быть понятыми. Могу я показать?”

Дождавшись кивка Ксандры, торговец поднял другую руку, и дважды щелкнул пальцами. Два охранника-полуорка заторопились к нему, схватили мага и удерживали его, пока Хадрог прокалывал крошечными металлическими иглами ухо человека и левую сторону его верхней губы. Маг немедленно выдал длинный ряд проклятий на дроу, столь сочных и изощренных, что ошеломленный Хадрог попятился.

Ксандра весело расхохоталась.

“Сколько?” потребовала она.

Торговец назвал бешенную цену, быстро заверив Ксандру, что в нее входят магический ошейник и серьги. Дроу быстро прикинула их стоимость, добавив вероятную ценность заклинаний, которые она возьмет у этого человека, и в довершение ко всему — смерть Лириэль Баэнре.

“Согласна”, с мрачным удовлетворением ответила Ксандра.

Глава 2. Тени в Багровом

Треск Муландер мерил шагами свою камеру, алое одеяние шуршало за его спиной. Нелегко было уговорить Госпожу что ему необходим яркий шелк, но он Красный Маг, и останется им, как бы далеко он не находился от Тэя.

Прошло около двух лет с момента, когда Муландер впервые встретился с Ксандрой Шобалар, и началось его странное обучение. Хотя ему не было позволено покидать комнату — большое помещение вырезанное в глухой скале, с узкими вентиляционными отверстиями высоко в потолке — обращались с ним неплохо. У него было в достатке пищи и вина, все удобства, и главное, напряженное и углубленное изучение магии Подземья. За такую возможность многие его знакомые ухватились бы обеими руками, и, по правде сказать, Треск не слишком сожалел о своей судьбе.

Красный Маг был некромантом, и могущественным представителем фракции Исследователей — группы чародеев, предпочитавших оставить границы Тэя как они есть, и жаждавших все более могущественной магии. Яростный приверженец принципов Исследователей, Муландер все же выделялся из рядов Красных Магов, поскольку он был одним из очень небольшого числа волшебников, не принадлежавших полностью по крови правящей расе Мулан.

Отец его отца был Рашеми, и его наследством было мускулистое тело и густые волосы на лице. От матери-волшебницы достался талант и амбиции, а так же рост и желтоватый цвет кожи, считавшиеся признаками аристократии Тэй.

Холодные глаза Муландера, напоминавшие драгоценные камни, и узкий нос изогнутый как скимитар, придавали его лицу жутковатое выражение, и хотя, подчиняясь обычаю, он выбривал череп, но густой длинной бородой, отличавшей его от почти безволосых Мулан он гордился чрезвычайно. В общем, он был впечатляющим мужчиной, легко несшим вес шестидесяти лет на гордых плечах. Тело его было сильным, разум острым, магия могуча; прошедшие годы лишь проредили его седеющие волосы, о чем он не сожалел, поскольку это упрощало бритье головы.

Госпожа Шобалар тоже облегчила ему это, предложив ему исключительно острую бритву, и слугу халфлинга для этих целей. Более того, женщина, казалось, восхищалась покрывавшими голову Муландера татуировками. Очень мудро с ее стороны: каждый рисунок был магической руной, которая, будучи

активизирована нужным заклинанием, превратит кусочки мертвой материи в страшных магических слуг. Дайте ему труп, и он создаст армию. Или точнее, сумел бы создать, если бы только мог задействовать свою некромантию!

Муландер раздраженно просунул палец под золотой ошейник, который держал в заключении его Искусство.

“В свое время, тебе будет позволено снять его”, сказал холодный голос за его спиной.

Красный Маг вздрогнул, и повернулся, оказавшись лицом к лицу с Ксандрой Шобалар. Даже после двух лет ее неожиданное появление нервировало его — как это, наверняка и задумывалось.

Но сегодня обещание в словах дроу затмило его обычную злобу.

“Когда?”

“В свое время”, повторила Ксандра. Она прошла к креслу, и удобно устроилась в нем. Два года мелочь для дроу, но она была отлично осведомлена о человеческой нетерпеливости, и намеревалась наслаждаться ею.

Столь же веселила ее и с трудом сдерживаемая ярость в глазах Красного Мага.

Ксандра развлекалась, представляя эту ярость выплескиваемую на ее ученицу Баэнре.

Столь долгожданный день приближался.

“Ты хорошо учился”, начала Госпожа. “Скоро, у тебя будет шанс проверить обретенное мастерство. В случае успеха, награда будет щедрой”.

Дроу выудила из выреза платья маленький позолоченный ключ, и высоко подняла его. Наклонив голову на бок, она послала Красному Магу холодную, дразнящую улыбку. Глаза Муландера расширились в понимании, затем сверкнули эмоцией куда сильнее жадности. Его голодный взгляд был прикован к ключу, который Ксандра медленно опустила, и вернула обратно в его потаенное хранилище.

“Вижу, ты понял что это. Хочешь ли ты узнать, что ты должен сделать чтобы заслужить его?”

Дрожь отвращения прошлась по спине Красного Мага. Он отчаянно надеялся, что просторное одеяние скрыло его инстинктивный — возможно, фатальный — ответ. Однако он тут же понял, что ошибся; улыбка Ксандры стала шире, и еще более издевательской.

“О, не в этот раз, дорогой Муландер”, промурлыкала она. “У меня есть для тебя в запасе приключение другого рода”.

Госпожа быстро описала обряд Первой Крови, ритуальную охоту, которую должен был пройти каждый молодой эльф,

прежде чем он сможет считаться настоящим дроу. Муландер слушал с нараставшей тревогой.

“Значит, я буду добычей”, сказал он ошеломленно.

Глаза Ксандры багровым пламенем отразили ее гнев. “Не будь идиотом! Ты должен победить! Я не для того пошла на такие затраты, чтобы ждать другого исхода!”

“Битва магов”, пробормотал он, начиная понимать. “Ты готовила меня к магическому поединку! И заклинания, которым ты меня обучила?”

“Представляют собой все атакующие заклинания, известные твоей юной противнице, а так же подходящую защиту от них”. Ксандра с неожиданно суровым лицом наклонилась вперед. “Ты меня больше не увидишь. У тебя будет новый учитель, еще примерно тридцать циклов Нарбондели. Боевой маг. Он будет работать с тобой ежедневно, и обучит тебя всему о тактике дроу. Возьми у него все что возможно”.

“Поскольку он уже никогда никому не даст уроков”, предположил Муландер.

Ксандра улыбнулась. “Правильно. Для человека, у тебя многообещающие способности к двойной игре! Но ты среди дроу, и тебе придется многое узнать о тонкости и предательстве”.

Маг ощетинился. “Мы в Тэе знакомы с искусством предательства! Ни один маг не дожил бы до моего возраста, тем более не достиг бы моего положения, без подобного умения!”

“Правда?” Голос дроу сочился сарказмом. “В таком случае, как же ты сюда угодил?”

Муландер смог ответить лишь гневным взглядом, но Госпожа Магии и не нуждалась в ответе. “У тебя могущественная и любопытная магия”, заметила она отдавая ему должное. “Сильнее чем я считала возможным для человека, и судя по твоей гордости, сильнее чем у большинства твоих сородичей. Как бы еще тебя смогли одолеть и продать в рабство, если не через измену?”

Не дожидаясь ответа, Ксандра поднялась с кресла. “Я предлагаю тебе следующие условия”, сказала она в неожиданно деловой манере. “Когда настанет время, тебя уведут в тоннели возле города — как часть твоей подготовки, у тебя будет карта для запомнания. Там ты встретишься с начинающей волшебницей, ты узнаешь ее по золотистым глазам. У нее будет ключ, который освободит тебя от ошейника. Тебе придется победить ее в магическом поединке — используй любые средства, но она не должна выжить!”

“Затем ты заберешь с ее тела ключ, а дальше делай что хочешь. Девчонка будет одна, и преследовать тебя не станут. Возможно, ты найдешь собственный путь в Земли Света — если

для тебя там есть еще место. Если нет, с заклинаниями, которым я тебя научила, и со своей собственной магией смерти, ты прекрасно приживешся Внизу”.

Муландер слушал, не выказывая эмоций, тщательно пряча неожиданную надежду, которую оживили в его сердце слова дроу. Все это могло быть и хитроумной ловушкой, он не собирался демонстрировать радость, чтобы повеселить эту проклятую женщину.

А может, она ожидала, что он испугается?

В этом случае, она также будет разочарована. Он не боялся. Красный Маг ни на мгновение не подвергал сомнению исход схватки, он знал полную меру своих сил, даже если Ксандра Шобалар этого не знала.

О, он более чем способен одолеть эльфийскую девчонку в магическом поединке — он убъет маленькую дрянь, и найдет себе какую-нибудь потаенную пещеру в этом подземном мире, окружив ее защитными заклинаниями и иллюзиями такими, что даже могущественные дроу не смогут его найти.

Он сделает это, поскольку волшебница права в одном — для Муландера нет надежд на теплый прием в Тэе, а в любых других землях для Красного Мага места не может быть тем более. Нашел цель и другой укол Ксандры: он действительно был предан. Предан собственным молодым учеником, как когда-то он и сам изменил своему учителю. Неожиданно, ему стало интересно, какую подлость готовит юная воспитанница Ксандры для своей учительницы.

“Ты улыбаешся", заметила дроу. “Мои условия тебе по нраву?”

“Вполне”, ответил Муландер, решив что разумнее держать свои фантазии при себе.

“Тогда позволь мне дополнить твою радость”, мягко сказала Ксандра. Подойдя к мужчине, и подняв тонкую черную ладонь она дотронулась до его челюсти. Он инстинктивно дернулся, и попытка скрыть это только развеселила дроу. Она придвинулась ближе, едва касаясь стройным телом его просторных одежд. Багровые глаза прожигали его взгляд, и Муландер почувствовал как щупальце принуждающей магии вползло в его разум.

“Скажи мне правду, Муландер”, спросила она — и слова ее были издевкой, поскольку оба они знали, что ее заклинание позволит ему говорить только правду. “Ты действительно так ненавидишь меня?”

Муландер встретил ее взгляд. “Всей душой!” поклялся он, со страстью большей силы чем когда-либо прежде показывал — большей, чем сам в себе предполагал найти.

“Отлично”, выдохнула Ксандра. Высоко подняв руки, она сцепила ладони за его шеей, и взмыла вверх, пока ее глаза не оказались на одном уровне с его. “Тогда помни мое лицо когда будешь охотиться за девчонкой, и помни это”.

Дроу прижала свои губы к губам Муландера в жутковатой пародии на поцелуй. Ее страсть была сродни его: только ненависть и гордость.

Ее поцелуй, как когда-то сам он поступал со своими девушками-ученицами, был печатью полного владения, знаком жестокости и абсолютного презрения, куда болезненнее для гордого мага чем удар кинжала. Тем не менее, он вздрогнул когда зубы дроу глубоко погрузились в его нижнюю губу.

Ксандра резко отпустила его, и отплыла прочь, как темный призрак, холодно улыбнувшись и стирая капельку его крови со своих губ.

“Помни”, повторила она, и изчезла так же неожиданно, как появилась.

Оставшись один в своей клетке, Треск Муландер хмуро кивнул. Он долго будет помнить Ксандру Шобалар, и всю свою оставшуюся жизнь будет молить всех темных богов, известных ему, чтобы смерть ее была медленной, болезненной и позорной.

А пока он выместит часть своей ненависти на другой дроу, которой полагается смотреть на него — на него, Красного Мага, мастера некромантии! — как на добычу.

“Пусть же охота начнется”, пробормотал Муландер, и окровавленные губы скривились в ухмылке, когда он вновь подумал о секрете, который смог утаить от Ксандры Шобалар, и который вскоре использует против ее юной ученицы.

Глава 3. Великое приключение

Дверь в спальню Битнары Шобалар с грохотом ударилась о стену, распахнутая с энергичностью, которая могла возвещать пришествие единственной персоны. Битнара, читавшая книгу, не оглянулась, даже не моргнула. К этому времени она уже слишком давно имела дело с неудержимой Баэнре, чтобы выказывать хоть какую-то реакцию.

Но игнорировать Лириэль долго невозможно. Девочка ворвалась в их обиталище, раскинув руки, и дикая грива белых волос летела вслед за ее радостным танцем.

Старшая девушка спокойно разглядывала ее. “И кто наложил на тебя заклятие безумия?” спросила она угрюмо.

Лириэль резко остановилась и заключила свою соседку по комнате в объятия. “О, Битнара! Я наконец-то пройду ритуал Первой Крови! Госпожа только что сказала мне об этом!”

Шобалар высвободилась насколько могла незаметно, встала с кресла и оглянулась в поисках чего-либо, что могло бы объяснить ее нежелание оставаться рядом с младшей. У противоположной стены на полу валялась кипа одежды; Лириэль обычно обращалась со своей одеждой с таким же презрением, с каким змея относится к сброшенной шкуре. Битнаре все время приходилось прибираться за маленькой неряхой. Сейчас это, по крайней мере, позволило ей оказаться как можно дальше от нежеланных жестов симпатии, обрушиваемых на нее юной соперницей.

“И давно бы пора”, прямо заметила волшебница-ученица, разглаживая и укладывая брошенную одежду. “Тебе скоро восемнадцать, ты давно уже в своем Ашарлекстен. Я часто удивлялась, чего так долго ждет госпожа моя мать!”

“Я тоже”, искренне ответила Лириэль. “Но Ксандра все мне объяснила. Она сказала, что не могла объявить церемонию пока не нашла подходящую добычу, которая позволит мне проявить все мое умение. Только подумай! Великая и героическая охота — приключение в диких пещерах Темных Владений!” она возбужденно плюхнулась на кровать с удовлетворенным вздохом.

“Госпожа Ксандра”, холодно поправила ее Битнара. Она, как и все в Доме Шобалар, знала, что с Лириэль Баэнре должно обращаться со всем возможным уважением, но даже дочь архимага обязана соблюдать определенные правила.

“Госпожа Ксандра”, послушно повторила девочка. Она перекатилась на живот, и подперла подбородок обеими руками. “Интересно, на что я буду охотиться”, мечтательно сказала она.

“Так много удивительных и страшных монстров в Землях Света! Я читала о них”, призналась она с улыбкой. “Может, гигантская дикая кошка, с черно-золотой кожей, или огромный бурый медведь — вроде четырехногого куаггота. Или даже огнедышащий дракон!” заключила она, хихикнув над собственными словами.

“Можно только надеятся”, пробормотала Битнара.

Если Лириэль и услышала злое замечание соседки, она не подала виду. “Что бы там ни было, я встречу его как равная”, поклялась она. “Я буду использовать оружие соответствующее его природным способностям — кинжал против когтя, стрела против ядовитого плевка. Без огненных шаров или облаков яда, без превращений в каменную статую!”

“Ты знаешь это заклинание?” ошеломленно потребовала Шобалар. Подобная магия требовала значительной силы, необратимая трансформация и любимый способ наказания у жриц Баэнре, управлявших Академией. Вероятность что это импульсивное дитя может владеть таким заклинанием пугала, особенно если учесть, что Битнара дважды оскорбила юную Баэнре с тех пор, как она вошла в комнату. По стандартам Мензоберранзана, для подобного возмездия у той были все основания!

Но Лириэль только бросила своей соседке лукавую улыбку. Молодая волшебница фыркнула и отвернулась. Она знала Лириэль двенадцать лет, но так и не привыкла к добродушному подразниванию девочки.

Лириэль любила смеяться, и любила, когда другие смеются вместе с ней. Поскольку немногие дроу разделяли ее подход к юмору, с некоторых пор она перешла к маленьким проделкам для развлечения других студентов.

Битнара никогда не была ее мишенью, но она и не находила их особо смешными. Жизнь — вещь суровая и серьезная, магия — Искусство, которым надо овладеть а не средство для детских проказ. Тот факт, что этот “ребенок” обладал мастерством магии куда выше ее, глубоко задевал гордую женщину.

Не только это подогревало зависть Битнары. Госпожа Ксандра, мать Битнары, всегда выказывала особое предпочтение к девчонке Баэнре — граничащее иногда с симпатией. Этого Битнара не забудет никогда, и никогда не простит. Так же не радовало ее и то, что выбранные ей мужчины с трудом помнили свое место и долг, когда поблизости оказывалась золотоглазая дрянь.

Битнаре было двадцать восемь, расцвет молодости; Лириэль была во многом еще ребенком. И все же она уже сейчас

притягивала мужские взгляды. По слухам, Лириэль тоже начинала обращать на это внимание, и относилась к подобным вещам с характерным для нее веселым добродушием. И это тоже раздражало Битнару, хотя почему собственно, она бы не смогла сказать.

“Ты придешь на празднование моего взросления?” спросила Лириэль с тенью печали в голосе. “После ритуала, я имею в виду”.

“Конечно. Я обязана”.

На сей раз, замечание Битнары получило ответ — Лириэль почти незаметно вздрогнула. Но она пришла в себя так быстро, что старшая женщина не успела обрадоваться победе. Лицо Баэнре стало непроницаемым, она небрежно пожала плечами.

“Да, верно”, сказала она спокойно. “Я смутно помню, что должна была посетить твое, несколько лет назад. Какая там была твоя добыча?”

“Гоблин”, раздраженно сказала Битнара. Это было ее больное место, поскольку гоблинов не считали ни слишком разумными, ни особо опасными. Она разобралась с ним легко, одним заклинанием парализации и острым ножом. Ее собственная Первая Кровь оказалась простой формальностью, вовсе не приключением о котором мечтала Лириэль. Великое приключение, ха! Девчонка наивна до невозможности!

А так ли это? С неожиданным шоком Битнара поняла, что последний вопрос был едва ли невинным. Немногие словесные уколы могли достичь цели так точно. Глаза ее остановились на девочке, и опасно сузились.

И вновь Лириэль пожала плечами. “Что сказала Матрона Хинкуте’нат в храме, цикл или два назад? ‘Культура дроу постоянно изменяется, мы должны приспосабливаться, или умереть’ ”.

Голос ее был ровным, и ничто на ее лице или в ее словах не давало Битнаре причины для возмущения.

Однако Лириэль ясно давала понять, что давно уже распознала словесные атаки Битнары, и теперь не будет спускать их как раньше, но отвечать ударом на удар.

Проделано было отлично, даже Битнара признала это. Если приспособляемость действительно ключ к выживанию, то эта, казалось бы витающая в облаках маленькая дрянь, пожалуй, доживет и до возраста старухи Матроны Баэнре!

А сама Битнара обнаружила, что не может найти слов в ответ.

Вежливый стук по открытой двери освободил ее от этой неприятной необходимости.

Повернувшись она увидела одного из слуг своей матери,

разодетого молодого мужчину из какого-то низшего Дома. Небрежно поклонившись Шобалар, он перенес внимание на младшую девушку.

“Вас ждут, Принцесса”, сказал мужчина, обращаясь к Лириэль по принадлежавшему ей формальному титулу, молодой женщины из Первого Дома.

В дальнейшем, наверняка, ей будут принадлежать куда более звучные титулы: архимага, если Ксандра добьется своего, или волшебницы или жрицы, или даже — упаси нас Лолт! — матроны. Принцесса был врожденный титул, не добытый. Но даже и так, Битнара завидовала ему. Бесцеремонно вытолкнув высокородную мерзавку и симпатичного посланника из комнаты, она захлопнула за ними дверь.

Плечи Лириэль поднялись и опустились в протяжном вздохе. Слуга, примерно ее возраста, и знавший Битнару куда лучше, чем хотел бы, бросил на нее взгляд, граничащий с сочувственным.

“Что понадобилось Ксандре?” спросила она наконец, уже по пути к апартаментам Госпожи Магии.

Перед тем как ответить, слуга осторожно огляделся вокруг. “За тобой послал архимаг. Его слуга ожидает в покоях Госпожи Ксандры”.

Лириэль запнулась на полушаге. “Мой отец?”

“Громф Баэнре, архимаг Мензоберранзана”, подтвердил мужчина.

Лириэль вновь прибегла к “маске” — как она называла выражение, которое долго практиковала перед зеркалом: безразличная слабая улыбка, глаза, не выражавшие ничего, только чуть-чуть циничного интереса. Но за этой маской, разум девушки жгли тысячи вопросов.

Жизнь дроу полна сложностей и противоречий, но для Лириэль не было ничего более запутанного, чем ее эмоции по отношению к отцу. Она почитала и презирала, восхищалась и боялась, ненавидела и тосковала — все сразу, и все на расстоянии. И насколько она могла судить, все эти чувства были совершенно безответны. Великий архимаг Мензоберранзана оставался для нее тайной.

Громф Баэнре был ее отцом, без сомнения, но родство дроу велось только по женской линии. Архимаг пошел против обычая, приняв свою дочь в клан Баэнре — страшной ценой для самой Лириэль — а затем оставил ее на попечение Шобалар.

Что теперь понадобилось от нее Громфу Баэнре? Годы прошли с тех пор, как она получала от него известия, хотя его слуги регулярно компенсировали Шобалар расходы по ее содержанию и обучению, и следили чтобы у нее были карманные

деньги для ее редких визитов на Базар. Лириэль полагала, что нынешний вызов мог означать только какие-то неприятности. Но что она такого сделала? Или, скорее, какая из ее выходок была раскрыта и о ней было доложено отцу?

Затем она подумала о другой возможности, столь полной надежды и обещаний что “маска” испарилась как гаснущий магический огонь. Эльфийка разразилась радостным смехом, и обняла ошеломленного — и весьма обрадованного — молодого слугу.

После ритуала она будет считаться истинной дроу! Возможно тогда Громф сочтет ее достойной своего внимания, возможно даже будет сам обучать ее!

Ведь он наверняка слышал о ее достижениях, и знает, что она постигла почти все, чему можно научится в Доме Шобалар.

Наверняка так оно и есть! решила Лириэль, ускользая из полных энтузиазма объятий юноши. Она торопливым шагом направилась к покоям Ксандры, подгоняемая редчайшей из всех эмоций дроу: надеждой.

Мужчины у темных эльфов не обращали особого внимания на собственных детей, но скоро уже Лириэль перестанет быть ребенком, и будет готова к следующему этапу магического обучения. Обычно речь шла об Академии, но для этого она слишком молода. Наверняка у Громфа есть план для ее будущего!

Радостное предвкушение Лириэль несколько поубавилось при виде посланца ее отца, каменного голема размером с эльфа, слишком хорошо он ей был знаком. Это магическое создание было частью ее самых ранних и самых жутких воспоминаний. Но даже этот смертоносный посланник не мог полностью изгнать радость из ее сердца, восхитительную возможность, певшую в нем: *быть может, она наконец нужна отцу*!

По настоянию Ксандры, полный патруль из восьми всадников на пауках сопроводил Лириэль и голема в богатый район Нарбонделлин, где был расположен дом Громфа Баэнре. Вот Лириэль миновала Темные Шпили не любуясь на изящные формы черной скалы. Вот она не обратила внимание на симпатичного капитана стражи, стоявшего в дозоре у ворот крепости Хорлбар. Она даже проехала мимо элегантных маленьких магазинчиков, продававших парфюмерию, тончайшие шелковые одеяния, магические статуэтки и другие восхитительные товары, не удостоив их ни единого жаждущего взгляда.

Какое все это имело значение, по сравнению с мгновением времени ее отца?

Несмотря на это, Лириэль пришлось собраться с силами при первом взгляде на особняк Громфа Баэнре. Здесь она родилась, и

провела первые пять лет жизни в роскошных покоях своей матери, Сосдриэль Вэндри, которая много лет была любовницей Громфа. Это был уютный мирок, только Лириэль, ее мать и несколько слуг заботящихся о них. С тех пор Лириэль осознала, что Сосдриэль — которая была редкой красавицей, но не обладала ни магическим даром, ни амбициями необходимыми для процветания в Мензоберранзане — души не чаяла в своей дочери, и сделала ее центром своей маленькой вселенной. Несмотря на это, а может быть именно благодаря этому, Лириэль не могла заставить себя вновь взглянуть на свой первый дом, с той поры как она оставила его двенадцать лет назад.

Вырезанный в сердце гигантского сталактита, особняк архимага считался лучше защищенным магией, чем два дома любых других городских магов вместе взятые. Скользнув с верхового паука — способ передвижения, предпочитавшийся Домом Шобалар — Лириэль последовала за молчаливым смертоносным големом к черному строению.

Каменный голем коснулся одной из рун, мелькавших и сменявших друг друга на темной стене; тут же появилась дверь. Жестом приказав Лириэль следовать за ним, голем исчез внутри.

Молодая дроу глубоко вдохнула и направилась вслед за слугой. Она примерно помнила дорогу к кабинету Громфа Баэнре. Здесь она впервые встретила своего отца, впервые обнаружила свой дар и любовь к магии. Казалось правильным, что здесь начнется и следующий этап ее жизни.

Громф Баэнре поднял на нее взгляд, когда она вошла в кабинет. Его янтарные глаза, такие же как у нее, холодно разглядывали дочь.

“Прошу, садись”, пригласил он, указывая элегантной ладонью с длинными пальцами на кресло. “Нам многое нужно обсудить”.

Лириэль тихо подчинилась. Архимаг сделал паузу, и она долгое время просто разглядывала его. Он выглядел точно как в ее воспоминаниях: суровый, но красивый дроу, в расцвете сил. Это было не удивительно, учитывая как медленно стареют темные эльфы, но Громф по слухам был свидетелем рождения и смерти семи столетий.

Протокол требовал, чтобы Лириэль предоставила первые слова магу более высокого ранга, но через некоторое время она не могла больше вынести тишину. “Скоро я пройду ритуал Первой Крови”, объявила она с гордостью.

Архимаг мрачно кивнул. “Я слышал об этом. Ты останешся здесь, в моем доме, до ритуала, еще многому тебе надо научится, а времени для подготовки мало”.

Брови Лириэль озадаченно вздернулись. А разве не этим она

занималась все двенадцать лет? Разве не изучила она базовые — но достаточно могущественные — боевые заклинания, и не тренировалась с оружием? Меч ее не интересовал, но ручным арбалетом или метательным оружием она владела не хуже любого, а то и лучше! Уж конечно, она знает достаточно чтобы предстать в завершении ритуала победительницей, с окровавленными руками!

Слабая, жесткая улыбка коснулась губ архимага. “Быть дроу это куда больше, чем умение прибегать к грубому насилию. Я, однако, не совсем уверен что об этом помнит Ксандра Шобалар!”

Эти загадочные слова заставили Лириэль нервничать. “Сэр?”

Громф не стал тратить силы на объяснения. Открыв ящичек в столе, он достал оттуда маленькую зеленую бутылочку. “Это флакон-клетка. Он пленит любое существо, которое выставит против тебя Шобалар”.

“Но как же охота!” запротестовала Лириэль.

Улыбка архимага осталась, но глаза заледенели. “Не будь дурой”, сказал он спокойно. “Если охота обратится против тебя, и твоя добыча получит преимущество ты используешь этот флакон! Ты можешь затем легко пролить кровь как положено и выполнить требования ритуала. Смотри — ” сказал он, отворачивая крышку и демонстрируя сверкающую митриловую иглу, торчавшую с ее нижней стороны.

“Закрути крышку, и твоя добыча мертва. Затем тебе нужно только разбить флакон, и мертвое существо окажется перед тобой, кинжал — трансформированная игла, естественно — пробьет его сердце или глаз. На предварительной церемонии у тебя будет точно такой же кинжал, чтобы избежать всяческих разбирательств насчет оружия. Кинжал магический, и исчезнет в тот момент, когда игла будет окровавлена, чтобы его не нашли случайно брошенным по дороге. Если тебя заботит гордость, никто не обязан знать как погибла твоя добыча”.

Чувствуя себя странно преданной, Лириэль взяла бутылочку и прочно прикрутила крышку на место. На самом деле, она находила подобное неспортивное решение ужасающим. Но флакон был даром ее отца, и она попыталась высказать хоть что-либо одобрительное.

“Госпожа Ксандра будет восхищена этим”, сказала она тускло, хорошо зная, что волшебница Шобалар обожает всяческие магические устройства.

“Она не должна ничего знать о флаконе, или о любом заклинании которое ты здесь изучишь! Так же ей не стоит слышать и о других, более сомнительных твоих умениях. О, оставь этот невинный взгляд, можешь дурить им стражников”,

сухо сказал он. “Я отлично знаю капитана наемников, хвастающегося как он научил принцессу метать ножи не хуже любого головореза из таверны! Хотя как ты умудрилась проскользнуть мимо этих пауков-стражей, которых Матрона Хинкуте’нат ставит на каждом шагу, да еще и пройдя через весь город найти эту таверну, даже я понять не могу”.

Лириэль ухмыльнулась. “Я наткнулась тогда на таверну случайно, а капитан Джарлаксл узнал мой медальон Дома, и помог мне в изучении — множества различных предметов! Но я и впрямь обхитрила пауков. Рассказать как?”

“Возможно, потом. Ты должна поклясться на крови, что этот флакон не попадется на глаза Ксандре”.

“Но почему?” настаивала она, искренне озадаченная.

Громф долго и внимательно разглядывал свою дочь. “Как много молодых дроу погибает во время ритуала?” спросил он наконец.

“Такое бывает”, признала Лириэль. “Рейды на поверхность нередко встречают трудности — люди или эльфы фейери иногда узнают об атаке и получают время подготовиться, или они дерутся лучше чем ожидалось, или их оказывается больше. И время от времени под ребра участникам рейда попадает кинжал дроу”, добавила она спокойно. “Если ритуал проводится Внизу, случается что дроу пропадают в диком Подземье, или сталкиваются с монстром который оказывается сильнее их”.

“А иногда их убивает то, за чем они должны охотится”, сказал Громф.

Это было очевидно; девушка сделала недоуменный жест.

“Я не хочу, чтобы с тобой произошла беда. Ксандра Шобалар может не разделять моих добрых пожеланий”, сказал он прямо.

Лириэль неожиданно похолодела. Множество эмоций кипели и танцевали глубоко внутри ее, ожидая пока она вытянет любую — и все же она на самом деле не чувствовала ни одну из них. Все ответы оставались за пределами ее досягаемости, ибо она не могла понять, какой из них можно выбрать.

Как мог Громф предположить, что Ксандра Шобалар предаст ее? Госпожа Магии взрастила ее, уделяя ей больше внимания и благорасположения чем могли даже мечтать большинство детей дроу! Не считая матери — которая дала Лириэль не только жизнь, но и чудесный пятилетний кокон безопастности и даже любви — Лириэль считала, что именно Ксандра больше всего сделала для того, чтобы она стала такой, какой есть. А это было очень многое. Хотя Лириэль не помнила лица матери, она понимала, что от Сосдриэль Вэндри ей досталось что-то очень редкое для ее народа, нечто такое, что ничто и никто не сможет у нее отобрать.

Ни даже Громфу Баэнре, который приказал убить ее любимую мать двенадцать лет назад!

Лириэль уставилась на отца, слишком ошарашенная, чтобы понять что раздиравшие ее на части мысли ясно отражаются в ее глазах.

“Ты мне не доверяешь”, заявил архимаг, голосом абсолютно лишенным эмоций. “Это хорошо — я начинал отчаиваться насчет твоей ясности в суждениях. Может быть, ты все же переживешь ритуал. Теперь слушай внимательно, я объясню этапы активации магии флакона”.

Глава 4. Первая кровь

Ритуал Первой Крови начался на третьем цикле после встречи Лириэль с отцом. Она возвратилась в Дом Шобалар к концу дня, поскольку подобные церемонии всегда начинались в темный час Нарбондели.

Когда гигантские часы Мензоберранзана угасли, знаменуя приход полночи, Лириэль стояла перед Хинкуте'нат Алар Шобалар, матроной-матерью клана.

Молодая дроу раньше редко общалась с матриархом Шобалар, и чувствовала себя немного обеспокоенной стоя перед столь впечатляющей фигурой.

Хинкуте'нат была высшей жрицей Лолт, как подобает правящей матроне, и была типичной представительницей последовательниц Паучьей Королевы. Ее тронная комната напоминала Лириэль жуткое и опасное логово. Тени были повсюду, черепа множества жертв Шобалар были превращены в тусклые лампы, отбрасывающие маски смерти на любую поверхность, окутывавшие призрачным сиянием темные лица собравшихся перед троном повелительницы.

Большая клетка стояла в центре зала, готовая принять ритуальную добычу. Со всех сторон ее окружали гигантские, выведенные с помощью магии пауки, составлявшие большую часть сил Шобалар. Собственно, пауки несли стражу повсюду — в каждом углу комнаты, на каждой ступени к тронному возвышению, даже свисали с потолков на длинных блестящих нитях.

В общем, тронный зал был вполне подходящим окруением для матриарха Шобалар. Холодная и коварная, матрона напоминала паука, повелевающего из центра собственной паутины.

На ней было черное одеяние, где серебрянными нитями изображались паутины, и взгляд, который она бросила на Лириэль, своим спокойствием и безжалостностью подошел бы любому когда-либо жившему арахниду. Характером своим она также была сродни паукам: даже среди дроу Матрона Шобалар заслужила особую репутацию за коварное и запутанное ведение дел.

"Ты подготовила добычу?" спросила матрона у своей третьей по старшинству дочери.

"Да", сказала Ксандра. "Юная дроу, стоящая перед тобой, демонстрирует большие способности, что можно было ожидать от дочери Дома Баэнре. Предложить ей нечто меньшее, чем

истинное состязание было бы оскорблением Первой Семьи”.

Матрона Хинкуте’нат подняла бровь. “Понятно”, сухо сказала она. “Ну что же, ты в своем праве, и это в пределах правил Первой Крови. Едва ли возникнет такой вопрос, но ты понимаешь, что несешь ответственность за все возможные осложнения?” Когда Ксандра хмуро кивнула, матрона вновь повернулась к Лириэль. “А ты, Принцесса, готова?”

Баэнре низко поклонилась, отчаянно стараясь пригасить блеск в глазах, и придать лицу ничего не выражающее спокойствие.

Три дня в доме Громфа не смогли полностью уничтожить ее мечты о приключении.

“Это будет твоя добыча”, сказала Госпожа Ксандра. Она подняла руки и резко развела их в стороны. Тихий треск раздался в пропитанном влагой тяжелом воздухе, и прутья клетки вспыхнули магическим огнем. Все глаза в помещении повернулись, дабы лицезреть ритуальную жертву.

Сердце Лириэль стучало от волнения — так громко, что ей казалось, что все вокруг слышат это.

Затем свет окруживший клетку рассеялся, и она была столь же уверена, что все могут почувствовать жесткую, холодную руку, схватившую ее и заставившую сердце замереть.

В клетке стоял человек в ярко красном одеянии. Лириэль редко видела людей, и мало интересовалась ими, но неожиданно обнаружила, что у нее нет желания убивать этого. Он был слишком похож на эльфов, слишком похож на — личность!

“Это оскорбительно”, начала она низким сердитым голосом. “Мне внушали что мой ритуал Первой Крови будет проверкой мастерства и храбрости, охота на опасное существо с поверхности, вроде кабана или гидры!”

“Если ты не поняла сути ритуала, я в этом не виновна!” бросила Ксандра. “Годами ты слышала истории о рейдах на поверхность. Кого, по твоему, мы убивали — животных? Жертва есть жертва, неважно на двух ногах или четырех. Ты присутствовала на церемониях; ты знаешь, что требовалось от тех, кто проходил до тебя”.

“Я не стану этого делать” сказала Лириэль, с королевской надменностью, сделавшей бы честь самой Матроне Баэнре.

“Не тебе выбирать”, указала Матрона Хинкуте’нат. “Право назвать добычу и правила принадлежит госпоже или матроне”.

“Продолжай”, сказала она, поворачиваясь к дочери.

Госпожа Ксандра позволила себе улыбнуться. “Этот человек-маг будет доставлен в пещеры Темных Владений на юго-западе Мензоберранзана. Ты, Лириэль Баэнре, будешь проведена к

близлежащему тоннелю. Ты должна найти и уничтожить человека, используя любое оружие. Для этого у тебя есть десять циклов; мы не станем искать тебя до истечения срока”.

“Но ты должна взять с собой этот ключ”, продолжила Ксандра, вручая девушке маленький золотой ключ. “Я подвесила его на цепочку — держи его при себе постоянно. Мы не желаем, чтобы ты попала в беду: с этим ты сможешь в случае нужды немедленно вызвать помощь из Дома Шобалар. У тебя большой талант, ты отлично тренирована”, добавила Госпожа менее суровым тоном. “Мы полностью уверены в твоем успехе”.

Столь явная забота старшей женщины дала Лириэль искорку надежды.

“Госпожа я не могу убить этого мага!” отчаянно прошептала она, позволив глазам ясно выразить собственное беспокойство. Наверняка ведь Ксандра, обучившая и вырастившая ее, поймет ее чувства, и снимет с нее этот груз!

“Ты убьешь, или ты умрешь”, объявила волшебница. “Таково требование ритуала Первой Крови, такова жизнь дроу!”

Голос Ксандры был холодным и ровным, но Лириэль не пропустила вспышку в красных глазах волшебницы. Ошеломленная пониманием, Лириэль уставилась на свою учительницу, которой так доверяла.

Убей или умри. И нет сомнений, какой исход предпочтет Ксандра.

Лириэль оторвала взгляд от мстительного багрового пламени, и постаралась сосредоточится на последовавшей церемонии. Безмолвно принимая ритуальные благословения матроны, девушка испытала странное и очень ясное видение: где-то глубоко в ее сердце крохотная искорка света задрожала и угасла — предвестник, возможно, опускавшейся тьмы. Необъяснимая печаль коснулась Лириэль, но исчезла прежде чем она смогла задуматься о столь странной эмоции. Для юной эльфийки подобное видение должно было быть вполне подходящим — добрым знаком, а не причиной для сожалений. Скоро, очень скоро она станет настоящей дроу!

Глава 5. Убей или умри

Лириэль осторожно пробиралась по сумрачному коридору. Одним из подарков ее отца была волшебная обувь, сотканная из мягкой кожи и магии темных эльфов. Лириэль шла издавая не больше шума, чем ее собственная тень.

Так же на ней был новый плащ — не пивафви, поскольку эти уникальные плащи дроу обычно носили как раз те, кто прошел этот ритуал. Конечно, были и исключения, и у самой Лириэль был один из таких магических плащей маскировки — что немало помогало ей в тайных экскурсиях из Дома Шобалар — но молодым дроу запрещалось носить их во время Первой Крови. Преимущество невидимости делало его слишком легким, и считалось неподобающим для первого настоящего убийства.

Таким образом, Лириэль была хорошо видна для теплочувствительных глаз разнообразных смертоносных обитателей Подземья, и следовательно подвергалась постоянной опасности.

Молодая дроу была настороже. И все же, она не чувствовала себя готовой к охоте. Она вообще не была уверена, что еще может что-то чувствовать: горе и ярость покинули ее, оставив за собой странную пустоту.

Лириэль привыкла к предательствам, в большом и в малом, и все еще пыталась уверить себя, что должна просто не обращать внимания и идти дальше — с осторожностью. Так было с Битнарой, чьи злобные выпады и зависть когда-то глубоко ранили ее. Так было и с ее отцом, кто двенадцать лет назад причинил ей такую боль, которую больше никто и никогда не мог повторить с тех пор.

Но Ксандра Шобалар так легко не отделается, угрюмо поклялась Лириэль. Предательство Ксандры было иным, и оно не пройдет незамеченным — или неотомщенным.

Мстительность была важнейшим чувством для темных эльфов, но для Лириэль эта эмоция была внове. Она наслаждалась ей, как недавней чашей зеленого вина с пряностями — горько, да, но обостряет ощущения, и усиливает решимость. Лириэль была еще очень молода, и готова была принять и не обращать внимания на многое в своих сородичах. Но сегодня она впервые отчетливо увидела желание ее смерти в чужих глазах. Инстинкт подсказывал ей, что подобное не должно остаться безнаказанным, если она хочет выжить.

Но еще глубже, в самом сердце, девушка чувствовала горькую обиду на Ксандру, заставлявшую ее пренебречь велениями души,

действовать против своей воли.

Лириэль не желала подчиняться требованиям своей Госпожи, но что еще может она сделать, чтобы быть принятой как истинная дроу?

Что?

Улыбка медленно проявилась на ее лице, одновременно с тем, как в ее разуме появлялось решение дилеммы. *Быть дроу это куда больше*, учил ее отец, *чем умение прибегать к грубому насилию*.

Тяжесть, сжимавшая ее грудь, немного ослабела, позволив ей впервые осознать странную вещь: она совершенно не боялась опасного и дикого Подземья. Для нее место это казалось прекрасным, интересным, полным неожиданных поворотов и путей. Опасность, приключение и восторг были в воздухе и камне. В отличии от Мензоберранзана, каждому камешку которого была придана форма, монумент гордости и могуществу дроу, здесь все было новым, таинственным и полным восхитительных возможностей. Здесь она сможет найти собственное место. Лириэль ощутила неожиданную и глубокую любовь к огромному, неприрученному миру.

“Великое приключение”, тихо сказала она, повторяя без следа иронии слова собственной отброшенной мечты. Неожиданная улыбка осветила ее лицо, и нежно погладив скалу она добавила, “Первое из многих!”

Без предупреждения, яркая сфера резко вылетела из-за угла тоннеля, и направилась к ней.

Схватка началась.

Тренировки и инстинкт сработали мгновенно: Лириэль выбросила навстречу руки крест-накрест, выставив вперед ладони. Защита сформировалась за мгновение до взрыва. Девушка закрыла глаза и отвернулась, и тут же сверкающий шар расцвел вспышкой магического пламени.

Лириэль упала и откатилась в сторону, как ее учили поступать в случае подобных атак. Магический щит мог удержать лишь один-два удара такой мощи, и разумнее всего убраться с линии огня. К ее изумлению, второй удар пошел низом — и прямо к ней. Лириэль вскочила на ноги, и бросилась назад по тоннелю. Она успела укрыться от надвигавшегося огненного шара за большим сталагмитом.

Взрыв грохотом прокатился по тоннелю, дождь камней обрушился на дроу. Кашляя и отплевываясь от пыли, она тем не менее сплела ответное заклинание.

Отвечая ее магии, пыль и дым начали стекаться в центре коридора, вскоре собравшись в большой шар. Лириэль указала в

направлении невидимого мага, и шар послушно поплыл за угол в направлении врага.

Затаив дыхание, она ждала следующей атаки. Когда ее не последовало, она медленно и осторожно крадучись направилась к повороту. Спереди не доносилось ни звука, только удаленный стук капель. Это обнадеживало: шар горячего удушающего дыма должен был отыскать и окружить источник его происхождения. Если все прошло как надо, человек уже задохнулся в ядовитых продуктах собственного заклинания. Лириэль пошла побыстрее. Если это так, времени найти и откачать его немного.

Вокруг становилось все ярче, по мере того как она спускалась все дальше по извилистому коридору. Неожиданно путь оборвался, и Лириэль увидела открывавшуюся перед ней пещеру, ничего подобного она раньше не видела и даже вообразить не могла.

Светящийся лишайник покрывал почти весь камень, наполняя пещеру слабым и таинственным голубоватым сиянием. Сталагмиты и сталактиты соединялись, образуя каменные столбы, и большие кристаллы в них отблескивали сверкающими гранями, впиваясь в ее глаза как крохотные кинжалы.

И новый сверкающий шар ожил в центре пещеры. Лириэль бросилась назад, схватившись за ослепленные глаза. Чуткие уши уловили шипение и свист приближающегося снаряда; все что она успела сделать, это бросится на камень.

Шар прошел мимо, но едва-едва. Обжигающая боль коснулась ее, когда он пролетал над ней, волосы начали тлеть и дымится. Хрипя и кашляя, она вновь перекатилась в сторону. Одновременно она лихорадочно моргала, пытаясь отогнать искорки и вспышки, затмевавшие ее зрение.

Думай, думай! — приказала она себе. Пока она только реагировала: это был верный путь к поражению.

Пытаясь выиграть время, Лириэль призвала врожденную магию дроу, окутав шаром тьмы источник магического света перед ней. Это немного выровняло ситуацию, но преимущества человеческого мага не лишило: в пещере все еще вполне хватало света, чтобы он мог спокойно видеть.

Она же никак не могла обнаружить его.

Подозрение, укоренившееся в ее разуме еще с первой атакой мага, неожиданно превратилось в уверенность. Он предвидел ее действия. Он точно знал, как она будет реагировать. Возможно, он был тренирован для этого. Угрюмо сцепив зубы, Лириэль приступила к выяснению, насколько хорошо его подготовили.

Ее ладони мелькнули сплетая заклинание, которому научил ее Громф — редкое и сложное заклинание, известное лишь

немногим дроу, и используемое еще реже. У нее ушла большая часть дня на его изучение, но теперь затраты окупались сторицей.

В центре пещеры, окруженный и частично защищенный кругом каменных колонн, стоял человек. С изумленным выражением на бородатом лице, он разглядывал свои вытянутые руки. Причина была очевидной: пивафви, накинутый поверх красного одеяния, который должен был обеспечить ему невидимость, неожиданно заблестел и заискрился. Он был не только натренирован, ему оказали и другую поддержку!

Маг быстро оправился от удивления. Глубоко вдохнув, он плюнул в сторону Лириэль. Из губ его вылетела темная полоса, затем другая. Глаза дроу расширились, когда она увидела двух живых гадюк, скользящих к ней с неестественной быстротой.

Выхватив с пояса два кинжала, Лириэль метнула их в ближайшую змею. Клинки вошли крест-накрест, почти отделив голову гадюки от туловища.

Обезглавленная змея несколько мгновений билась в агонии, преградив путь второй, и позволив Лириэль повторить бросок.

На сей раз она метнула только один нож. Он вошел змее в распахнутую пасть, и с вылетел с другой стороны головы, сопровождаемый хлынувшей кровью. Лириэль позволила себе короткую улыбку, и решила достойно отблагодарить наемника, научившего ее метанию.

Задержка была мгновенной, но этого хватило. Руки человека уже двигались в жестах заклинания — знакомого ей.

Лириэль достала маленький дротик с пояса и сплюнула на него. Повинуясь мысленному приказу, другой компонент заклинания — крошечный сосуд с кислотой — поднялся из ее раскрытой сумки. Схватив его, она подбросила оба предмета в воздух. Пальцы мелькнули, сплетая заклинание, и светящаяся полоса метнулась навстречу такой же, несшейся к ней. Кислотные стрелы столкнулись на полпути между сражающимися, распылив вокруг зеленоватые капли смертоносной жидкости.

Человек взмахнул рукой. Магия стекала с его пальцев, разворачиваясь в полете гигантской паутиной. Странное голубоватое освещение пещеры отблескивало в нитях, превращая липкие капли на них в драгоценности прекраснее жемчужин и лунных камней. Лириэль успела восхититься смертоносной красотой паутины, пока она летела к ней.

Единственным словом дроу призвала несколько гигантских пауков, размерами с детенышей ротов. Армия пауков взмыла ввысь к потолку пещеры, схватив паутину и утянув ее с собой.

Лириэль расставила ноги пошире и послала к упрямому человеку поток огненных снарядов. Как она и ожидала, он

мгновенно сотворил вокруг себя защитный экран. Она узнавала жесты и слова силы — те же, что использовали дроу. Маг действительно был подготовлен для этого боя, и подготовлен хорошо!

К несчастью для Лириэль, маг был обучен даже слишком хорошо. Дроу надеялась, что бушевавший в пещере огненный шторм ослабит колонны, окружащие мага, так чтобы они обрушились на мага когда ослабнет его щит. Но вскоре стало ясно, что магический барьер он поместил перед каменным скоплением, обезвредив ее стратегию. Щит не слабел под ее ударами: напротив, он поглощал их энергию, сверкая все ярче и ярче. Лириэль распознала защитное заклинание дроу, но ее саму никогда ему не учили!

Наконец Лириэль устало опустила руки, истощенная той мощью, которую обрушила на магическую паутину Ксандры.

И только теперь девушка поняла всю степень предательства своей воспитательницы.

Человек был тренирован в магии и тактике боя в Подземье, более того, он знал достаточно о своей противнице чтобы предвидеть и отразить каждое ее заклинание. Он был избран и подготовлен со всей тщательностью — не чтобы проверить ее, но чтобы убить ее! Ксандра Шобалар не стала успокаиваться на одних пожеланиях гибели своей ученицы: она сделала для этого все от нее зависящее!

Лириэль поняла, в какое положение загнало ее это предательство. Ее единственной надеждой на победу в поединке с магом — и Ксандрой Шобалар — оставалась не ее боевая магия, но лишь ее собственная сообразительность.

Она отчаянно обдумывала варианты. Ей ничего не было известно о человеческой магии, но то, что маг использовал только заклинания дроу было очень подозрительно. У него должна была быть немалая подготовка чтобы освоить столь могущественные силы; наверняка у него были и собственные заклинания. Почему же он их не использует? Разглядывая человека, девушка неожиданно нашла очевидный ответ. Ее пальцы сомкнулись на ключе, которые ей дала Ксандра, и одним резким рывком она сорвала его с золотой цепочки, прикрепленной к поясу.

Гнев полыхал в золотых глазах Лириэль, когда она достала флакон, данный ей отцом. Поймать мага будет нелегко, но она найдет способ.

Лириэль открыла крышку, и кинула ключ внутрь. Но прежде чем вернуть крышку на место, она сорвала митриловую иглу, и отбросила ее прочь.

Убей или умри, сказала Госпожа Ксандра.
Так тому и быть.

Глава 6. Вспоминая кошмары

Треск Муландер щурясь смотрел сквозь свечение собственного щита в сторону своей противницы. Пока что все шло, как он и ожидал. Девчонка была хороша, Госпожа Ксандра не преувеличивала. Она даже смогла преподнести несколько сюрпризов, вроде своей меткости с ножами.

Ничего страшного. У Муландера тоже было кое-что в запасе.

Ксандра Шобалар вырвала из его разума огромный запас заклинаний некромантии. Однако одного из них колдунья дроу коснуться не могла: оно хранилось не в разуме, но в плоти.

Муландер был Исследователь, всегда ищущий новую магию там, где обычные люди видят только смерть. Разлагающиеся трупы, даже падаль на скотобойне, могут быть использованы для создания чудесных и страшных существ, полностью ему подконтрольных. Но самое необычное и тайное его творение еще только ждало своего воплощения.

В кусочке неживой плоти — маленькой темной родинке, державшейся на его теле тончайшим покровом кожи, он хранил существо огромной силы. Чтобы призвать его, нужно лишь довершить отделение от тела.

Маг полез большим и указательным пальцем под золотой обруч.

Какая ирония, что зачарованная родинка была скрыта под его магическими кандалами!

Муландер оторвал этот кусочек, наслаждаясь острым уколом боли — ибо это была смерть в миниатюре, а смерть была источником его силы. Бросив крошечную родинку на пол он с голодным предвкушением наблюдал как созданный им монстр обретает форму.

Многие Красные Маги создавали тварей тьмы: страшных летающих существ, создаваемых кощунственным объединением тел обычных животных. Муландер пошел дальше. Поднимавшееся перед ним существо было создано из его собственной плоти и его собственных кошмаров.

Муландер начал с самой жуткой вещи, которая была ему известна — копии своей давно умершей матери-волшебницы, — увеличил е до гигантских размеров и добавил части каждой твари что когда либо наводила ужас на его сновидения. Крылья как у летучей мыши — или демона — висели у нее за плечами, когти росли на человеческих ладонях. Клыки вампира, ляжки и ноги лютоволка, отравленный хвост виверны. Женский торс прикрывала драконья броня — естественно, цвета Красных Магов.

Только глаза, жесткие зеленые глаза, такие же как и его собственные, остались нетронутыми. Они остановились на девчонке дроу — охотнике, вдруг ставшем добычей — и наполнились памятной Муландеру жестокостью. Невольная дрожь прошлась по спине могущественного мага, вызвавшего монстра, сотканного из отметин на его душе оставленных давно ушедшим хмурым детством.

Монстр пригнулся. Волчьи лапы опустились, мускулы на мощных ляжках напряглись готовясь к прыжку. Муландер не стал опускать магический щит. В монстре сохранилось достаточно напоминавшего ему о матери, чтобы его вопль боли от столкновения с защитой доставил ему удовольствие.

Так же приятен был и шок на лице юной дроу. Однако она с завидной быстротой пришла в себя, и отправила в лицо твари пару кинжалов. На мгновение Муландер познал истинное счастье, когда клинки глубоко погрузились в проклятые зеленые глаза.

Монстр издал вой, полный ярости и тоски, раздирая лицо когтями в попытке вырвать кинжалы. Длинные кровавые борозды отпечатались на его лице, прежде чем клинки дроу наконец упали на пол пещеры. Ослепленное и разъяренное, существо надвигалось на девушку, лапы дико хлестали по воздуху.

Дроу выдернула с пояса боло, коротко размахнулась и бросила. Оружие туго обвернулось вокруг шеи ослепленной твари, которая с бульканьем стала разрывать кожаные ремни. Резкий треск прокатился по пещере, и вслед за ним раздался грохочущий рев. Принюхиваясь в поисках жертвы, уродливое создание Муландера, выставив когти, метнулось к дроу.

Но та взмыла в воздух, быстрая и грациозная как птица, и тварь звучно шлепнулась на каменный пол. Быстро перекатившись, она вскочила на ноги. Громоподобные звуки наполнили пещеру, когда монстр взмахнул крыльями; медленно и неуклюже он поднялся в воздух, в погоне за добычей.

Молодая волшебница окутала тварь гигантской паутиной, но существо легко разорвало ее. Она осыпала его градом дротиков, но те лишь беспомощно отскакивали от бронированного тела.

Дроу сотворила заряд черной молнии, и метнула его как копье. К беспокойству Муландера, молния разорвала одно из кожистых крыльев.

Вопя от ярости, монстр по нисходящей спирали рванулся вниз, и с грохотом ударился о камень.

Не важно: схватка брала свое с юной эльфийки. Она медленно опускалась к полу, к челюстям израненного, но поджидающего монстра.

Золотые глаза отчаянно повернулись к злорадствующему

лицу Муландера.

“Хватит!” выкрикнула она. “Я знаю, что тебе нужно — убери тварь, и я отдам тебе это без боя. Клянусь в этом — всем, что есть темного и священного!”

Улыбка жестокого удовлетворения посетила лицо Красного Мага. Он не верил никаким клятвам от любых дроу, но знал, что боевые заклинания этой почти исчерпаны. И не удивительно, что она боится продолжать бой. Девчонка еще совсем мала — по человеческим меркам, она выглядела лет на двенадцать-тринадцать. Несмотря на все наследие своего происхождения, и свои магические способности, она была просто соплячкой, и конечно же не ровня таким как он!

“Брось мне ключ”, приказал он.

“Убери эту тварь” молила она.

Муландер замешкался, потом решился. Даже без магического создания, он куда сильнее этого ребенка. Мановением руки он отослал монстра назад, в кошмары породившие его. Но другой он вызвал огненный шар, достаточной мощи, чтобы расплющить дроу о стену пещеры, оставив от нее только горстку пепла. По страху в ее глазах он видел, что она понимает свое положение.

“Здесь — он здесь” лихорадочно бормотала девочка, рывшаяся в сумочке у пояса. Ей мешал ее собственный страх: дыхание прерывалось всхлипываниями, тонкие плечи дрожали от рыданий.

Наконец, она вытащила маленький шелковый мешочек и подняла его. “Ключ здесь. Возьми его, и пожалуйста, позволь мне уйти!”

Красный Маг легко поймал брошенный мешочек, и вытряхнул в ладонь маленькую светящуюся сферу. Это был защитный пузырек — элементарная магия, легко создаваемая и легко разрушимая — в котором находился изящный флакон полупрозрачного зеленого стекла. А внутри него был крошечный золотой ключ, обещание свободы и могущества.

Оглянись он на молодую дроу, Муландер мог бы задуматься, почему глаза ее сухи несмотря на плач, почему она больше не испытывает никаких сложностей в левитации. Подними он взгляд от долгожданного ключа, он мог бы узнать холодный триумф в ее золотых глазах. Он видел прежде это выражение, очень недолго, на лице своего собственного ученика.

Но гордость сделала его слепым к предательству прежде, заставила его сделать ловушку, итогом которой был смертельный приговор; приговор, который был заменен на пожизненное рабство.

Когда к нему наконец пришло понимание, Муландер осознал,

что эта ошибка будет последней.

Глава 7. Ритуал

Лириэль Баэнре вернулась в Мензоберранзан уже через два дня, со следами схватки на лице и в одежде, усталая, лишившаяся части своих прекрасных белых волос, но все же победительница. По крайней мере, так предполагалось. Только на церемонии она должна будет предъявить формальные доказательства совершенного убийства.

Все в Доме Шобалар собрались в тронном зале Матроны Хинкуте'нат, чтобы присутствовать на церемонии вхождения во взрослую жизнь. Так требовал закон, но большинство пришли бы все равно, ради удовольствия полюбоваться на кровавые свидетельства, ради воспоминаний и гордости своих собственных первых убийств. Такие моменты напоминали всем присутствующем, о том, что значит быть дроу.

В самый темный час Нарбондель, Лириэль шагнула вперед, чтобы занять подобающее место среди своего народа. Ксандре Шобалар, своей Госпоже и учительнице, должна она была предъявить ритуальные доказательства.

Лириэль долго смотрела в глаза старшей волшебнице, вглядываясь в алые глаза Ксандры взглядом ледяным и спокойным — полным молчаливой силы и смертельного обещания. Этому она также научилась у отца.

Когда наконец в глазах Ксандры мелькнула неуверенность, Лириэль глубоко поклонилась и потянулась в сумочку на поясе. Достав оттуда маленький зеленоватый предмет, она высоко подняла его, демонстрируя всем вокруг. Раздался шепоток, некоторые маги Шобалар распознали назначение артефакта.

"Ты удивляешь меня, дитя", холодно бросила Ксандра. "Ты, говорившая о 'честной охоте', пленила и убила свою добычу подобным образом!"

"Больше не дитя", поправила ее Лириэль. Со странной улыбкой она резко швырнула сосуд на пол.

Он разбился, с тонким печальным звуком, долго отражавшемся эхом в наступившей ошеломленной тишине — ибо перед Госпожой Магии стоял человек, и глаза его сверкали яростью. Он был вполне живым, и в одной руке его был золотой ошейник, заставлявший его подчинятся воле Ксандры.

Со скоростью, отрицавшей его возраст, человек сотворил алую светящуюся сферу и метнул ее, не в Ксандру, но в мужчину, стоявшего на страже у задней двери. Несчастный дроу разлетелся кровавыми клочьями. Прежде чем кто-либо успел вздохнуть, кусочки плоти взвились в воздух, начиная принимать иные,

жуткие формы.

А затем на долгое время все в комнате были очень заняты. Маги и жрицы Шобалар творили заклинания, воины сражались с крылатыми тварями существование которых породила смерть их собрата.

Наконец остались только Ксандра и маг, стоявшие друг напротив друга, почти вплотную, и сверкавшие неестественным сиянием, когда заклинания их встречались со скоростью и тонкостью дуэли мастеров меча. Взгляды всех присутствующих в комнате, дроу и их рабов, скрестились на смертельной схватке, и зажглись от удовольствия, с которым они дожидались ее исхода.

Наконец, одна из атак Красного Мага пробила защиту Ксандры: кровавый след как от удара кинжалом прорезал лицо дроу, от скулы до челюсти. Плоть разошлась, демонстрируя белеющую кость.

Ксандра издала вой, посрамивший всех банши, и с быстротой сделавшей бы честь любому великому воину нанесла ответный удар. Боль, отчаяние и гнев вместе вылились в магический разряд, громыхнувший на весь огромный зал.

Человеку досталась вся мощь удара. Как пущеная стрела, его дымящееся тело взмыло в воздух и назад. Он ударился в дальнюю стену почти под потолком, и сполз вниз, оставляя быстро остывавший след на камне. Дыра размером с обеденное блюдо была на месте его груди, а измятое одеяние стало слегка более яркого оттенка.

Ксандра тоже упала, полностью истощенная скоротечной схваткой, и еще более ослабленная потоком крови, щедро хлеставшей с ее разодранной щеки. Слуги дроу бросились к ней, ее сестры-жрицы собрались рядышком, шепча исцеляющие заклинания. Все это время Лириэль стояла рядом с троном, лицо ее отражало только маску циничного удовольствия, а глаза источали холод.

Когда наконец Госпожа Магии оправилась достаточно, чтобы заговорить, она заставила себя сесть, и дрожащим пальцем указала на юную волшебницу. “Как посмела ты сотворить такое!” выплюнула она. “Ритуал был осквернен!”

“Вовсе нет”, спокойно ответила Лириэль. “Ты указала, что маг может быть сражен любым оружием, по моему выбору. В качестве оружия я избрала тебя”.

И вновь абсолютная тишина окутала зал. Нарушил ее странный звук, никогда не слышанный раньше; никто и никогда не ожидал его услышать.

Матрона-мать Хинкуте’нат Алар Шобалар хохотала.

Да, конечно, звук был суховат, но в голосе матроны и в ее

багровых глазах было искреннее удовольствие.

“Это против всех законов и обычаев”, злобно начала Ксандра.

Матрона оборвала ее коротким жестом. “Требования Первой Крови исполнены”, объявила Хинкуте’нат, “ибо их предназначение — сделать из ребенка настоящую дроу. Свидетельство острого ума служит этому не хуже, чем окровавленные руки”.

Игнорируя дочь, матрона повернулась к Лириэль. “Отличная работа! Всей властью этого трона и этого дома, я объявляю тебя истинной дроу, достойной дочерью Лолт! Оставь позади свое детство, возрадуйся в темном могуществе, нашем наследии и наслаждении!”

Лириэль приняла ритуальное приветствие — не с глубоким поклоном, на сей раз, но с коротким кивком головы. Она больше не ребенок, а как благородная женщина Дома Баэнре она никогда не склоняется перед дроу меньшего ранга. Громф обучил ее всем подобным вещам, заставляя ее повторять пока она не осознала каждый оттенок и нюанс сложнейшего протокола. Он объяснил ей, что церемония означает не только окончание детства, но и полное вхождение в клан Баэнре. Все, что стояло теперь между ней и этим почетом, были ритуальные слова, которые она должна была произнести.

Но Лириэль еще не закончила. Следуя импульсу, который она лишь смутно понимала, она пересекла возвышение к бессильно сидевшей Ксандре, хмуро предавшейся в руки жриц Дома.

Лириэль наклонилась, чтобы посмотреть глаза в глаза своей бывшей учительнице. Она медленно подняла руку, и мягко дотронулась до подбородка старшей дроу — редкий жест, который иногда использовали чтобы успокоить или погладить ребенка, а чаще чтобы привлечь его внимание, перед выдачей распоряжений. Едва ли Ксандра, чей разум затуманивала боль, поняла значение жеста своей недавней ученицы, но видимо бессознательно она почувствовала его. Вздрогнув, она отдернулась от прикосновения Лириэль, и глаза ее вновь наполнились бешенством.

Девушка только улыбнулась. Затем она неожиданно провела по изуродованной щеке Ксандры, собрав в ладони немного крови, покрывавшей лицо волшебницы.

Одним быстрым движением, Лириэль вскочила на ноги и развернулась к наблюдавшей матроне. Она тщательно размазала кровь Ксандры по обеим ладоням, а затем предъявила их Матроне Хинкуте’нат.

“Ритуал выполнен; я больше не ребенок — я дроу”, объявила Лириэль.

Тишина последовавшая за ее словами была долгой и неспокойной, ибо значение ее действий вышло далеко за пределы привычного и обыкновенного.

Наконец Матрона Хинкуте'нат склонила голову — но не в ожидавшемся знаке завершения. Матриарх Шобалар добавила тонкие различия, превращавшие жест повелительницы в приветствие равных. Это была редкая честь, но еще реже было одобрительное понимание — и искреннее уважение — в паучьих глазах женщины.

Все это для юной дроу было весьма ироничным. Хотя Хинкуте'нат очевидно пришелся по нраву заключительный жест Лириэль, сама она не понимала, почему сделала то, что сделала.

Вопрос этот мучил Лириэль в ходе празднования, традиционно сопровождавшего завершение церемонии взросления. Спектакль, который она обеспечила для своей Первой Крови доставил удовольствие дроу, и празднование было необыкновенно воодушевленным и долгим. Сама она, на сей раз, приступила к развлечениям без своего обычного энтузиазма, и совсем не была огорчена, когда колокольчик возвестил об окончании ночи.

Глава 8. Дочь своего отца

Вызов из Нарбонделлина пришел в начале следующего дня. На сей раз, Громф Баэнре приказал упаковать все вещи Лириэль, и отослать вслед за ней.

Юная дроу восприняла эту новость спокойно. На самом деле, Лириэль не жалела о том, что покидает Дом Шобалар. Возможно, она не осознала до конца все значение собственной церемонии Первой Крови, но точно знала, что не может дольше оставаться поблизости от Ксандры Шобалар.

Прием в особняке архимага Лириэль встретила примерно такой, какой и ожидала. Слуги встретили ее, и провели в предназначенные ей покои — небольшие, но роскошно оформленные, а главное, с отличной библиотекой магических книг и свитков. Отец явно желал, чтобы она продолжила изучение магии. Однако самого Громфа она не встретила, и самое большое, что могли ей предложить слуги, это уверить Лириэль, что архимаг пошлет за ней когда пожелает ее видеть.

Так и получилось, что новоиспеченная дроу провела свой первый цикл в одиночестве, которое она предчувствовала для многих будущих дней и ночей. Лириэль обнаружила, что оставаться одной болезненно трудно, и безмолвные часы тянулись бесконечно.

Как ни странно, Лириэль меньше гордилась собой, чем могла бы. Она жива, прошла тест Первой Крови, отомстила Ксандре Шобалар за предательство публичным унижением… даже нашла способ уклониться от убийства человека.

Почему же она чувствует его кровь на своих руках, так же ясно как если бы она сама вырвала у него из груди сердце? И что за сожаление было глубоко в ее душе, что за странное смирение? Хотя она не могла подобрать название для этого чувства, Лириэль подозревала что оно всегда будет отбрасывать тень на ее жизнерадостный дух.

Часы шли, и вновь темный час опустился на Мензоберранзан. Именно тогда ее наконец потревожили: слуга попросил Лириэль одеться и ожидать архимага в его кабинете.

Неожиданно у Лириэль пропало желание увидеть отца. Что скажет Громф о ее неортодоксальном подходе к охоте и церемонии Первой Крови? За три дня приготовлений архимаг не раз высказывал обеспокоенность ее мудростью и амбициями, говоря что она слишком беззаботна и доверчива, указывая на странные черты в ее характере. Она подозревала, что все происшедшее ему не понравится.

Лириэль как ей указали поторопилась в отцовские покои. Ждать ей пришлось недолго, вскоре появился Громф, все в том же великолепном лоснящемся пивафви, хранящем арсенал магического оружия, который свидетельствовал о его могуществе и высоком статусе. Архимаг отреагировал на ее присутствие коротким кивком, и уселся за стол.

“Я слышал, что произошло на твоей церемонии”, начал он.

“Ритуал был исполнен”, честно — и немного защищающимся тоном — ответила Лириэль. “Пусть я и не пролила крови, но Матрона Хинкуте’нат одобрила мои действия!”

“Не просто одобрила”, сухо сказал архимаг. “Матрона Шобалар немало впечатлена ими и тобой. Что более важно, и я тоже”.

Лириэль молча поглощала это. Неожиданно она выпалила, “Да, но я хотела бы понять, почему!”

Громф задрал одну бровь. “Ты должна бы научится говорить с меньшей искренностью”, посоветовал он. “Но на сей раз ничего страшного. Собственно, твои слова только подтвердили мои подозрения: ты действовала частично по плану, но частично ведомая инстинктом. Это очень неплохо”.

“Значит, ты не сердишся?” уточнила Лириэль. Встретившись с вопросительным взглядом архимага, она добавила: “Я думала, ты будешь в ярости, когда узнаешь что я не убила человека”.

Громф замолчал надолго. “Ты сделала нечто более важное: ты выполнила и букву и дух ритуала Первой Крови, на самых тонких уровнях, и это делает честь тебе и твоему дому. Маг-человек мертв — но это всего лишь необходимая формальность. Использовать Ксандру Шобалар как орудие было отличной находкой. Но обмыть руки в ее крови, это было поистине великолепно!”

“Благодарю”, сказала Лириэль, столь мрачно, что это вызвало удивленное хмыкание архимага.

“Ты все еще не понимаешь. Ну что же, я объясню прямо. Человек-маг никогда не был твоим врагом; Ксандра Шобалар была твоим врагом! Ты поняла это, повернула ее же коварство против нее, и объявила победу по крови. И сделав это, ты доказала что понимаешь, что значит быть дроу”.

“Но я не убила”, задумчиво сказала Лириэль. “Почему же тогда, хоть я и не убивала, я чувствую себя как если бы сделала это?”

“Ты не пролила крови, но ритуал тем не менее закончился как и должен был”, заметил архимаг.

Лириэль обдумала это, и неожиданно осознала что слова отца верны. Ее невинность ушла, но гордость и власть,

предательство, интриги, выживание, победа — все это она знала теперь очень хорошо.

“Истинная дроу”, повторила она, голосом на девять частей состоящем из триумфа а на одну из сожаления. Она глубоко вздохнула и посмотрела в глаза Громфа — как в зеркало.

На кратчайшее мгновение Лириэль заметила искорку острой печали в глазах архимага, как отблеск золота сверкнувший сквозь толстый слой льда. Она появилась и ушла столь быстро, что Лириэль сомневалась, ощутил ли ее сам Громф; в конце концов, семь столетий холодного и расчетливого зла лежали меж ним и его собственным ритуалом взросления. Даже если он еще помнил это чувство, он уже не мог дотянуться в свою душу, и испытать его. Лириэль поняла, и наконец смогла найти имя для этого последнего элемента, определявшего настоящую дроу.

Тоска.

“Поздравляю”, сказал архимаг голосом, оттененным подсознательной иронией.

“Благодарю тебя”, ответила ему дочь.

МОРЕ ПРИЗРАКОВ — Роджер Е. Мур

Катастрофа, случившаяся вечером, прошла незамеченной для всех обитателей Восточного Шаара, услышавших только дребезжание посуды на деревянных полках или заметивших беспокойство лошадей у коновязи. Охотник опустил лук и прислушался к гулу, спугнувшему его добычу. Волшебница в каменной башне нахмурилась, отвлеченная от старинного тома дрожью, заставившей танцевать пламя свечей в комнате. Старый пастух, сидевший на скале сложив ноги крест-накрест, оторвался от флейты, которую он только что вырезал, удивленный отдаленным громом в пустом алеющем небе. Солнце опускалось за горизонт.

Часом позже все забыли о происшедшем.

Далеко под спокойными равнинами Восточного Шаара, невидимый восходящей луне, лежал бескрайний лабиринт коридоров и пыльных залов. Подземная река текла сквозь этот удивительный край, по прорезанному сквозь тысячи миль холодной скалы руслу. Дварфы, столетиями наносившие на карту ее сумрачные изгибы и повороты, постепенно опускающиеся сквозь слои камня к неведомой цели, называли ее Раурог.

Осторожные дварфы медленно исследовали течение реки, обнаруживали водовороты, низкие потолки, быстрины, хищных изумрудных слизней и других невообразимых тварей, приветствовавших разнообразие в их диете из слепой полупрозрачной рыбы. Глупые дварфы отправлялись в путь на тяжелых плотах, с магическими огнями вдоль бортов, стремясь побыстрее вырвать у реки ее секреты. Четверо из пяти осторожных дварфов возвращались домой со своими отчетами; лишь один из трех глупых дварфов мог поступить так же. Осторожные дварфы рисовали надежные карты. Глупые дварфы давали жизнь легендам.

Именно глупый дварф, усталый и вымокший, возвратившись накануне, принес вести о Провале, которым заканчивался Раурог, забравшей восьмерых его спутников и их плот. Наверняка она уже забрала множество плотов и до него. Другие дварфы вскоре пробили проход из недалекой пещеры к Провалу, где они смогли отложить свои инструменты и насладится зрелищем. Длинный тоннель, созданный Раурогом переходил в титанический купол, окрашенный разнообразными оттенками розового цвета. Тысячи длинных сталактитов свисали с купола как алмазные люстры в императорском дворце. Древний обрыв, больше двух сотен футов в ширину, уходил в никуда. Ни звука не поднималось из черных

глубин, чтобы указать, что падающая вода нашла его дно.

Завидев уступ, ведущий в пропасть, глупый дварф вскоре осторожно полз на четвереньках, волоча за собой короткий посох на который было наложено заклинание свечения. Сперва посмотрев вверх, он заметил, что между сверкающими формациями на потолке пролегала плотная сеть узких трещин, чем-то похожая на грубую паутину. Большинство трещин заполняли минеральные образования, но причина все равно была очевидна. Купол пещеры начинал отделятся от скалы над ним.

Дварф быстро оценил, что лишь через столетия тяготение завершит здесь свою работу, и больше не беспокоился об этом.

Затем он наклонился над обрывом, вытянув светящуюся палку, и вгляделся вниз, в бездну. Любопытство преодолело рассудительность, он бросил вниз зачарованный посох и наблюдал за его падением, пока он не стал бледным мерцанием, наконец угасшим. Он потерял счет времени, дожидаясь окончания падения; глубина в которую он всматривался была неимоверна. Дварф вернулся к своим спутникам, и они решили что стоит покинуть это место побыстрее, на случай если вторгнувшийся на такую глубину свет побудит какое-либо малоприятное создание в пропасти подняться наверх и отыскать его источник. Все прошло благополучно, и их это только радовало, но легенда о Провале распространялась и околдовывала многих услышавших ее дварфов.

Очень скоро сотни дварфов покинули перенаселенные пещеры Сверкающих Глубин, несогласные с местными налогами, и высекли себе новые дома недалеко от гигантского купола. Грубые сети раскинутые в реке ловили слепую рыбу и моллюсков в пищу. Отходы и мусор сбрасывались в боковые проходы, где культивировались грибы, съедобные и используемые для приготовления зелий. Золотистые магические огни наполняли колонию Зала Раурога, как вскоре стали называть деревню, но все источники света аккуратно прикрывали от обрыва, чтобы не потревожить неизвестных обитателей бездны. Окружающие скалы были надежны, с местными хищниками вскоре расправились, а добыча в реке была бесконечна. Семнадцать лет и еще сто и двадцать дней жизнь была хороша.

* * * * *

Дерро ждал Викара на уговоренном месте, тихонько поигрывая длинным ножом среди голубого сияния грибов.

Викар замер, не шевеля ни единым мускулом, как только,

войдя в залитую голубым светом пещеру, увидел дерро. Сгорбленный гном напряг все чувства, осторожно проверяя окрестности, ища, не привел ли неразумно Геппо с собой приятелей, прячущихся в укрытиях этого сада светящихся грибов, но не обнаружил ничего подозрительного. Тем не менее, он держал руки свободными, в любой момент готовый выхватить из одежды, пояса или обуви требуемое оружие.

Геппо тоже заметил глубинного гнома, но не казался встревоженным. Сосредоточено склонившись над своим ножом, он покосился на пришельца сквозь густые бледные брови. По тонким губам расползлась улыбка. С кожей белой и грязной как шляпка гриба, Геппо во сне мог запросто сойти за труп истинного дварфа. В больших, млечного цвета глазах виднелись черные точки зрачков, маленькие отверстия во влажных белых камнях. Исхудалое лицо обрамляли длинные спутанные волосы грязно-желтого оттенка. Неухоженная борода и усы скрывали впалые щеки и узкую нижнюю челюсть.

Даже при том, что Геппо был на голову выше трехфутового гнома, он выглядел куда слабее его. Дерро не успел нарастить себе достаточно плоти после долгого сурового времени, проведенного в рабстве у дроу. Не считая новой одежды и нескольких, явно подобранных или сворованных инструментов и оружия, он казался точь-в-точь таким же, как был во времена их с Викаром плена. Слабый голубоватый свет, исходящий от грибов добавлял дерро ауру призрачности, словно он только-только покинул собственную могилу.

Геппо носил неяркую, грязную тунику из грубой ткани, под которой вырисовывалось какое-то еще более темное одеяние. Викар решил, что он носит доспехи из кожи или шкур. Изящный черный пояс со множеством маленьких кармашков и сумочек тонко обтягивал его тощую фигуру. Похоже было на вещь дроу, но едва ли дерро подобрал ее с тел одного из их прежних хозяев. Подземье хранило останки множества разрушенных планов и мечтаний, здесь можно было найти все что угодно, если только знать, где смотреть.

Наконец Геппо отвел взгляд. Он вновь провел острием своего длинного ножа по пересеченной шрамом ладони правой руки. “Опоздал”, проворчал он голосом грубым как обломок скалы.

Викар видел рукоять оружия, лежащего в пределах досягаемости левой руки Геппо, почти скрытого за неровным краем гриба. Сгорбленный гном шагнул ближе, двигаясь медленно и спокойно. Вроде бы арбалет, маленький двухзарядный вариант который предпочитают дроу — удачная находка. В десяти футах от Геппо Викар присел, упершись

локтями в бедра и покачивая руками. “Дом далеко”, ответил он.

Геппо коротко фыркнул, будто распознав ложь. Подняв клинок, он смерил взглядом блестящее лезвие, затем осторожно вернул его в грубые ножны на поясе. Затем его тонкие руки улеглись на колени, свесив ладони. Бросив взгляд мимо Викара он кивнул. “Один”, одобрительно проскрипел он.

“Один”, согласился Викар. Он не обнаружил ни тепла кроме как от Геппо, ни звука кроме дыхания Геппо, не почувствовал ничего кроме землистого аромата светящихся грибов и кислого запаха немытого тела, исходившего от дерро. Они что, никогда не моются? Хищники Подземья должны с легкостью отыскивать их; не удивительно что дерро так склонны к паранойе.

Геппо кивнул, и вроде бы расслабился. Потянувшись он осторожно отломил краешек от близлежащего гриба. Взяв губами светящийся кусочек он стал жевать.

Викар заметил почерневшие зубы сквозь лес грязных усов. Гном сглотнул, скрывая отвращение. Он никогда не касался светящихся грибов, тем более не ел их: многие разновидности были ядовиты. Геппо же ел с удовольствием грибы любого сорта. Дроу ему ничего больше не давали.

Викар не стал заострять эту тему. Медленно дыша он оглядел дерро. “Я был удивлен увидев здесь тебя”, сказал он наконец. “Я не знал, сможешь ли ты далеко уйти после…”

Дерро улыбнулся с видом испорченного ребенка, которого распирает гордость. “Удивлен ты, удивлен Геппо”, сказал он. “Ты бежишь много, идешь много? Ты силен, а Геппо… ммм, нет. Не силен”. Он вытянул тонкие руки и повернул их, покачивая головой и нерадостно хмурясь. “Не силен, а? Очень болен, очень”. Руки его упали, он пожал плечами, затем наклонился вперед, уставясь в холодные серые глаза Викара с ухмылкой на изможденном лице. “Да”, прошептал он, сузив белые глаза. “Геппо очень болен, но” — его голос упал еще ниже, будто сообщая маленький секрет. “Эти смеющиеся — они больны еще сильней теперь, а?”

Он отодвинулся, прежде чем Викар смог ответить. “Смеющиеся теперь больны”, повторил он с быстрым кивком. “Куда сильнее чем *Геппо*”. Дерро стукнул себя в грудь костлявым кулаком произнося свое имя.

Щека Викара дернулась, когда он кивнул в ответ, вспоминая. “Очень больны”, сказал он тихо, и вздрогнул, хотя было совсем не холодно.

Ухмылка Геппо исчезла. Через мгновение он снова кивнул и сделал презрительный жест. “Смеющиеся больше не смеются — отлично. Ты сказал, увидимся здесь, потом побежал. Теперь

пришел сюда". Он остановился в ожидании.

Глубинный гном вгляделся в белые глаза дерро. Может сработать, подумал он. Он все еще такой же, во всяком случае внешне. И если он все еще старый Геппо, действительно может получиться.

Викар сглотнул. Он чувствовал, что сейчас должен говорить только правду. Попасться на лжи в чем-то важном — это может привести к серьезным неприятностям, в особенности с дерро — даже этим.

"Когда мы… бежали, мы оставили кое-какие незаконченные дела", начал он, не высказывая никакой пренебрежительности к дерро. Несмотря на свое косноязычие, Геппо был неглуп, и вникал во все сказанное ему. Наверно, одна из способностей дерро, считал Викар. "Я пришел сюда, потому что хочу довершить все. И мне нужна твоя помощь", Викар запнулся, но рискнул немного уклониться от правды. "Я обещаю, что ты получишь достойную награду за любую помощь".

Дерро снова улыбнулся, но Викару в глаза не посмотрел. "А", сказал он небрежно. Казалось, он это предвидел. Глубоко вдохнув, он потянулся левой рукой к горлу и мягко потер кожу. "Нужна по…" начал он, но неожиданно голос его прервался. Он кашлянул, попытался прочистить горло, и снова начал кашлять, морщась от боли.

Викар не видел шею Геппо сквозь его неухоженную бороду, но сомневался, что старые раны его залечены. Молодой дроу, любитель развлечений, пытался шутки ради придушить его, используя длинную тонкую металлическую проволоку. Гном подождал, пока Геппо придет в себя, раздумывая, не попала ли в раны зараза от всей этой грязи на волосах и коже дерро. Ничего удивительного, если так и случилось.

Дерро сделал рукой извиняющееся движение — чему научился от Викара за время их рабства — и указал на гнома. "Ты", слабо прохрипел он. Большие уши Викара еле-еле разбирали с трудом выговариваемые слова. "Ты говори мне, что надо, а?"

"Да", сказал Викар. Пора было переходить к делу, и увидеть что случится. Он подумал о дротиках с кристаллическими наконечниками припрятанными в одежде, и о том, с какой скоростью он успеет потянуться к ним если все пойдет плохо — то есть, если Геппо вдруг вернется к обычному для дерро поведению, и попытается угрожать ему или убить. "Я вернулся из-за того яйца", сказал он. "Я хочу его уничтожить, и мне надо чтобы кто-то помог мне. Ты получишь все золото и камни что мы найдем, но я хочу увидеть как яйцо будет уничтожено. Это все что

мне нужно". Это, и смерть всех живущих дроу, но я ведь могу быть сговорчивым, подумал он.

Дерро выпрямился и удивленно посмотрел на Викара. "Яйцо?" переспросил он, и его глаза стали еще больше. "Ты хочешь большое яйцо в сундуке, нет —?" Он неверяще помотал головой, и ни говоря больше ни слова уставился на гнома. Затем решившись он пожал плечами, глаза его неожиданно сузились, он явно задумался над чем-то другим. Похоже, он действительно рассматривал предложение, почти без спора. Прошло несколько минут. Викар ждал терпеливо, готовясь к любому повороту событий.

Геппо вновь придвинулся вперед, рассеянно пробегая руками по бороде. Он бросил Викару мрачноватую улыбку. "Золото и камни", сказал он более уверенным голосом. "Золото и камни хорошо для Геппо, да, всегда хорошо. Но яйцо…" Нахмурился, потянул за всклокоченную бороду и торжественно кивнул, словно оборванный король, одобряющий план подданного. "Яйцо не для Геппо. Яйцо, ты его разбей. Ты разобьешь яйцо, да. Но… "

Дерро поднял костистый палец. "Ты придумал хороший план для нас, достать золото и камни, разбить яйцо, а? Ты не увидишь Геппо, если нет плана, или плохой план. Ты много думаешь, а? Отлично, отлично, думай много. Геппо возьмет камни, золото — поможет тебе разбить яйцо". Палец опустился, указывая на голову Викара. "Ты сперва скажешь Геппо хороший план, потом все идем, ты бьешь яйцо".

Викар сделал паузу и начал: "У меня есть план, но я должен пока держать его в секрете. Тебе придется пойти со мной, и довериться, что я знаю, что делаю". Голос его почти сорвался на мгновение — я не должен показывать слабость, напомнил он себе — но он смог собраться и продолжить. "Мы должны вернуться в место, где золото — где золото и яйцо, если они еще там, я скажу тебе, как мы достанем сокровище и уничтожим яйцо. Все что я прошу от тебя кроме этого, чтобы мы присмотрели друг за другом на пути туда и обратно".

Геппо скептически заворчал, явно неудовлетворенный. "Не скажешь Геппо план? Держишь план в секрете?" Он сжал губы и покачал головой. "Не хорошо", пробормотал он, смерив гнома взглядом. Затем, к удивлению Викара, он пожал плечами, будто это не имело никакого значения. "Геппо идет. Геппо берет золото, ты яйцо — если золото и яйцо не исчезли, ты говорил. Мы … присмотрим друг за другом, а". Он снова улыбнулся своей странной улыбкой, мягко хлопнул ладонями, скрепляя соглашение. "Мы сделаем".

Викар моргнул. Он не ожидал от дерро такой быстрой и

легкой капитуляции. Викар готовился спорить, упрашивать, блефовать, угрожать, клясться, даже предложить немного сокровищ вперед, отдав несколько небольших рубинов, спрятанных в жилете и поясе. Сговорчивость Геппо была почти ошеломляющей. Дерро были столь переполнены жадностью и амбициями, что никто не ждал от них ничего хорошего.

С другой стороны, Викар был в плену вместе с Геппо почти две сотни снов, не так долго в жизни глубинного гнома, но достаточно, чтобы познакомиться с большинством странностей дерро. И странности Геппо явно намекали, что он не нормальный дерро.

В первую очередь, Геппо никогда не лгал. Он преувеличивал немного, временами, но не лгал. Геппо был также довольно разговорчив. Даже после того, как молодой дроу попытался придушить его, он частенько распространялся насчет того, как он голоден, что бы сделал с этими дроу его отец, или высказывал свою точку зрения насчет привычек и поведения жрицы дроу, которой принадлежали Викар и Геппо. Что наиболее странно для дерро, Геппо никогда не пытался угрожать Викару больше чем словесно, когда они хватались за гниющие огрызки, которые кидала в тесный каменный мешок их владелица. Геппо не прибегал к насилию до того мгновения, когда им представился шанс на побег. И даже тогда оно было направлено только на их врагов.

Викара озадачивало подобное поведение, притом, что любой другой дерро проявлял себя гораздо хуже. Единственной причиной, по которой он, поддавшись импульсу, попросил дерро встретиться с ним, и позвал присоединиться к его походу, было внутреннее ощущение, что Геппо будет достаточно уступчив, чтобы примириться с необычными требованиями. Возможно, Геппо собирался надуть Викара, играя роль партнера и замышляя предательство, но Викару так не казалось.

Каждому герою в Подземье нужен дурак, который его спасет. Как это верно.

Викар глубоко вдохнул. Оставалось последнее. Конечно, никакой гарантии это не давало, но Викар всегда верил в необходимость наличия контрактов. Изредка может даже попасться кто-либо, кто действительно верит в необходимость соблюдать их.

Викар потянулся к ножнам, и вытащил свой длинный клинок, медленно и осторожно, заметив как потянулся к собственному ножу Геппо. Полированный металл оружия отблескивал алым от защитных масел, и сверкал даже в неярком грибном свете. Клинок работы золотых дварфов, сделан очень давно и далеко

отсюда. Рукоятью служила желтая кость ящерицы-минотавра, с каждой стороны было вставлено по маленькому, но без изъянов рубину. Викар перехватил длинный, тяжелый кинжал за кончик, осторожно, чтобы не порезаться, и положил его на землю, рукоятью к дерро. Геппо посмотрел вниз, все еще держась за рукоять своего ножа.

“Мы должны поменяться оружием”, сказал Викар. “Пока у каждого из нас клинок партнера, мы не должны убивать друг друга или причинять вред. Ты и я, мы оба должны поклясться в этом перед всеми богами. Потом мы пойдем вместе, и сделаем то, что должны”.

Геппо уставился на оружие Викара, раскрыв рот от удивления. Несколько раз он переводил взгляд на глубинного гнома, прикусил губу и наконец медленно принял решение. Он вытянул свой кинжал из старых ножен и мягко бросил его, так что тот приземлился на камень рядом с ножом Викара, рукоятью к гному. В тусклом свете Викар видел, что оружие дерро старо, и немало послужило своим хозяевам — наверняка он подобрал его с тела в Подземье. Что-то темное прилипло к стали клинка, на которой заметны были следы ржавчины. Рукоять, когда-то тонкой и дорогой работы, сейчас была полуразрушена, а кончик клинка отломлен. Но иззубренное лезвие было острым и сверкающим — наверно, даже поострей чем клинок Викара. Дерро знал как обращаться с точильным камнем.

Дерро ждал, с любопытством и неуверенностью. Викар заметил, что бледный дварф держит одну руку поблизости от арбалета. Ну, этого можно было ожидать. Подобное действие было новым для них обоих. Глубинный гном прикоснулся ко лбу, носу, правому уху и сердцу, затем осторожно назвал имена пяти божеств и их сферы интересов в гномьей жизни. Ничто из этого не было правдой, но дерро-то откуда знать. Теперь ожидал гном.

Облизнув губы, Геппо пробормотал короткую фразу на гортанном языке, неотрывно смотря на клинки. Викар знал обрывки многих языков Подземья, в том числе и дерро, но тут распознал лишь пару слов: *банда* — отец, *горин* — клятва. Закончив, дерро остановился, на лице его все еще была неуверенность, и посмотрел на Викара. Гном кивнул, как бы принимая клятву, и не показывая своих истинных мыслей по этому поводу. Из того, что он понял, с тем же успехом дерро мог только, что поклясться на крови убить гнома как крысу. Не важно. Клятвы купили им немного времени мира, а в этом и была суть идеи.

По кивку Викара, он и дерро оба потянулись вниз и подобрали оружие друг друга. Одновременно в разуме Викара

нарисовалась четкая картина как он мог бы схватить свой собственный нож первым, и мгновенно перерезать мускулы на белой руке дерро; затем он ударит прямо в лицо, и навсегда оборвет жизнь этого жалкого существа. Картина была такой ясной и чистой, что Викар инстинктивно поверил, что и дерро сейчас думает точно о том же.

Но это был Геппо, странный Геппо, который никогда не лгал — не настоящий враг-дерро. Викар легко отбросил прочь мысли о предательстве. Нужно было многое сделать, и дерро был ему отчаянно нужен. Если произойдет предательство, пусть уж его попытается совершить дерро — по крайней мере, в настоящий момент он считал так.

Тонкая белая рука, и маленькая, но жилистая серая тихо подняли чужое оружие. Каждый из двух осмотрел клинок партнера, затем осторожно убрал его в ножны и проверил как он входит. Договор заключен, чего бы он не стоил на самом деле.

“Пора идти”, сказал Викар.

* * * * *

Семнадцать лет и сто двадцать дней прошло под золотым сиянием Зала Раурога, далеко вверху, над гномом и дерро, и мир его пришел к концу. Рыбачка, чинившая сеть на берегу реки, услышала первый треск сдвигающейся и разваливающейся скалы.

Она ошеломленно застыла на месте, затем бросила сеть и припала к земле, приложив ухо и затаив дыхание. Даже сквозь рев водопада, и дрожь создаваемую потоком в скале, в камне слышно было пощелкивание и постукивание. И воздух над скалой приобрел новый запах, запах ломающегося камня и молнии, который никогда раньше не ощущала женщина, но часто слышала в жутких старых историях. Она неуклюже вскочила на ноги, и подбежав схватила острогу с железным наконечником, лежавшую рядом с металлическим горшком.

Прочие дварфы Зала Раурога прекратили работу, и неуверенно оглядывались в поисках источника резкого треска, доносившегося со всех сторон. Затем к нему примешались ритмичные звуки удара металла о металл. Некоторые дварфы узнали старинный сигнал и подняли тревогу. Другие услышали, и как один отбросили инструменты в поднимающейся панике, быстро пробуждая тех, кто еще спал. Без задержки сотня дварфов укрылась по углам или под узкими дверными проемами, тесно прижавшись спинами к камню, сжав зубы в напряженном ожидании. Запах ломающегося камня был повсюду; беда

надвигалась. Губы дварфов шевелились, посылая молитвы древним богам их народа. Еще секунды, и грянуло землетрясение.

* * * * *

Сад светящихся грибов пришел на ум Викару, когда он попросил Геппо встретится с ним позже, после их неожиданного бегства от дроу. Сад был довольно близко к Морю Призраков, где находились золото, яйцо и их прежние хозяева, и добраться к нему можно было только через узкий высокий тоннель, невидимый из главной пещеры известной как Старый Речной Путь. Викар нахмурился, вспомнив, что и пленили его примерно в миле по коридору, когда он был в пути к саду, обнаруженному им еще в юности. Тихие темные эльфы доставили его в маленький анклав дроу, примерно в трех снах быстрого марша. Маловероятно, что дроу знали о саде; они никогда не упоминали его.

Теперь Викар быстро спускался с помощью веревки по грубой стене, с тоннеля, ведущего к саду. Наконец опустившись на песчаный пол Старого Речного Пути, Викар отступил назад и огляделся, ища опасность. Никаких новых запахов и звуков, никаких изменений в окружающей обстановке — отлично. Светящиеся грибы отбрасывали слабое зеленоватое сияние с потолка. Когда-то, много тысяч снов назад, по широкому залу текла река, но кто-то изменил направление потока, создав при этом Море Призраков. Затем, спустя множество королевств, войн и убийств, кто-то еще отвел воды от великого моря, и оно медленно высыхает с тех пор сквозь трещины в ложе и стенах. Еще через множество снов, Море Призраков само станет призраком, гигантская сухая пещера, тянущаяся на многие мили, и рыбы-альбиносы, и более жуткие твари, будут устилать черную поверхность дна. Интересно будет взглянуть тогда, как много костей — и чьих — скрывало море эти долгие годы.

Когда дерро спустился с грибного сада, и они смотали веревку, Викар повел их к месту назначения. Геппо спокойно следовал в дюжине шагов позади, молча и явно игнорируя смертельно опасное преимущество, которое его нынешняя позиция давала над гномом. Вместо этого, он попробовал баланс гномьего клинка, немного попрактиковался с ударами, затем вернул его в ножны и приготовил арбалет. После этого он принялся следить за стенами и потолком, на ходу ища возможные цели. Гном видел все это, и мысленно похлопал себя по спине. Возможно, Геппо все же будет верен контракту. Он несомненно

странный парень.

Викар шел уверенно, не слишком беспокоясь о шансе получить удар или выстрел в спину. Он уже давно, в других обстоятельствах, подготовился к этому, и не сомневался в своей защищенности. И все же, он будет очень разочарован, если Геппо вдруг окажется предателем. Ему не хочется убивать Геппо, даже при том, что тот всего лишь дерро.

Мысли гнома свободно плыли. Во времена их рабства, Геппо никогда не говорил о своем прошлом, или о том, как он оказался в рабстве у дроу, где он похоже провел много тысяч снов. Иногда он упоминал отца, но каждый раз как могущественную фигуру, всегда в прошедшем времени и с оттенком чего-то странного, что Викар никак не мог понять. Викар в конце концов попытался расспросить Геппо насчет отца, но все его вопросы встречались молчанием, загадочным пожатием плеч или сменой темы.

Вновь темнело; в этой части туннеля не росли светящиеся грибы. Глубинный гном пошире распахнул жилет, чтобы легче было дотянуться до кристальных дротиков, продетых в петли на его кожаной броне. Когда слабый свет почти угас, он осторожно потянул гибкую левую перчатку с пояса, одел ее, и достал из толстого мешочка тепловой камень. Он поднял его повыше, проверяя. Тепловое излучение магического камня ярко отражалось от окружающих скал, освещая их на куда большее расстояние, чем Викар мог метнуть свой боевой дротик. Сверхчувствительные глаза гнома легко видели в инфракрасном диапазоне; для него было светло как от факела, но любое существо без инфразрения оказалось бы в полной темноте.

Викар оглянулся, и увидел что Геппо щурится, но тем не менее идет достаточно быстро по камням и песку. Глаза дерро, как слышал Викар, плохо приспособились к тепловому зрению; они могли видеть примерно на расстояние детского броска камешка. Совсем не плохо, учитывая их прочие недостатки.

Раздумья вновь одолели Викара, пока они шли по дороге к Морю Призраков. Будь Геппо истинной личностью, другим свирфнебли, думал Викар, они бы обнялись и плакали от радости в том светящемся саду. Он помотал головой. Нет, не так. Мы бы никогда не расстались после бегства. Мы были бы неразделимы. Будто боги решили посмеяться надо мной. Если бы не нужно было избавиться от этого яйца…

Глубинный гном оборвал себя. Избавиться надо было в первую очередь от подобных мыслей. Ничего хорошего из них выйти не могло. Его размышления не способствовали разговору во время путешествия, но это было к лучшему. Они были на большом, открытом участке, и чем тише они себя вели, тем

больше могли прожить. Шли часы. Они отдохнули и быстро перекусили, ни разу не останавливаясь надолго.

Викар медитировал на негативных аспектах его плана по отысканию и уничтожению яйца, когда он услышал как дерро прокашлялся и прошептал: “Ты здесь близко к дому, а?”

Гном замедлил ход, и подождал Геппо, одновременно жестом прося его говорить потише. Они зашагали рядом, бок о бок на расстоянии всего в нескольких ярдов. Викар решил, что может позволить себе немного поговорить со странным дерро; они были все еще в двух часах от бокового тоннеля к морю.

“Нет”, честно ответил Викар, затем подумал и добавил, “Пришлось бежать, чтобы успеть туда и обратно вовремя. Не хотел опоздать”.

Геппо промолчал.

Викар покосился на него, и решил рискнуть. “А твой дом где-то поблизости?” спросил он.

Геппо странно посмотрел на него и отвернулся, пожав плечами. Викар уже сотни раз видел этот жест.

“Ну, ты же спросил меня”, сказал Викар. “Что ты делал, когда я ушел? Ты не нашел своих?”

Геппо вновь пожал плечами. “Был здесь, в голубой пещере с едой. Точил меч, ел, спал, ждал тебя”.

Викар удивленно посмотрел на бывшего изодранного раба. “Ты и впрямь просто оставался здесь?”

Дерро махнул рукой в воздухе, будто отгоняя насекомое, но не ответил.

Викар фыркнул и потер свой большой нос. “Я думал, ты вернешься домой, встретишься с отцом и семьей. Может, поведешь отряд убить нескольких дроу. В общем, развлечешься”.

Дерро нахмурился и качнул головой. Он глубоко вдохнул, собираясь с силами, затем выдохнул и пожал плечами. “Нет ничего… нечего делать”, выдавил он наконец.

Викар хмыкнул без всякого веселья. “Ты говоришь, ты оставался здесь десять снов и ничего не делал, только ждал меня”, переспросил он. “Нет, не отмахивайся. Скажи мне. Где же ты достал арбалет и одежду?”

Геппо бросил на гнома быстрый взгляд и облизнул губы. “Мертвые”, сказал он тихо. “Мертвые от боя, давнего, близко к голубой пещере с едой. Геппо нашел их, нашел вещи”.

Викар кивнул. Ничего позорного нет в том, чтобы обыскать забытое тело. Такова была стандартная практика, если ты один и должен использовать любые возможности. Конечно, считалось подобающим помолиться за духи мертвецов, иногда даже поблагодарить их за “дары”, но это уже зависело от нашедшего.

“Два мертвых дроу”, продолжил Геппо. “Один дварф. Два… два гнома”.

Глубинный гном моргнул, и уставился на дерро совсем по иному. “Два гнома — таких как я?” спросил он холодно и резко.

Дерро казался напуганным, хотя трудно было об этом судить. Он кивнул, не смотря на Викара. Затем замедлил шаг, пытаясь вновь укрыться за спиной Викара, арбалет его будто от стыда смотрел в землю.

Викар позволил это, предварительно окинув его смертоносным взглядом. Этот белый уродец грабил мертвых свирфнебли? Викар шел, в ярости не обращая внимания на дерро. Он обернулся только однажды, и увидел как дерро отворачивается в сторону, будто его чуть не поймали смотрящим на гнома.

Только через полчаса Викар смог взять себя в руки. Он должен был забыть об этом. В конце концов, он и сам проделывал такое с мертвым свирфнебли, так почему же дерро не должен? И все же, это что-то значило для него, однако смысла углубляться в тему не было. Викар заставил себя вернуться к наблюдению за окрестностями.

Пейзаж вокруг был не слишком интересен. Легионы прошлых посетителей подобрали все хоть сколь либо ценное, а следы жира с их рук и ног замедляли рост новых минеральных образований. Широкий овальный в разрезе тоннель был однообразен, и хотя он был вполне пригоден в качестве дороги, использовали его сейчас редко. Образование Моря Призраков привело в эти места куо-тоа, существ похожих на рыб с двумя ногами, и их присутствие многих заставляло обходить Старый Речной Путь и окрестности стороной. Викар ожидал, что скоро они встретятся с ними, но его инфразрение было куда лучше их, — он увидит их первым. Он не сомневался, что и воинское мастерство его куда выше, чем у куо-тоа. Они были довольно посредственными бойцами, правда довольно большими и следовательно трудноубиваемыми.

Старые куо-тоа частенько были покрыты боевыми шрамами, и были столь же уродливыми при жизни, как и через неделю после смерти.

Викар посмотрел на свои жилистые руки с мощными мышцами, худые, но вновь обретшие силу. Даже с тепловидением гном мог видеть залеченные шрамы на серой коже. Спина и ноги были хуже, отметины бичей все время чесались под броней, особенно под тонким железом, защищающем спину и шею. Физически, он вылечится скоро; сломанных конечностей или других тяжелых травм плен ему не оставил, так что он мог считать себя счастливчиком. Во всяком случае, ни один из

проклятых дроу не душил *его*. Но для разума и духа исцеление было делом куда более сложным. Даже лицезрение смерти бывших хозяев не пригасило бешенства, которое вызвал в нем плен; даже знание, что смерти эти были полны жуткой боли для кричавших дроу. Он не забывал и не прощал. Тысяч таких смертей будет недостаточно для Викара.

Уничтожить их драгоценное яйцо — это будет радостным, пусть и небольшим, мщением. Дроу заботились о нем много снов; чьим бы оно не было, раз оно важно для дроу, значит заслуживает того, чтобы его разбили до вылупления.

Их молчаливое путешествие длилось еще четыре часа, когда Викар нашел признаки, говорящие что они уже близко от Моря Призраков. Он объявил очередной перерыв, прямо под тремя сталактитами, формировавшими идеальный равносторонний треугольник. Песок мягко похрустывал под ногами.

Викар вздохнул. Он решил забыть о признании дерро в грабеже мертвецов, и надеялся, что ничто больше не будет создавать напряженность между ними.

“Нам осталось пройти примерно двести футов”, прошептал он, осторожно, чтобы не услышали возможные враги. “Впереди ответвление, за углом с правой стороны. Там поблизости могут оказаться куо-тоа, нам надо будет разобраться с ними как можно быстрее, если их не слишком много. Пока что нам везло, но еще придется…”

Громкий треск раздался вокруг, отдаваясь эхом в широком коридоре. Оба подпрыгнули от удивления, и инстинктивно уставились на потолок. Викар обхватил пальцами в перчатке тепловой камень, убирая освещение. Они стояли в полной темноте, и слушали.

“Я слышал это” раздался хриплый шепот Геппо. “Дракон. Звук большого дракона. Мой отец…”

“Тише” шикнул Викар. “Нет, это не…”

Запах молнии ворвался в ноздри Викара. Он знал про молнии от заклинаний, которые использовались магами глубинных гномов и жрецами куо-тоа. Но здесь нет никакой молнии, и ощущается ломающийся камень, значит…

Неожиданно он все понял. Глотнув воздуха, он со всего духа бросился вперед. Пальцы на тепловом камне разомкнулись, открывая его. Коридор вновь засиял ярким одноцветовым сиянием, дико плясали инфракрасные тени.

“Эй!” крикнул Геппо позади. Викар услышал, что дерро тоже набирает ход.

“Землетрясение!” заорал Викар во всю мочь легких. Сейчас не имело значение, услишит ли его кто нибудь, или что нибудь. Он

перепрыгнул булыжник, и чуть не поскользнулся на скользящем каменном крошеве. “Беги!”

Послышался новый треск, еще громче первого. Нет, нет! Еще чуть-чуть! молил Викар. Пыль и камешки посыпались с крыши пещеры. Тени дергались перед несущимся гномом. Возможно это был эффект бедного освещения или его бега, но Викар так не считал. Остались мгновения, думал он. Туннель к подземному морю был достаточно узок для укрытия, и хорошо укреплен на входе.

Он увидел впереди последний поворот перед выходом на Море Призраков. Пугающий запах становился невыносимо сильным, и пыль с потолка танцевала как густой туман на море. Были и новые запахи — влаги, мертвой рыбы, зарослей грибов. Море Призраков. Он может успеть. Рыбная вонь чувствовалась особенно ясно.

Узкий тоннель к морю показался из-за угла.

Что-то высокое и теплое уже было у его входа, частично видимое, и явно поджидавшее его. Это что-то шагнуло наружу, делая размашистый жест рукой в направлении Викара. Оно видело сияние его камня и слышало крики.

Викар упал в перекате. Острые осколки с пола царапали спину и шею. Он потерял тепловой камень. В воздухе мимо него просвистело нечто, с силой ударившееся о стену. Гарпун.

Викар вскочил на колени, выхватывая два дротика. Он метнул их обеими руками. Тепловой камень, валявшийся на полу, высветил высокую толстую фигуру меньше чем в тридцати футах впереди, судорожно поднимавшую второе копье. Дарты успели первыми, разбрызгавшись кристаллическими осколками, высвобождая содержащийся в них газ.

Высокое существо зашипело и отшатнулось, закашлявшись. Куо-тоа размахивал длинными руками, пытаясь прицелиться для броска нового гарпуна. Викар потянулся за клинком, замешкался, поняв, что схватился за оружие принадлежащее Геппо. Сейчас не до этого; он выхватил его, поднялся на ноги и метнулся вперед. Если только он добежит перед тем, как…

Свист слева от Викара, мягкий стук в живот высокой твари. Она отшатнулась с длинным свистящим вздохом; арбалетный болт вонзился в ее живот. Второй стук, и болт вырос между выпученными глазами. Куо-тоа с силой втянул воздух, неимоверно широко распахнув пасть, затем упал вперед со звучным грохотом и затих на полу.

Викар остановился и оглянулся назад. Он увидел как Геппо опускает арбалет и торопится к нему. Широкая чернозубая улыбка дерро была видна даже с такого расстояния.

“Проклятый куо-тоа!” весело проревел дерро, пока Викар подбирал тепловой камень. “Подавись этим, проклятый…” Дерро вновь овладел спазм глубокого, раздирающего кашля, его бег прервался. Викар схватил его за руку и рванул к тоннелю ведущему к Морю Призраков.

Грохот, громче, глубже и дольше чем громовые раскаты, сотряс пол пещеры как барабан. Он не прекращаясь, переходил в протяжный скрежет. Геппо и Викар чуть не упали.

“Это…” начал Викар.

С грохотом, заполнившим все окрестности, стены дрожали, двигались, бились в агонии. Камень раскалывался на части, разлетались тучи пыли, булыжники срывались с потолка и стен. Викар видел все очень четко, хотя мгновенно оглох и застыл, парализованный ужасом, большим, чем самые худшие его кошмары. Он схватил запястье дерро своей правой рукой и побежал к боковому тоннелю, шириной в пару ярдов. Почти успел.

Кусок скалы с потолка упал слева от Викара, сила удара отбросила его как листок. Песок и пыль заполнили сумрак. Викар вскочил и побрел вперед сквозь разбитые камни, упав по дороге еще дважды. Геппо пропал. Викара это уже не заботило.

Гном почти достиг горловины тоннеля, когда вновь споткнулся и выронил тепловой камень. Тьма окружила его. Он шел, прикрыв глаза от летящих осколков. Вытянутые пальцы коснулись холодной стены; он повернул направо. Что-то теплое поблизости, но пыль забивала и колола глаза, ослепляя его. Еще миг, и он ощутил характерный запах тухлой рыбы — и врезался носом в мокрый склизкий живот огромного живого существа — куо-тоа.

Викар ударил вслепую. Он даже не сообразил, что вытянул кинжал из сапога. Куо-тоа изчез. Он медленно побрел по содрогающемуся полу, упал вновь, растянулся ударившись большим носом об острые осколки. Боль заставила его закричать; глаза вновь наполнились слезами. Кинжал выпал. Затем до Викара донеслось дуновение чего-то обжегшего его легкие как дымящаяся магма. Он сгорбился на земле, кашляя и задыхаясь, каждый вдох заполнял легкие пламенем. Кристальный дротик на броне разбился при падении, окружив его газовым облаком.

Глубинные гномы народ прагматичный. Это, однако, не удерживает их от того, чтобы проклинать нечестность смерти, и Викар выдал поток ругательств, ожидая падения камня, который расплющит его, окончив этот кошмар землетрясения. Он надеялся на быструю смерть. Газ был не лучшим вариантом.

* * * * *

Короткий, но мощный толчок сотряс полы, стены и потолки Зала Раурога, будто сама земля ожила и сделала первый вдох. Извилистые трещины раскрывались в стенах по направлению удара, затем закрывались, когда сила сотрясения направлялась в обратную сторону, разбивая другие стены с оглушающим ревом. Изукрашенные потолки осыпались. Ломались барельефы на стенах. Осыпались куски скал, воздух превратился в удушающую массу пыли, забивавшей ноздри, рот и легкие.

Рыбачка поскользнулась и растянулась на сырой скале, когда пошел толчок, выронив острогу которой она отбивала тревогу. Она поползла на животе по направлению к реке, пальцы судорожно ухватились за отброшенную сеть; сеть зацепилась за футовый железный прут, вбитый в стену пещеры. Это спасло ей жизнь.

Река Раурог, которую толчок выплеснул из ее древнего русла, прокатилась над головой дварфа, и потащила ее за собой, заливая тоннели вокруг. Уцепившаяся за сеть, дварф, болезненно врезалась в каменную скамью, стоявшую в зале. Затем земля накренилась в противоположную сторону, и ее смыло назад, на каменный берег реки, а вода ушла назад в русло.

И тогда рыбачка услышала ужасающий рев, пронесшийся по речному тоннелю от водопада, звук такой мощи, будто сама пещера была горлом дикого зверя. Она повернула голову на грохот. Это был момент, когда охотник в Восточном Шааре далеко наверху опустил лук, когда отвлеклась колдунья в башне, а старый пастух оторвался от ножа и флейты.

Магическую лампу смыло к реке из зала, и в ее свете рыбачка увидела, как вся крыша гигантской пещеры провала рушится вниз, титаническая глыба скалы двадцать ярдов толщиной. Быстро пролетев уровень водопадов, она изчезла внизу. Дварф смотрела в благоговейном ужасе, и вспомнила легенду о глупом дварфе. Губы ее шевельнулись. “Один”, прошептала она. “Два…”.

Воющий ветер кружился вокруг, перемешав воду, инструменты, лампы и сети, неся их к водопадам все, что мог ухватить в зубы. Ветер схватился за дварфа, державшуюся за сеть окостеневшими пальцами, чувствовавшую как одна за другой рвутся веревки. Ледяной дождь бил ей в лицо. Река танцевала и бесилась в ярости. Четыре, думала она, пригнув голову и зажмурив глаза. Пять. Шесть.

Ураган ослаб и затих так же быстро, как и начался. Разрежение воздуха, созданное падающим потолком заполнилось. До костей промерзшая дварф, дрожала и прижималась к

разорванной сети, не в состоянии подняться. Последние завывания ветра звучали в ее ушах, следуя за скалой в бессветную бездну Провала.

Рыбачка отстранилась от всего, помня только свой счет, ожидая, когда же глыба завершит свое бесконечное падение. Она была осторожной всю жизнь. Теперь она не упустит своего места в легендах.

Одинадцать. Двенадцать. Тринадцать…

* * * * *

Гром вокруг ослабевал. Викар услышал собственные истерические мольбы и молитвы, обращенные к Гарлу, главному божеству гномов. Они превратились в всхлипывания и кашель, затем остановились, когда он вновь обрел над собой контроль. Истощенный до предела, он лежал на животе, прикрывая руками голову, и ничего не делал, только кашлял от густой пыли и, перекрывавшей все прочие запахи, рыбной вони.

Удаленный грохот сотряс широкий коридор, где-то далеко отвалилась и упала стена или потолок. Слегка колебалась земля, и слышен был скрежет движущихся скал. Затем звуки исчезли, растворившись в тишине. Еще через несколько секунд Викар осознал, что землятрясение закончилось.

Гном потянулся правой рукой и осторожно пощупал расцарапанный нос. Прикосновение к особо болевшему месту вновь заставило его глаза налиться слезами, но осторожное исследование показало, что нос только кровоточит и весь в грязи, но не сломан. Спасибо тебе, Гарл, подумал он. Для гнома жизнь со сломанным носом невыносима. О подобном слишком жутко даже думать; лучше уж быть калекой. Облегченно вздохнув, он стал снимать каменные осколки с носа и лица.

Что-то застонало и зашевелилось в обломках, совсем рядом. Викар расчистил глаза и сел. Мусор падал с головы и спины. “Геппо?” позвал он.

Тухлая рыба. Проклятье, подумал он, неуклюже нащупывая рукоять ножа.

Тепловой контур огромного, рыхлого существа показался из кучи песка и камней всего в двух ярдах. Викар отполз назад, игнорируя боль. Хотя кожа его была еле теплой, существо обильно кровоточило, и яркое сияние горячей крови показвало его тепловидению Викара. Существо шипя поднялось на четвереньки, обозревая руины коридора.

Тот самый куо-тоа, которого Викар ударил незадолго до

этого. Существо шумно втянуло воздух, жабры влажно шлепали по сторонам его головы. Один из огромных глаз выкатился в направлении Викара и сфокусировался на нем. Куо-тоа снова зашипел, громче и более резко. Он повернулся, раскрывая рот; так близко, что Викар мог видеть иглы зубов в нижней челюсти.

Куо-тоа бросился на гнома, пасть распахнута для укуса. Викар в последний момент отпрыгнул в сторону и боковым ударом врезал кулаком в голову куо-тоа. Он попал прямиком в левый глаз.

С громким стоном рыбообразная тварь отпрыгнула назад, прижав перепончатую ладонь к раненому глазу. Вновь кинулась вперед, но Викар уже схватился за рукоять длинного кинжала дерро и высвободил его. Его удар пришелся по тонкой кости руки существа.

Издав еще один вопль, куо-тоа отшатнулся, взмахнув обрубком перерезанной правой руки. Викар быстро вскочил на ноги. Кинжал дерро оказался изумительно острым. Он знал, что теперь должен добить тупую тварь. Прикусив губу он сосредоточился, и направился вперед, довершить начатое.

Как бы быстр не был гном, он не успел еще дотронуться до куо-тоа, когда тот затрясся, выгнув дугой спину в судорогах, и откинув голову, уставившуюся выпученным взглядом в потолок. Издав долгий последний свист, он упал на спину. А Геппо плавно отступил с его дороги. В кулаке его была рукоять покрытого кровью клинка Викара.

Геппо тяжело дышал, кожа на голове была разодрана и оттуда текла кровь, но в общем он был в порядке. Кровь его была горячей, чем у куо-тоа, и виден он был гораздо ярче; лицо его светилось как лампа. Викар опустил оружие и огляделся. Далеко по коридору раздавался рокот; пол пещеры слегка дрожал сквозь песок. Остаточные колебания, решил Викар. Лучше бы побыстрей убраться из открытой пещеры.

Глубинный гном достал с пояса второй тепловой камень и поднял его. Он и Геппо задержались, разглядывая результаты катастрофы в главном коридоре. Пол покрывали разбитые камни и земля. Возвращение обратно этим путем будет очень нелегким. Викар надеялся, что их не отрезало. Затем он посмотрел вниз, и увидел руку и ногу на месте где лежал первый встреченный ими куо-тоа, остальное превратилось в кровавую пыльную массу под упавшей каменной глыбой.

Викар проверил узкий коридор ведущий к Морю Призраков. Он выглядел достаточно прочным, хотя камень пола покрывал мусор до фута глубиной, и все кристаллические формации обвалились с потолка. Видны были только первые несколько

ярдов, дальше тоннель поворачивал. Наверняка по пути будут неожиданности.

Он пробормотал проклятие. Единственный кроме этого тоннель к Морю Призраков был в двух снах пути пешком, а время работало против них. Он подумал, не бросить ли эту затею и не убраться ли пока целы. Землетрясение вполне могло погрести под завалами яйцо или разбить его. А на море после такой тряски наверняка творится нечто невообразимое.

Если гигантская арка крыши над морем выдержала, а можно было предполагать, что так и есть — грохот такого падения наверняка был бы хорошо слышен в тоннелях — куо-тоа там будут еще активнее обычного. Викар и Геппо только что дрались с двумя лупоглазыми, вышедшими из тоннеля; а на побережье, на другом конце пути, их может ожидать тысяча и больше. Весь план шел насмарку.

Он провел иззубренным оружием дерро вдоль своей ноги, затем остановился, прежде чем получил серьезные порезы. Сейчас все тихо. Возможно, если они просто посмотрят одним глазком что происходит, ничего страшного не случится. Он махнул дерро, который закончил чистить свой кинжал, и крайне осторожно, постоянно оглядываясь на потолок, они углубились в боковой тоннель.

Тоннель, как оказалось, выдержал недавнее испытание с честью. Он извивался туда-сюда двести футов, наследие прошлого, когда по нему шла вода из древнего Моря Призраков. Трещины в дюймы шириной, наследие землетрясения, были на всем протяжении пути. Однажды гному и дерро пришлось пробираться по останкам еще трех куо-тоа, частично заваленных обвалившимся на этом участке потолком. В этот момент Викар чуть не сдался, но, сжав зубы, продолжал двигаться вперед, тщательно избегая смотреть на разбитый череп неудачливого куо-тоа. Вонь тухлятины была невыносима, он отчаянно пытался удержать в себе содержимое желудка.

Еще через несколько ярдов, когда до горловины тоннеля ведущей к ложу моря остался единственный поворот, Викар ощутил на лице холодный ветерок. Он остановился в недоумении. Никогда, насколько он знал, ветер не дул от Моря Призраков, но сейчас он совершенно четко чувствовал его. И удаленный рокот, который Викар до того игнорировал, становился все громче. Что-то подсказывало Викару, что он в страшной опасности. Это было инстинктивное ощущение, без каких либо причин, но слишком сильное, чтобы проигнорировать его. Он оглянулся на дерро, который нахмурился и ответил озадаченным взглядом.

Викар не знал, что ему сказать. Он повернулся обратно, и сделал несколько шагов к выходу.

Резкий треск раскалывающегося камня, шедший откуда-то над головой гнома, заполнил весь тоннель. Нервы Викара лопнули. Забыв об осторожности он кинулся к выходу в морскую пещеру. Холодный туман окутал нос, щеки и незащищенную кожу на руках и ногах. Туман Моря Призраков, потревоженный поднимающимся ветром.

Викар заметил у выхода куо-тоа, вооруженного гарпуном. Тот, обернувшись, смотрел на море, удивленный громким рокотом, прокатившимся по гигантской пещере. Его тело четко обрисовывалось зеленоватым светом, идущим сверху. Куо-тоа успел только обернуться и увидить Викара прежде, чем меч гнома врубился в его правую ногу. Существо застонало и, извиваясь, упало лицом вниз; мускулы бедра разрезало до кости. Его вопли оборвались на следующем вдохе, когда дерро вонзил клинок в спину, между легкими и сердцем.

Грохот и тучи пыли теперь окутали море. Хор криков куо-тоа раздавался у самого берега, всего в пятнадцати ярдах от выхода из тоннеля. Викар слышал их, но не обращал внимания, сосредоточившись на беге между многочисленными булыжниками. Даже при маленьких ногах коренастый гном набрал неплохую скорость. Геппо придется выдерживать темп или заботиться о себе самому.

Насколько помнил Викар, туннель выходил к наклонному берегу, уходившему в воды темного моря, примерно на трети его высоты. Тридцатью ярдами выше находилась узкая тропа, ведущая между камнями, веками падавшими с потолка пещеры. Создана она была, скорее всего, глубинными гномами, много тысяч снов назад. Если землятресение не слишком сурово обошлось с этим местом, Викар и Геппо могут воспользоваться тропой, чтобы обойти побережье, по краешку идя к своей цели. К тому же вдоль дороги крыша подходила близко к полу, что замедлит погоню высокорослых рыбообразных.

Гном бежал, пригнувшись к земле, сгорбившись настолько, что казался переломанным посередине. Торопливо, уже почти задыхаясь, он несся вверх по склону; вот и знакомая скала, отмечающая часть тропы. Он оглянулся на мгновение, и увидел, что Геппо бежит следом, всего в четырех ярдах позади. Затем гном понесся по тропе.

Видимость была не лучшей. Постоянно стелившийся над Морем Призраков туман, обычно держался у поверхности черного подземного озера, и редко поднимался выше. Но сейчас зеленоватые клочья тумана вились в залитом грибным светом

воздухе перед гномом. Викар никогда не слышал, чтобы такой плотный туман уходил так далеко от широкой шахты в центре моря, возможно на милю. Река или озеро далеко наверху впадала в эту шахту, возможно даже с истинной поверхности мира. Гигантские объемы воды в долгом падении превращались в странную взвесь. Куо-тоа, как говорили, любят этот холодный туман, а иногда вещи сверху падали в море, их быстро подбирали как сокровища или пищу.

“Постой!” Отчаянный крик едва достиг ушей Викара. Он осмелился остановиться и посмотреть назад. Геппо отставал все больше, и кажется устал. Дерро неожиданно врезался головой в особенно низкий участок нависающего потолка и упал на колени, схватившись за рану на лбу со скулящим криком.

Викар громко выругался. Подбежав он схватил бледную руку дварфа и поднял его на ноги. “Беги!” крикнул он в ухо Геппо. Кровь хлестала и заливала лицо, однако дерро пыхтя, заковылял вперед.

Становилось труднее следовать пути. Викар постоянно ударялся левым коленом в скалы. Он боролся с болью и помогал дерро удерживаться на ногах. Порыв ветра разорвал толстую пелену тумана над тропой и двумя бегущими по ней. Слишком резко затормозив, Викар запутался ногами в дерро, и они оба упали в камешки и грязь тропы.

Зло, бормоча проклятия, глубинный гном заставил себя поднятся на ноги. Его руки опустились, схватившись за обмякшее тело стонущего дерро.

Громовые раскаты окатили их; затем оглушающая мощь взрыва ударила о перепонки Викара, сотрясающий все, звук отличный от всего, что он когда-то слышал и на порядки громче. Голова Викара дернулась к источнику неимоверного грохота, где-то на Море Призраков. Затем он обхватил голову ладонями и упал, уши его звенели болью. Эхо раскатов отражалось отовсюду. Он ничего не видел, кроме вихрей холодного зеленого тумана, несомых завывающим ветром.

Что случилось? Что происходит?

Викар понял, что совершил роковую ошибку. Ему стоило с самого начала наплевать на всю эту затею, вернуться домой и не разыгрывать из себя героя-мстителя. Слишком поздно. Скорее всего, смерть будет весьма и весьма неприятной, и ждать ее недолго.

Тупо моргая, Викар отпустил ноющие уши и заковылял вперед сквозь туман. На него снизошло странное чувство полнейшей беззаботности. Геппо звал на помощь с земли, но Викар игнорировал его, напрягая до предела все органы чувств,

ища любой намек на то, что должно сейчас произойти.

Долго искать не пришлось. Даже остаточный звон в ушах не помешал ему услышать приближние смерти. Этого звука он не слышал никогда за все свои годы путешествий в Подземье возле Моря Призраков. Как гром, но ниже тоном, этот звук заставлял содрогаться его кости.

“Волна идет”, сказал Викар. Он пытался вспомнить, насколько высок здесь склон, как далеки они от берега. Зеленые лохмотья тумана, ветер и отсутствие знакомых меток заставили его бросить это. Он посмотрел на Геппо, который медленно поднимался на четвереньки. Ветер бился об их одежду, завывая, как целая армия призраков.

Викар снова взял Геппо за руку, на сей раз мягко. “Мы должны поторопиться”, сказал он громко, чтобы перекрыть шум ветра. Геппо пробормотал что-то в грязную бороду. Одно их слов звучало как *хурет*. Годы назад Викар слышал это слово во время своих странствий в Подземье. *Хурет* в языке дерро значило яд.

С помощью гнома они зашагали довольно быстро. Путь здесь вел плавно вверх, чему гном был только рад: чем выше, тем лучше. Низкий рокот был теперь очень громким. Викар чувствовал дрожь земли. Холодные капли стекали по лицу и рукам окунавшимся в густой туман.

Выше, молил гном. Выше. Выше.

Теперь к этому рокоту добавился новый звук, воды бьющейся о воду. Волна почти у берега. Викар остановился и отпустил Геппо; дерро осел наземь. Использовав инструменты, висевшие на поясе, Викар быстро вбил стальной Т-образный шип в самую большую скалу, которую только нашел. Отбросив молоток, он достал веревку и завязал ее тугим узлом вокруг головки шипа. Он успел схватить обессилившего дерро за его черный пояс как раз, когда звуки ударов воды о воду перешли в звуки ударов воды о камень. Очень скоро зеленоватый туман расступился перед ревущей стеной холодной черной воды, опустившейся на них.

Викара бешено швырял вонючий водоворот. Левую руку чуть не вырвало из суставов, веревка резала онемевшие пальцы. Дерро мертвым грузом напряг другую руку, едва не сломав ее. Ледяная вода жутко воняла мертвечиной и слизью лупоглазых. Немного ее попало в рот и ноздри гному; он закашлялся и чуть не упустил и веревку и Геппо.

Затем поток отхлынул сквозь камни, возвращаясь в море. Правая рука Викара так прижалась к острой кромке камня, что он вынужден был отпустить Геппо. Затем вылетела веревка, за которую он не мог ухватится сквозь морскую слизь. Но его не смыло, только отбросило вниз, на вершину плоской скалы.

Кашляя, он попытался перевернуться на спину, но вместо этого упал со скалы, с высоты нескольких футов. Там он его рвало грязной водой, пока он чуть не задохнулся.

Море грохотало в ушах, волны бились о камни и друг о друга. Звуки отражались отовсюду, даже сверху. Он едва слышал собственное тяжелое дыхание.

Хватит, подумал он, хватит уже полетов.

Используя последние остатки сил, гном сумел подняться, опираясь на ноющие ладони и колени. Затем он сел прямо и огляделся вокруг. Подумал, что надо позвать Геппо и открыл рот, чтобы произнести слово.

Этого так и не случилось. Кровь отхлынула от головы, глаза его закатились; он упал на спину и уже ничего не чувствовал.

Что-то шлепнуло Викара по лицу. В беспамятстве он почти не почувствовал удара. Неуклюжие руки возились над его одеждой, потянули за пояс. Он слабо шевельнул ладонью и все прекратилось.

Частично придя в себя он опять почувствовал позывы рвоты. Закашлялся было, но вовремя повернулся на бок. Более-менее обретя контроль, он огляделся вокруг, дыша короткими осторожными вдохами. Холод заставлял его дрожать.

Тощая фигура, похожая на дварфа обрисовывалась его тепловидению. Викар увидел облегченную улыбку на бородатом лице.

“Не умер еще, а?” ухмыльнулся Геппо, поднимая голос над ревом моря. Дерро мельком посмотрел на вещь зажатую в дрожащей левой руке, затем бросил ее на землю перед лицом Викара. Это был один из боевых дартов гнома, стекляный наконечник сломан. “Вода сломала игрушку гнома” добавил он, и ухмылка стала чуть шире. “Сломала арбалет Геппо, забрала стрелы. Но у Геппо есть меч гнома!” Он похлопал рукоять оружия Викара, спокойно лежащего в ножнах.

Викар поднялся, опираясь боком на скалу, спиной к склону. Он оставил бесполезный дарт лежать. Наверняка и все остальные сломались. Он удержался от мгновенного желания проверить свои вещи, не украл ли что дерро. “Повезло тебе”, сказал он угрюмо, пытаясь унять дрожь.

Геппо мотнул головой в направлении откуда они бежали. Уродливая улыбка пропала. “Геппо не слышит разговоров рыбоголовых. Вода смыла их, может убила. Пойдем в красное место, и быстро бежим домой, а?” Его бесцветные глаза указали в сторону шумящего моря, над плечом Викара.

Тот переварил новости, и полуобернувшись посмотрел на море. Линию обзора закрывали другие скалы, и он уселся,

опираясь спиной на камень и обхватив себя руками. “Нам надо уходить отсюда”, согласился он. “Мы высохнем и согреемся, если будем двигаться”.

Он с трудом поднялся на нетвердо державшие ноги, все еще пригибая голову на случай, если кто из куо-тоа все же находится поблизости. Осторожно проверил свою поклажу, хотя не был уверен, что это имеет смысл. “Знаешь”, сказал он просто, чтобы что-то сказать, “мог бы хоть поблагодарить за то, что я спас тебе жизнь”.

Геппо прервал копание в собственных вещах и напрягся. Он посмотрел на гнома, сначала озадаченно, затем сердито. “Говоришь, Геппо теперь давать тебе золото, а?” прорычал он. Неожиданно он сплюнул на омытую морем землю. “Есть золото для тебя. Найди и потрать. Геппо не должен золота за спасти жизнь. Нет золота, не для тебя”. Дерро стоял, хотя ноги и руки его странно тряслись. Его левая ладонь улеглась около рукояти клинка Викара на боку.

Викар с непониманием, а потом с нарастающей злостью уставился на него. Он понимал, что дерро абсолютно не понял его. Может быть, дерро между собой понимают благодарность как один из видов денежного долга. Он фыркнул с отвращением, теряя контроль над собой. Так дерро будет угрожать Викару только потому, что не знает что означает “спасибо”? Отлично. Такое варварство и можно ожидать от безмозглых тварей вроде дерро. “Забудь” пробормотал он, осматривая вещи на поясе. Он отбросил два дротика с разбитыми наконечниками. Остался еще один целый. “Я не хочу никакого золота. Благодарность это совсем другое, ты, тупой…”

Он неожиданно схватил последний целый дротик и метнул его к морю со всей силы. “Да проклянут боги весь ваш род! Всех!” заорал он. И подавил желание добавить еще дюжину разноплановых и очень личных комментариев. Взамен он тяжело вздохнул и вытер лицо и нос холодной мокрой ладонью. “Забудь”, сказал он устало и повернулся. “Забудь обо всем, и пошли”.

Гном пошел прочь, ярость жгла ему лицо. Он прошел пять шагов, прежде чем сердито обернулся, не слыша ничего за собой. Геппо стоял на месте с ошеломленным выражением, руки его бессильно повисли по бокам. Дрожь его тощих конечностей видна была еще отчетливей.

“Пошли же!” прошипел Викар, указывая ладонью к их цели. “Я не хочу от тебя благодарности! Просто *иди*!”

Руки дерро конвульсивно дернулись. Он неожиданно склонил голову и пошел к Викару с таким видом, будто только что постарел на столетие. Викар повернулся и продолжил путь,

стараясь унять гнев. Много долгих минут понадобилось ему, чтобы вновь обрести, контроль над своим темпераментом и, четкость мысли. Тогда он разозлился уже на себя. Что если бы куо-тоа или еще какой монстр из моря услышали его? Он бы очень пожалел тогда о своей выходке. И в любом случае, он не мог позволить себе потерять дерро, если надеялся добраться до того яйца. Он не мог позволить себе вспыхивать от каждого выверта в поведении дерро. Тяжело не принимать такие вещи на свой счет, учитывая, как повернулось путешествие, но только ясная голова давала шанс на успех.

Викар потирал лицо, пока не подумал, что сдерет с себя кожу. В конце-концов он расслабился, и позволил напряжению рассеяться, глубоко дыша и фокусируя внимание на поиске возможных врагов по дороге. Оглянувшись, он увидел дерро, который тащился позади, не поднимая глаз.

Этот дерро похоже самый тупой из всех. Но с другой стороны, именно такой мне и нужен, разве нет? Плану лучше бы сработать.

Они прошли по неровной местности еще примерно шесть миль, и давно пора было бы отдохнуть, но Викар был для этого слишком заведен.

Остаток пути не был однообразным. Волна вымыла трупы множества существ на каменистое побережье, останки когда-то живых созданий, которым лучше было бы оставаться скрытыми от глаза. Некоторые из них еще умирали, когда Викар и Геппо осторожно и бесшумно перешагивали затихшие тела. Некоторые монстры шлепали о скалы ослабевшими плавниками, в безуспешном напряжении пытаясь доползти обратно до воды, или оскалив острые как кинжалы зубы, задыхались в нескольких ярдах от живительной воды. Викар заметил также и несколько разорванных кусков тел неудачливых куо-тоа, которых видимо, расплющило о скалы или даже о потолок пещеры гигантской волной. Он прикусил губу и отвернулся, не ощущая к ним никакой жалости.

Вторая, меньшая волна, за которой быстро последовала третья, вскоре налетели на берег, но они были куда слабее первой, и добирались далеко не так высоко. После этого морскую пещеру заполнил рокот волнующейся воды, который не собирался стихать. Что хуже, бурное море выплевывало наружу своих двуногих обитателей. Дважды паре путешественников пришлось атаковать и пробиваться сквозь маленькие группки живых куо-тоа, оказавшихся у них на дороге. Рыбоголовые были растеряны и многие ранены, но всегда есть опасность, что удачливый бросок гарпуна или случайный удар ножа оставит гнома или дерро в таком же положении как извивающиеся монстры мимо которых

они проходили на берегу.

По счастью, густой туман, поднявшийся от моря позволил гному и дерро уйти, не опасаясь преследования. Куо-тоа, все еще не отошедшие от землетрясения и волны тоже не горели желанием преследовать их, и ограничились двумя-тремя плохо нацеленными бросками гарпунов, прежде чем вновь погрузиться в свои дела.

Через некоторое время, завернув за поворот налево, Викар увидел слабое красновато-багровое сияние далеко впереди. Они почти дошли до цели. Свечение обрамляло район, где скалистое побережье уходило вглубь, от моря, на пару сотен ярдов, и заканчивалось высокой стеной, которую от пола до потолка прорезали несколько вертикальных трещин. Дроу называли это Красным Берегом.

Викар остановился, указав Геппо укрыться за упавшей глыбой, и начал разведку. Ничего интересного не обнаруживалось — но именно так подумали и их хозяева-дроу одинадцать снов назад. Они пропустили самое важное и поплатились за это своими жизнями.

Красноватое свечение исходило от большой, простиравшейся на много ярдов, колонии грибов покрывавшей стену с обеих сторон широкой сырой расселины, достаточно большой, чтобы несколько дроу могли собраться внутри. Подземный поток, стекавший вниз, поддерживал в этом месте постоянную влажность.

Воспоминания нахлынули на Викара. Одинадцать снов назад группа дроу решила упрятать глубоко внутри расщелины большой сундук, который они и их двое рабов принесли с собой. Викар и Геппо получили по маленькой кирке и им было приказано копать. Веселящиеся дроу стояли вокруг, поторапливая их кончиками мечей и описывая каждый свою идею насчет того, как умрет каждый раб, когда закончит работу. Дроу были совершенно серьезны; они желали быть уверены, что никто не раскроет тайну этого места. После длительных пыток и медленного умерщвления, дерро и гном будут подняты магией как нежить, чтобы служить стражами, захороненными с сундуком и яйцом на остаток вечности — или пока дроу не решат переместить сундук в другое место.

Викар потер глаза и отстранился от воспоминаний. Потом он передумал, и намеренно оживил в памяти картину этих последних мгновений, сосредоточившись на всех деталях которые только мог восстановить. Он должен был воссоздать все, что произошло тогда, разложить на отдельные части и изучить каждую, если собирался выполнить задачу, которую сам перед

собой поставил.

Геппо тихо присел неподалеку, тоже изучая местность впереди. Они не разговаривали уже много часов, но сейчас недавняя ссора была забыта. Не время и не место было для раздоров.

“Я пытался вспомнить, что случилось, прежде чем началось это завывание”, прошептал Викар. “Они шутили насчет того, чтобы открыть сундук, плюнуть на яйцо и запереть нас вместе с ним, я еще никак не мог понять, почему их так веселит идея плевка”. Он посмотрел на Геппо, который промолчал.

Викар пожал плечами и вновь вгляделся в алое сияние. “Потом раздался этот звук, высокий пронизывающий вой, он все длился и длился, пробирая меня насквозь. Я видел, как дроу закрывают уши ладонями и кричат друг на друга, один или два обнажили мечи, но выронили их. Я не видел, что издает этот шум. Мои внутренности выворачивались от него наизнанку. Но я ничего поделать не мог. Думал, сейчас вырвет. Зажал уши, но это совсем не помогало”.

Он запнулся и сглотнул слюну, затем продолжил. “Один из мужчин, вроде бы это был Дериандер, маг, упал на меня, вопя как банши. Мы все уже орали. Я встал, и увидел, что Дериандер обмяк и весь дрожит. Его мускулы натянулись как железные канаты, стали твердыми как камень. Они все так выглядели, все дроу. Но я все еще мог двигаться. Я только не понимал этого”. Викар повернулся к своему спутнику. “Тогда ты ударил Сарлаэну своей киркой. Ударил по ногам, несколько раз прежде чем она упала, а я почему-то подумал, что она совсем не чувствовала, что ты делаешь. Я подумал, она кричит от чего-то совсем другого”. Он опять повернулся к жутковатому свету. “Я упал на младшую жрицу и поднимался, чтобы бежать, когда опустились плащевики”.

Руки гнома вздрогнули при этом воспоминании. “Я видел как один из них падает откуда-то сверху, с потолка. Он был как белый квадрат. Я знал что это, из историй, которые рассказывают в моем народе, но никогда раньше не видел. И понял, что плащевики издавали это завывание, парализуя дроу. Потом я увидел большую пасть, раскрывшуюся в середине плащевика, где только что ничего не было, пасть с зубами и два стеклянистых глаза над ней. Он приземлился на спине Ксерзанейна, и обернулся вокруг него, а тот все стоял, вопил и зажимал уши. Как живая накидка, чернее черного, обхватил Ксерзанейна так плотно, что я мог видеть как сжимается каждый его палец. Рот Ксерзанейна был открыт, но я не слышал его сквозь крики плащевиков.

Гном сглотнул опять, и голос его стал еще тише. “Я видел

пасть плащевика на спине Ксерзанейна, как она впивается в его плечи и шею. По плащевику уже сидело на каждом дроу. Тот, что обернулся вокруг Сарлаэны, прогрызался сквозь ее внутренности, а она пиналась, извивалась как рыба на земле и пыталась закричать. Потом что-то дотронулось до моей спины…" Викара охватила неудержимая дрожь, он обхватил себя за плечи и уставился в землю.

Удаленный гром прокатился над Морем Призраков.

"Странно", сказал он, "но я не помню, как убежал. Вспоминаю, частично, как говорил с тобой потом. Уже тогда я думал, что нам надо вернуться и уничтожить яйцо. Если дроу думали, что оно такое ценное и хотели спрятать его, значит, оно было слишком важным для них, чтобы оставлять. Они бы сломали любое яйцо, из которого могло бы вылупиться что-то приличное. Значит, мы должны были уничтожить его, а я понятия не имел как это сделать. Я не хотел просто сидеть там и ждать пока еще какой-нибудь дроу найдет его. Но тогда я не хотел и говорить обо всем этом; я просто хотел встретиться с тобой попозже, когда мы сможем все обсудить. Я хотел убраться подальше, бежать, бежать".

"Ты бежал к своим", сказал после паузы Геппо.

Викар медленно помотал головой, немало удивленный собственным признанием. "Нет. Я не возвращался назад. Насчет этого я соврал. Я прятался сам по себе. Мой народ живет очень далеко отсюда. Я прятался один, и посетил несколько мест, где давным-давно припрятал для себя оружие, броню, пищу и одежду. Я просто прятался. И не знаю, о чем я думал долгое время". Он сверкнул безрадостной улыбкой. "Мне надо было побыть наедине с собой, стать собой снова. Я никогда ни с кем близко не сходился. Я сирота, всегда держался сам по себе, и делал, что пожелаю. Я путешествовал, исследовал новые места, и мне этого хватало. Путешествий и одиночества".

Он опять посмотрел на алое свечение. "Знаешь, именно так меня дроу и словили. Поймали из засады, сетями и дубинами. Избивали долго, почти сломали, потом отволокли в свою общину как съедобного ящера. Ты может быть помнишь, как я выглядел тогда. Ты уже был там". Он пожевал губу, прищурившись, разглядывая сияние, затем резко повернулся к Геппо. "А как они тебя поймали?" спросил он.

Дерро моргнул и отвел взгляд. Он прикрыл губы ладонью, поглаживая спутанные усы. Викар снова посмотрел в сторону сияния.

"Мой о… мой народ продал меня", неожиданно сказал Геппо. Он начал было говорить дальше, но замолк. И не смотрел на

Викара.

“Продали?” — сказал Викар ошеломленно. “Продали тебя *дроу*?”

Геппо пригладил усы и кивнул. Тепло идущее от его лица заметно увеличилось. Он сделал странное движение ладонью, будто отбрасывая что-то, затем продолжил играть с волосами.

“Почему?” спросил Викар.

Лицо Геппо таяло как оплывающий воск. Он склонил голову и тяжело выдохнул. Улыбнувшись, будто это не имело никакого значения, он медленно заговорил. “Геппо не… у Геппо нет… нет магии как Истинные Мастера — что ты зовешь дерро. Нет магии в Геппо, совсем пуст. Потерял магию, когда родился, быть может. Геппо, Истинные Мастера не знают почему. Геппо не знает, как сделать магию идущей из ладоней, из головы. Истинные Мастера, у них есть магия, магия завоевывать, убивать, но…” Он пожал плечами и развел руками. “Пусто”, добавил он.

Викар сглотнул. “Твой клан продал тебя за это? Разве твой отец не…” Он понял и прикусил язык, но поздно.

Геппо кашлянул, затем приблизил тонкие ладони к глазам, разглядывая пальцы, будто они были бесполезными подаренными безделушками. “Отец”, сказал он вновь улыбаясь. “Отец очень зол. Он говорит, Геппо позорит весь клан без магии. Отец говорит, Геппо теперь раб. Геппо говорит как раб. Геппо говорит правду как раб. Геппо раб, делает все, тогда Отец еще злее и говорит, прочь! Он продал Геппо. Раб дроу”. Он снова безразлично пожал плечами, произнося все это монотонным голосом. Глаза дерро блестели, когда он посмотрел на землю. “Истинные Мастера, дроу, все ушли. Геппо без магии, но Геппо здесь и хорошо, а?”

Он вздохнул и вся энергия улетучилась из него. “Достать золото теперь”, сказал он устало. “Скажи мне, как мы достанем золото и яйцо. Скажи секретный план теперь. Слишком много говорили”.

Викар отвел взгляд, вслушиваясь в шум Моря Призраков. “Ну”, сказал он наконец, “я полагаю мы можем просто войти в трещину в стене и взять их”.

Дерро уставился на Викара и фыркнул в изумлении, лицо его начало нагреваться от гнева. Однако прежде чем он мог вставить хоть слово, Викар потянулся к поясу, и запустил пальцы в потайной кармашек. Кольцы были все еще там, кольца которые он подобрал с тела давно умершего свирфнебли. Он выловил их.

Викар вручил одно кольцо дерро. Неожиданное тепло разлилось по лицу гнома, жаля его глаза. Он боролся с ним, не желая признаваться себе, что вообще ощущает это. Он чуть не

забрал кольцо обратно. Пальцы его дрожали, будто осознавая, что они собираются сделать.

“Не надевай его пока”, сказал Викар, стараясь удерживать спокойствие в голосе. Он не осмеливался смотреть на лицо Геппо. “Эти кольца сделают нас невидимыми. Плащевики нас просто не заметят. И что бы мы не подняли, тоже изчезнет, так что мы сможем вынести оттуда вещи, прямо под ними. Если плащевики что-то заподозрят, просто беги сюда. Они не смогут тебя видеть, но по неустойчивым камням двигаться надо осторожно, иначе они могут обнаружить тебя. Они могут слышать тебя, даже если ты невидим. Ты понял?”

Он заставил себя взглянуть на дерро. Широко распахнув белые глаза, Геппо уставился на простой золотистый ободок в его тонких пальцах. Что-то творилось в его разуме. Викар чувствовал это.

Даже сквозь пламя своего стыда.

Ладонь Геппо сомкнулась на кольце. Он посмотрел вверх, избегая встречатся глазами с Викаром, потом вновь взглянул на свой кулак.

“Да”, прошептал Геппо. И: “Спасибо тебе”.

Нет, не говори этого, думал Викар в ужасе. Нет. Думать о яйце. Единственный способ. Это единственный способ.

Викар вытянул правую руку, широко разведя пальцы. Она дрожала как от холода, но он старался не замечать этого. “Я надену свое кольцо”, сказал он хрипло. “Твой народ немного похож на мой, мы меньше подвержены магии, чем другие. Иногда такие кольца работают на нас, иногда нет. Нам придется пытаться, пока не получится”. С этими словами Викар надел кольцо на средний палец левой руки.

И он изчез. Невидим. Когда это произошло, по нему пробежала дрожь. К таким вещам он никак не мог привыкнуть. Геппо дернулся, и с выражением неприкрытого страха посмотрел туда, где только что был Викар. Это был страх оказаться брошеным, знал Викар инстинктивно, вовсе не боязнь магии.

“Все нормально”, мягко сказал Викар. “Я все еще здесь. Я невидим. Ты наверняка видел похожую магию где-нибудь. Теперь это наша магия. Так, теперь надень свое кольцо”.

Геппо оглянулся в поисках бестелесного голоса, будто думал, что Викар собирается появится вновь. Когда этого не произошло, он посмотрел на собственное кольцо, и осторожно вдел в него палец.

Викар продолжал наблюдать на дерро, который растерянно взирал на собственную отлично видимую руку. “Попытайся снова”, сказал Викар, поддерживая собственное спокойствие

разговором. “Это срабатывает твоя природная сопротивляемость магии. Сними кольцо, положи его на землю, потом подними и попытайся снова”.

Геппо сделал все как сказано. И когда он во второй раз надел кольцо, он громко выдохнул в изумлении, широко раскрыв рот. Он поворачивал ладони перед лицом, восхищаясь, посмотрел на остальные части тела и поклажу. Лицо его излучало чистейший восторг.

Невидимый Викар смотрел, лицо его горело, грудь сдавило как тисками. Дерро был отлично виден ему, так же как и был без кольца.

Это и не было удивительно, учитывая природу магии кольца которое носил Геппо, чудесного кольца исполнявшего самое тайное и заветное желание владельца.

Проклятого кольца, затуманивавшего разум.

“Хорошо”, нервно сказал Викар. “Теперь сработало. Не отходи далеко. Я… я не могу видеть тебя, а нам надо идти. Оставайся в пределах слышимости моего голоса. Когда мы подойдем поближе, действуй, как пожелаешь. Собери золота сколько захочешь, потом возвращайся сюда. Пока не вернешся, не снимай кольцо. Плащевики нас и не заметят”.

Геппо кивнул. Необычное выражение было на его изможденном лице. Восхищенние и счастье. Викар знал, что делает нечто ужасное. О, он был не настолько глуп, чтобы пытаться обманывать богов. Они видят все, и это тоже. Может быть, они все же простят — из-за яйца. Это яйцо злое, не Викар. Он повторял себе это вновь и вновь, но почему-то уже не верил.

Викар отбросил это ощущение. В конце-концов, он обманывает дерро, не ребенка или воплощение божества.

Если мне суждено стать проклятым, так пусть уж побыстрее, сердито подумал Викар. “Пошли”, сказал он, поднимаясь на ноги.

Удерживая дерро краешком глаза, Викар побрел к ало-багровому сиянию дальней стены, все еще приглушенному туманом с клокочущего Моря Призраков. Геппо осторожно шел рядом, ухмыляясь во весь рот как дурачок, все еще не придя в себя от счастья, что не может видеть свои руки. Викар отвел глаза от этой чернозубой улыбки.

Глубинный гном полез в жилет за своим главным оружием и защитой. Они были в безопасности, упрятанные в глубоком жестком кармане. Он достал их и сжал зубы. Он долго и тяжело раздумывал над тем, что произойдет сейчас. Это будет страшно больно, но иногда нет другого выхода, кроме как идти напролом, говорят свирфнебли. Только идти напролом.

Они были примерно в двухстах футах от светящейся

расщелины, когда Викар прошептал “стой”. Геппо остановился, растеряно оглядываясь вокруг. Викар наклонился поблизости, но соблюдал осторожность, чтобы отступить в сторону, если Геппо вытащит оружие. “Полушай меня”, сказал он. “Мы войдем туда вместе. Двигайся очень медленно. Если поднимаешь что-то, делай это медленно и без шума. Эти кольца не скрывают звук, так что будь осторожен”. Почему я говорю это? Почему?

“Спасибо”, прошептал Геппо кивнув. Он бесшумным шагом направился к расщелине.

Викар еще мгновение стоял, глядя в спину дерро бессмысленным взглядом. Затем глубоко вдохнул, зажал зубами краешек жилета, наполнив рот отвратительно вонявшей рыбой шерстью. Туго сжал челюсти, готовясь.

Он осторожно поднял свою последнюю защиту, не видя ее, но чувствуя ее округлость меж пальцев. Длинная бронзовая игла.

Он вставил ее в левое ухо и нажал. Огненная боль разорвалась в глубине уха, в тысячи раз большая, чем все что делали с ним дроу. Голова казалось, вот-вот взорвется. Быстро, прежде чем он успел передумать, он перенес иглу в другую руку, и пробил вторую ушную перепонку. Выронив иглу, он сложился пополам в мучительной агонии. Зубы его чуть не прокусили толстую шерсть насквозь. Горячая кровь лилась из ушей и по щекам.

Он поднял лицо, обильно залитое слезами. Геппо уже прошел пол пути до трещины.

Викар должен был пойти за ним, уничтожить яйцо. Все из-за этого яйца. Он слышал только бесконечный крик из кровоточащих ушей. Но они заживут со временем. Не было другого способа бороться с воем плащевиков, помешать им взять его. Уши заживут, и он станет героем и отомстит дроу.

Викар увидел, что Геппо обернулся и озадачено смотрит назад. Гном понял что бежит, и наверно производит немало шума. Заставив себя остановиться и сконцентрироваться, несмотря на боль, он зашагал осторожнее и тише. Геппо расслабился и продолжил путь.

Воздух здесь был плохим. Викар чувствовал вонь смерти и гниения. Землю здесь, как и везде, покрывали кусочки гниющих водорослей, но темная куча выглядевшая как тело была прямо впереди. Дроу, большая часть плоти и мускулов выедена, одной ноги нет. Грязные кости покрывали водоросли и обрывки одежды.

Лицо и длинные волосы все еще были различимы. Это была Сарлаэна, когда-то владевшая им.

Викар отвернул слезящиеся глаза. Он пытался не вдыхать отвратительный воздух, но был близок к рвоте; прикусил

посильнее шерсть. Другие тонкие длинные тела лежали впереди, разбросанные как забытые кем-то куклы. Волна, вспомнил Викар. Первая волна дошла и до расщелины. Что-то в этом тревожило его, какое-то неприятное чувство. Он отмахнулся от этого ощущения и пошел вперед. Боль сверкала в его голове как огонь маяка, расплескивающий вокруг агонию.

Геппо, бывший уже всего в двадцати футах впереди, осторожно вглядывался в трещину. Вид и запах мокрых разлагающихся тел, похоже, его не тревожил. Геппо внимательно оглядел тела, затем посмотрел вверх, не увидел опасности и вошел в расщелину.

Последнее оружие было в руках Викара. Черному жезлу придется подействовать с первого раза. Для второго времени не будет. Он выплюнул изо рта краешек жилета и оборвавшиеся шерстинки. Теперь, в эти последние мгновения, он контролировал себя.

Геппо был в расщелине. Он пинком отбросил валявшуюся конечность, возможно руку дроу. Теперь он смотрел на землю. Заметил что-то, мешочек или клочок одежды. Нагнулся, чтобы поднять его.

А потом выпрямился, и его костлявые руки сжались вокруг ушей. Он кажется кричал, закрыв глаза. Звуковой удар плащевиков.

Что-то белое упало вниз с высокого потолка пещеры.

Викар поднял черный жезл и произнес три слова, которые приводили его в действие. Сам он не слышал их. Только чувствовал, как они отдаются дрожью в его теле. Движение челюсти тревожило раненые уши, и он чуть не забыл слова. Боль была жуткая.

Вспышка белого пламени заполнила все вокруг. Викар видел изображение пещеры целиком, запечатленное на его сетчатках как гигантский, точный до мелочей рисунок. Белая рука солнечного света, больше сотни футов длиной, точно соединила кончик жезла и падающего плащевика. Он вспыхнул, и умер мгновенно, как только жгучий свет коснулся его. Жезл солнечного огня, который он забрал у попавшего в засаду мага дроу и припрятал в одном из своих тайников давным-давно, великолепно сделал свое дело. Викар побежал. Здесь есть еще, как минимум пятеро. Но он полуослеп, нога за что-то зацепилась, и он упал.

Он выронил черный жезл солнечного огня. Пнул то, что держало его ноги, оглядываясь и моргая от остаточных отблесков вспышки.

Ноги Викара запутались в потемневших от крови костях руки

и одежде мертвого дроу.

Викар ударил и закричал. Каждый крик посылал новый удар агонии в оглохшие уши. Обмякшие руки высвободили его и упали, недвижимые и мертвые. Викар отполз прочь, трясясь от страха. Он увидел жезл, схватил его, посмотрел вверх.

Еще одна белая тварь падала с потолка. Геппо был под ней, обхватив голову. Плащевики пели ему, как когда-то пели дроу.

Викар поднял жезл и прокричал три слова.

Ничего не произошло.

Твой народ немного похож на мой, мы меньше подвержены магии чем другие.

“НЕТ!” взвыл Викар. Он бросил жезл, схватил его и нацелился.

Плащевик обернулся вокруг Геппо.

“НЕТ!” Викар вскочил и побежал, размахивая невидимым жезлом как мечом. “НЕТ! НЕТ!”

Геппо пытался выбраться. Викар видел, как его тонкие пальцы раздвигают черные складки. Узкие губы дерро были раскрыты, он кричал и не слышно было ни звука. Викар вопил на бегу. Он стянул свое кольцо, кольцо невидимости, и бросил его в плащевика обхватившего Геппо. “Смотри на меня!” крикнул он. “Смотри на меня!”

Что-то белое упало с потолка. Он увидил это вовремя.

Жезл поднялся, поймал цель, прозвучали три слова.

Копье белого света сожгло плащевика; тот извернулся и упал в стороне. Вспышка показала Викару еще с дюжину темных силуэтов свисавших с потолка. Гнездо. Они зашевелились, когда он заметил их, дюжина белых клочков падающих на него с огромными пастями и стекляными глазами и клыками. Викар прокричал слова, выставив жезл и прикрыв глаза. Он кричал их снова и снова и снова, пламя ревело не переставая, обжигая его пальцы, очищающий огонь во тьме.

Что-то поймало его за ногу и потянуло. Викар потерял равновесие и упал, не в силах увидеть что-либо сквозь лабиринт отблесков и агонию, раздиравшую голову. Он вслепую ударил жезлом в то, что схватило его, но хватка только сжалась. На руку это не было похоже.

Викар быстро протер глаза рукавом. В багровом отсвете расщелины он увидел, что схватило его за ногу, даже сквозь застилавшие его глаза отблески и огонь в ушах и тела обгорающих плащевиков, рассыпанные по полу пещеры. Увидел очень отчетливо.

Яйцо в сундуке вылупилось. И держало его ногу одним из толстых темных щупальцев.

Викар завопил, и услышал свой крик, даже без ушных перепонок. Волна позволила этому вылупиться, ну конечно же. Викар понял это даже в своем безумии, выкрикивая слова и указывая жезлом на три глаза абсолютной черноты всего в ярде от него. Он знал теперь, почему дроу так веселила мысль о плевке, и почему они не смели делать этого. Вода освободила детеныша. Даже дроу такого не пожелали бы.

Чешуйчатый новорожденный поднялся, когда Викар произнес последнее слово. Он не мог закрыть глаза и не смотреть на то, что произошло.

Горячо, так горячо и потом слепота, но он увидел все.

Во вспышке чистого света заполнившей пещеру он увидел тварь с щупальцами и тремя глазами, пробитую сверкающим копьем в его руках. В тот же миг она окуталась дымом, черным как самый ужасный кошмар; и тварь и жезл разлетелись на части.

* * * * *

Почти половина населения Зала Раурога стали жертвами землетрясения, раненые или погибшие. Когда выжившие нашли дрожащую рыбачку, ее глаза были закрыты, но посиневшие губы все еще шевелились.

“Сто шестьдесят пять”, прошептала она, услышав их приближение. “Сто шестьдесят пять”.

Спасатели слышали угасающий грохот из Провала и поняли. Одна сотня и еще шестьдесят пять секунд сверху донизу. Они оттащили ее в безопасность. Место в легендах ей было обеспечено.

* * * * *

Ладони Викара покрылись пузырями ожогов. Он держал их перед собой и плакал, окончательно оставшись без сил. Искореженные руки светились как факелы для его инфразрения. Он стоял на ногах, шатаясь на усыпаном берегу возле алой трещины. Он не помнил ничего после взрыва, ни что произошло, ни как он оказался здесь.

Он вошел назад в пещеру. “Геппо!” закричал он. Не слышал ничего, даже измученного стона разодранных ушей. “Геппо! Геппо!”

Он нашел Геппо высвобождавшимся из складок обмякшего белого покрывала. Забрызганная красным пасть была безвольно

распахнута, пожелтевшие глаза ничего не видели. Геппо потянулся к Викару, купаясь в жарком свете собственной крови. Дерро произнес слова, которые гном не мог услышать. Викар взял его за руку и наклонился ближе.

“Кольцо не очень долго работало”, сказали губы Геппо. “Не долго, но плащевик не убил Геппо, а?” Дерро выдавил чернозубую улыбку. “Геппо придумал хороший план. Кушал голубые грибы в пещере. Хурет, яд в крови, но не убьет Геппо. Истинные Мастера всегда едят голубые грибы. Делает всех очень больными, если пытаются есть Истинных Мастеров, даже Геппо”. Дерро сжал ладонь Викара. “Геппо умный, а? Плащевик очень больной”.

“Я использовал тебя”, сказал Викар. Он прижал дерро к себе. “Я использовал тебя, чтобы выманить их. Я предал тебя. О боги, простите. Я убил тебя”.

Дерро только улыбнулся. “Неправда”, сказал он. “Ты дал Геппо магию. Дал Геппо настоящую магию. Не долго, но была насто… ма…” Он напрягся. “Спа…”

Свет в бледных глазах угас.

“Нет”, закричал гном, держа дерро. “Геппо. Великие боги, услышьте меня. Нет. Нет…”

Только тишина слушала его.

На залитых звездным светом равнинах Восточного Шаара охотник расшевелил умирающие угли костра, думая о своей мертвой жене. Волшебница в башне закрыла старинный том и потерла глаза, встревоженная написанным. Старый пастух в тепле своего дома сыграл нежную мелодию на флейте, и начал рассказывать своему внуку на ночь историю о призраках.

ВОЛО В МЕНЗО — Брайан М. Торнсен

В трущобах Скуллпорта

“Где мой Скуллпортский Специальный?” взревел дварф. “Я уже год назад сделал заказ!”

“Вы заказали его меньше чем пять взмахов драконьего хвоста назад”, ответил Персиваль Галлард Вудхос, умелый и гордый мэтр/официант/повар Кирки Изменника, одной из самых грязных забегаловок Скуллпорта, “… и он как раз здесь”.

Дварф, чье имя было Книтро, взялся за дело обеими руками, набивая рот ароматной едой и комментируя, “Лучше, чем в прошлый раз. Лучшая жрачка во всем Скуллпорте”. Затем, оторвавшись от варева, капавшего с его бороды, добавил, “На тебя посмотреть, и не подумаешь, Свин, но ты знаешь, как готовить”.

“Я живу, чтобы служить”, ответил Вудхос с намеком на сарказм, который, как он знал, остался незамеченным дварфом, занятым своим обедом.

Книтро начал вылизывать тарелку, выискивая остатки похлебки, которые сумели избежать его рта, бороды и одежды за те мгновения, что потребовались ему для опустошения ее содержимого. Потом дварф прорыгал очередное послание многострадальному Вудхосу.

“Прошу прощения?” переспросил Вудхос.

“Что такое?” ответил дварф. “Я сказал на Общем, Свин. Глухой что ли?”

“Меня должно быть отвлекло великолепное извержение, что вы продемонстрировали в завершении приема пищи”, ответил он, уверенный в ограниченном словарном запасе своего посетителя.

“Я сказал ‘Классная жратва’”, повторил дварф, на сей раз без акцента из сопровождавших слова газов.

“Я живу ради ваших похвал”, ответил Вудхос, отворачиваясь к бару.

Дварф, утоливший свой аппетит явно был настроен на общение. Он оставил свой столик и последовал за официантом, заняв место на стуле перед баром, и жестом показав, что готов к приему послеобеденного грога.

Профессионал до конца, Вудхос обслужил его незамедлительно. Посетитель всегда прав, напомнил он себе, не важно, что он неотесан, воняет и ведет себя варварски. Почтительность — необходимое условие в сфере обслуживания.

“Знаешь что, Свин?”, продолжал дварф.

“Что, сэр?” ответил он, не удержавшись от гримасы при новых звуках голоса этого постоянного в последнее время гостя

заведения.

“За все годы, что я провел, копая в этих местах, я никогда не встречал никого кто делал бы лучшую хавку, чем ты. Думаю, я замолвлю за тебя доброе словечко перед управляющими”.

“О, спасибо сэр”, ответил Вудхос, надеющийся, что достаточное количество подобных заступничеств вернет ему благоволение менеджеров и убедит власть имущих вернуть его на предыдущее место работы в Зале Корабелов Уотердипа или еще какое престижное заведение. Он в последний раз наполнил кружку дварфа.

“Нет проблем, Свин”, возразил дварф, одним глотком опустошая кружку. “Не хочу потерять тебя. Ты лучший повар когда-либо работавший в Кирке Предателя — ну, по крайней мере за те, почти пятьдесят лет, что я прихожу сюда. Копая и заваливая тоннели целый день, нагуливаешь зверский аппетит. Я знаю менеджера, а он знает меня — постоянный посетитель, как никак”.

Дварф поднялся со стула и направился к дверям, добавив на прощание, “Уверен, одно мое слово и тебе никогда не придется задумываться о работе. Твоя позиция здесь будет обеспечена навсегда”.

“Весьма печальная возможность”, пробормотал Вудхос, в основном сам для себя, поскольку ни один из клиентов не обращал на него внимания.

Персиваль Галлард Вудхос занимал весьма высокое место в глазах держателей таверн Уотердипа до одного весьма неприятного инцидента. Обученный своему делу в лучших тавернах Сузайла, тогда еще юный мажордом направил свой взгляд на запад, и перебрался в Уотердип, в поисках места подходящего его способностям. Там он предложил свои услуги консорциуму торговцев, занимавшихся подобными услугами, и получал назначения в различных заведениях Уотердипа. С ростом опыта, он скоро пожелал сам определять собственную судьбу. Он уволился из консорциума и занял должность в Зале Корабелов, частной таверне и гостинице, предназначавшейся для верхних слоев морского сословия. Очень скоро он уже управлял этим местом, с более чем двадцатью работниками в своем подчинении. Вудхос решил, что настало время передохнуть от скоростного карабкания по социальной лестнице и посвятить несколько месяцев обслуживанию мореплавателей. Следующая возможность повысить статус наверняка предоставится в свое время.

И тогда, в один печальный день, в заведение заявилась очень важная персона с сопровождением. Никто иной, как самый известный путешественник Фаэруна, и его самый продаваемый

автор, Волотамп Геддарм собственной персоной. Быстро схватившись за возможность добавить очередное перо на свою шляпу, Вудхос предложил Воло сотоварищи услуги “за счет заведения”, надеясь на благожелательное описание в новой редакции “Путеводителя Воло по Уотердипу”.

Однако путешественник и его спутники тихо покинули город ночью, не оставив ни хвалебной заметки, ни денежного возмещения оказанных услуг. Когда Вудхос сообщил о случившемся своим начальникам, те были в ярости. На то было два резона, и оба одинаково смертельные. Во-первых, если путешественник не был на самом деле легендарным Воло, Вудхоса просто надул какой-то жулик (возможно, известный вор и самозванец Маркус Вандс, он же “Марко Воло”), а значит Вудхос не может занимать столь ответственную должность. Во-вторых, если путешественником действительно был легендарный журналист, Вудхос либо чем-то оскорбил его, или Воло нашел обслуживание слишком плохим, чтобы остаться хотя бы на ночь, а значит позорящее описание в следующем выпуске путеводителя заведению гарантировано. В любом случае, единственной подходящей реакцией начальство сочло увольнение, и Вудхос был уволен.

Вудхос обратился в консорциум, надеясь оттуда вновь начать восхождение в обществе, но обнаружил, что попал в черный список. Владельцы были немало оскорблены, когда он решил начать независимую карьеру, и собирались преподнести ему урок. В результате, работу ему удалось получить только у начинающего предпринимателя, с которым он свел знакомство еще в Зале Корабелов.

Денвер Гиллиам — бывший моряк, и, по собственному утверждению ветеран слишком большого количества кораблекрушений — недавно разбогател и выкупил несколько таверн в районе доков Города Роскоши. После покупки таверны продолжали работать независимо, и даже Лорды Уотердипа не знали, что у них появился один владелец, несмотря на то, что заведения стояли бок о бок на обеих сторонах улицы.

(Те немногие посетители, что знали истину, прозвали это место “Проходом Гиллиама”.)

Гиллиам предложил Вудхосу работу, и тот быстро согласился, подписав контракт на не менее трех лет эксклюзивных услуг. Однако, начав работу, Вудзос обнаружил что таверна, на назначение в которую он согласился, далека от недавно перестроенного и обновленного района доков Уотердипа. Собственно, она была даже не в Уотердипе. Так благородный мажордом оказался на совмещенной позиции мэтра, повара и

официанта в Кирке Предателя в Скуллпорте, где уже прямохождение незамедлительно позволяло продвинуться в ряды интеллектуальной элиты.

Вудхос потерял счет времени с тех пор, когда он в последний раз оказывался под солнечным светом, и быстро впадал в отчаяние, когда вспоминал, что еще даже не отработал половину своего контракта.

Когда обеденное время подошло к концу, Вудхос запер за собой переднюю дверь и направился в Грог Джентльмена для вечерней трапезы, оставив на двери табличку просто гласившую “Ушел на уж.”

В Гроге Джентльмена

Хотя кухня и обслуживание в Гроге Джентльмена даже рядом не лежали с уровнем Кирки Предателя, тем более с каким-либо более фешенебельным заведением Уотердипа, когда наступала очередь Вудхоса вкушать пищу он считал одну вещь совершенно необходимой: ему будут прислуживать и он сможет вкусить удобства полагающиеся любому платящему деньги посетителю. Удобства в ГД (как звали ее завсегдатаи) были правда весьма скромными, но еда была во всяком случае терпима, официанты вели себя не слишком угрожающе, а посетители выглядели относительно прилично. Таким образом, выбор Вудхосом ГД был вполне закономерен.

“Эй, Свин”, позвал Вурлицер, бармен-орк, заметив вошедшего Вудхоса, “как дела в Кирке?”

“Все по старому”, ответил Вудхос, занимая место у бара, дабы избежать шумной группы скопившейся у столов. “Мне как всегда, пожалуйста”.

Бармен хмыкнул, принимая заказ и налил, отвергнутому обществом мэтру, вина. “Слышал что нибудь о новом месте, которое открывается дальше по улице? Вроде бы оно зовется Чаша и Ящер или что-то в этом роде”.

“Ты имел в виду Флакон и Дракон”, поправил Вудхос.

“Да, да именно так”, согласился Вурлицер, поставив тарелку перед новым посетителем. “Думаю, им нужна помощь опытного специалиста. Хочешь, замолвлю за тебя словечко?”

“Ты уже второй сегодня кто предлагает ‘замолвить словечко’ за меня, но, спасибо конечно за предложение, однако я пожалуй откажусь. Как бы то ни было, мое следующее место работы будет как можно дальше от этой проклятой дыры”, ответил Вудхос.

“Скуллпорт не так уж плох”, защищающимся тоном ответил орк. “Я живу здесь всю жизнь, и хотя выходцев из верхних слоев, вроде тебя, место не впечатляет, мне все же кажется, что уже заметны перемены к лучшему”.

“В самом деле?” саркастически заметил Вудхос, и тут же обеспокоился, не задел ли он чувства Вурлицера. Орк был пожалуй ближе кого-либо к тому, чтобы зваться его другом. “И как именно?”

Вурлицер незамедлительно загорелся энтузиазмом.

“Я надеялся, что ты спросишь”, ответил он. “Угадай, кто этой ночью будет нашим гостем?”

“Понятия не имею”, сказал Вудхос, не в настроении играть в подобные игры.

“Твой старый друг”, добавил орк. “Ну же, отгадывай”.

Поняв что бармен от него не отстанет, Вудхос проглотил остаток пищи, вытер губы салфеткой и, пожав плечами, назвал первое пришедшее на память имя.

“Правда, не знаю — ” сказал он, и предположил “ — легендарный журналист, Волотамп Геддарм?”

На лице орка появилось озадаченное выражение.

“А он еще любит, когда его зовут Воло?” спросил Вурлицер, явно не знакомый с полным именем великого писателя.

Вудхос отстолбенел в шоке.

“Ты хочешь сказать, Волотамп Геддарм здесь… этим вечером?” спросил он, неверя своим ушам.

Вурлицер поскреб голову, напрягая свои скромные мыслительные способности. “Если ты говоришь о парне, который пишет все эти путеводители, и любит когда его зовут Воло и который вроде как должен был дать о тебе хороший отзыв в Зале Корабелов — ну, да”.

“Где он?” потребовал Вудхос.

“Там”, ответил орк, указав на бурлящую группу у столов. “Похоже, у него тут целый двор или что-то такое. Он начал рассказывать истории о своих путешествиях, и собрал толпу”.

С дальней стороны комнаты раздался вопль “Иихоо!”, за которым последовал хохот многочисленных почитателей.

“А следующая — еще лучше”, прокричал тот же голос, с явными следами воздействия алкоголя.

“Похоже он уже немного перебрал”, высказал замечание Вудхос.

“Естественно”, согласился Вурлицер. “Мне нравится, когда новый посетитель наслаждается всей полнотой прислуг ГД”.

“Ты хотел сказать, услуг”, поправил Вудхос, покидая бар, чтобы занять место за столом на периферии аудиенции VIP.

Быстро оглядевшись, Вудхос заметил многочисленные пустые стулья вокруг легендарного журналиста; немалая часть клиентуры таверны уже насытилась историями веселого шумливого хвастуна, называвшего себя величайшим путешественником Фаэруна.

За исключением дорогой одежды и заметного опьянения, путешествующий писатель выглядел точь-в-точь как его запомнил Вудхос. Аккуратно подрезанная бородка, щегольский берет и объемное брюшко, и на всем этом мастерское краснобайство, лукавство и улыбка. Да, это был Волотамп Геддарм, тот самый джентльмен чье тогдашнее неожиданное изчезновение из Зала Корабелов стоило Персивалю Галларду Вудхосу его работы, и нескольких ступенек на социальной шкале Уотердипа. Человек,

виновный в его нынешней ссылке в Скуллпорт.

“… А еще был случай, когда я удирал из земель Орды на небесном корабле Халруа…” продолжал расказчик.

Ну вот, подумал Вудхос, похоже мне придется вытерпеть полный набор всех изумительных приключений Воло. Но если мне удасться поговорить потом с ним наедине, это может помочь. Если я буду “хорошим слушателем”, он может быть заступится за меня в Зале Корабелов.

“… А еще однажды меня похитила группа доппльгангеров прямо на улицах Уотердипа…”

Ну что же, надо выждать, решился Вудхос.

Толпа фанатов и почитателей все редела, но увлеченный Воло не унимался. Уже исчезли почти все, за исключением нескольких орков; пары дурно пахнущих дварфов, усиленно налегавших на выпивку; опьяневшего огра, полностью отрубившегося в сидячем положении; и пары весьма бандитского вида дроу, слушавших журналиста как пантеры, прислушивающиеся к приближающейся добыче.

“… А следующая моя книга будет совершенно уникальна…”

Дроу продолжали мерить его немигающими взглядами.

“…Вообразите путеводитель столь экзотичный…”

Мда, похоже звук собственного голоса его просто в экстаз приводит, тихо решил Вудхос.

“… столь таинственный, да я скажу даже что есть те, кто ни перед чем не остановится, чтобы помешать публикации этого манускрипта…”

Угу, конечно, саркастически подумал Вудхос; реклама, ничего больше.

“… Я думаю назвать его *Воло в Мензо*…”

При этом дроу быстро обменялись приглушенными репликами, поднялись со стульев и поторопились к выходу, бросив Вурлицеру гинею.

“… Это будет первая книга с описанием пути в и из великого города Мензоберранзан, практически, путеводитель в Подземье”.

Как только путешественник сделал паузу, раздались вялые аплодисменты, и аудитория заглотив остатки выпивки мгновенно рассосалась, прежде чем он продолжил свой монолог.

Думаю, толпа знает, когда ей уже достаточно, подумал Вудхос, наблюдая за их отступлением в дальние углы пивной. Повернувшись к тому месту, где сидел расказчик, Вудхос с изумлением увидел что Воло уже собрал свои вещи, махнул рукой бармену кинул ему монету благодаря за гостеприимство, и уже изчез за дверью, Ао-знает-где.

“Ох, нет” воскликнул Вудхос, бросаясь в погоню за ключом к

своему возможному прощению. Он почти выбежал за дверь, когда орочья рука ухватила его за воротник.

“Свин, старик”, сказал Вурлицер дружелюбно, однако тон не скрывал угрозы, “ты ничего не забыл?”

Бывший мэтр/официант/повар Кирки Предателя потратил пол секунды, чтобы выловить первую попавшуюся монету из кошелька, вручил ее орку и кинулся прочь, успев краем уха услышать замечание бармена насчет того, что три гинеи подряд совсем не плохой доход для вечера в середине недели и без оплаченных увеселений.

Оглядевшись в обоих направлениях вдоль мрачных аллей Скуллпорта — и не заметив нигде своей цели — Вудхос быстро выбрал вероятный курс и отправился искать путешественника. Он проклинал собственную торопливость и неудачливость, стоившие ему цены обедов за полную неделю, и наплевал на тот факт, что отведенное ему на перерыв время давно закончилось.

Потратив еще немного драгоценного времени, Вудхос стал размышлять вслух. “Куда же он делся?” Вопрос был рожден скорее раздражением, чем практичностью, поскольку Вудхос уже давно перестал обращать внимание на других прохожих в сумраке Скуллпорта.

“Куда делся кто, Свин?” переспросил голос из за спины.

Теперь уже бывший мэтр/повар/официант Кирки Предателя быстро обернулся, и на глаза ему попались щупальца одного из его теперь уже бывших клиентов.

“А, это ты, Маликс”, ответил он.

“Верно”, ответил маг-иллитид, которому полюбился рецепт Вудхоса глубинной рыбы-по дуэргарски. “Повторяю вопрос. Куда делся кто?”

“Волотамп Геддарм”.

“Ты говоришь о этом громкоголосом источнике историй из ГД? Он ушел вон туда”, ответил Маликс, указывая одним из щупалец вдоль темной аллеи. “Просто следуй по дорожке из светящейся пыли, он похоже наступил на что-то по дороге. И будь осторожен! За ним следовали два весьма подозрительных дроу”.

“Спасибо, Маликс”, бросил Вудхос, изчезая в тенях в указанном направлении.

“Не благодари меня”, заметил Маликс вслед. “Просто скорей разбирайся со своими делами и возвращайся к работе. Я жду не дождусь хорошего дессерта, и чем скорее ты закончишь, тем быстрее будет удовлетворен мой аппетит”.

Вудхос рысью несся по узкой аллее, хотя и не видел никакой светящейся пыли о которой упоминал Маликс. Его настойчивость вскоре была вознаграждена. Аллея сделала крутой поворот

направо, сузившись так что по ней можно было идти только по одному, затем еще раз повернула направо, раскрывшись в тупик, погруженный в абсолютную темноту.

Он едва успел услышать, как кто-то выкрикнул “Нет”, прежде чем ощутил сильный удар по затылку, и немедленно окунулся в непроглядный океан беспамятства.

Прогулки в темноте

Вудхос не знал, сколько он провалялся без сознания, и едва ощутил как пришел в себя. Его пинком поставили на ноги и частью провели, частью протащили по узкому темному тоннелю. Иногда он освещался фиолетовыми сферами, дрожавшими в ритм шагам его похитителей.

Вскоре он почувствовал как тоннель вокруг расширяется, и заметил отсутствие постоянного в Скуллпорте морского ветерка. Похоже, они неуклонно двигались вниз. Его руки были связаны, и веревка была привязана к петле, тесно обхватившей шею. Петля, в свою очередь, была привязана к поводку, на котором его, спотыкающегося, вели.

Затем Вудхос узнал, что он не единственный присоединился к подземному путешествию против воли.

“Эй, парни”, послышался голос, в котором Вудхос распознал Воло, “не могли бы мы остановиться? Мы уже несколько часов шагаем. Нельзя ли отдохнуть?”

“Хорошо”, раздалось из губ расположенных прямо под двумя светящимися точками. “Скуллпорт уже далеко, и с вашей стороны будет очень глупо подумать, что вы найдете путь назад. Сядьте и немного отдохните”.

“Можно мне покопаться в моей сумке?” попросил знаменитый журналист. “У меня есть камень, который дал бы немного света, и облегчил бы путь тем из нас, кто не одарен столь острым ночным зрением”.

“Ладно”, ответил голос, “но без глупостей. Хоть я и собираюсь доставить вас в Мензоберранзан живыми, это не помешает прибегнуть к некоторым несмертельным, но очень неприятным для вас методам”.

“Глупости? Ни в коем случае”, сказал Воло.

Вудхос услышал шорох, как от пальцев копошащихся в мешке, затем вспыхнул свет, заставивший его быстро прикрыть глаза. Он медленно приоткрыл их, щурясь навстречу сиянию. Быстро отвернулся от его источника, и несколько секунд оглядывался вокруг, разглядывая черты пейзажа медленно проявлявшиеся в его глазах, приспособившихся к освещению.

Они находились в пещере, со стенами казалось выполненными из гладкого черного стекла. Не отбрасывай они четыре тени на стены, возникла бы иллюзия бесконечной темноты, пустоты беззвездного пространства.

“Ты мне кажешся знакомым”, сказал Воло собрату по несчастью. “Мы случайно не виделись?”

Вудхос вновь вернулся взглядом к источнику света, сообразив, что вопрос обращен к нему. На свету было видно, что шея и руки Воло тоже связаны. “Вы скорее всего меня не помните, но… ” начал было отвечать бывший мэтр/повар/официант.

Воло щелкнув пальцами прервал его.

“Ты работал в Зале Корабелов, в Уотердипе”, сказал он. “Я никогда не забываю лиц. Что во имя Ао ты делал в Скуллпорте?”

Вудхос не мог найти слов. Он хотел бы обвинить во всех своих бедах писателя: потеря социального статуса, изнание в эту кулинарную яму Скуллпорта, пятно на репутации… Но все эти обвинения в сложившейся ситуации были уже смехотворны.

“Я работал там”, ответил Вудхос, “в Кирке Предателя…”

Воло вновь щелкнул пальцами вмешиваясь. “Ты должно быть Свин. Я слышал чудесные вещи о твоем поварском искусстве. Хотелось бы мне испробовать его. А каким ветром ты оказался на такой работе?

“Спасибо за комплимент”, ответил гастроном, смирившись с тем, что ему придется похоже водить знакомство с этим типом до последнего часа — чья вероятная близость начинала серьезно его тревожить. “Мое полное имя Персиваль Галлард Вудхос. Я потерял работу в Зале Корабелов в силу обстоятельств мне неподконтрольных, и нуждался в работе”.

“Кончайте болтовню!” распорядился один из дроу, пнув Вудхоса в бок и отвесив Воло подзатыльник. “Отдыхайте пока можете, и лучше бы потише. До Мензоберранзана путь долог”.

“Прошу прощения”, извинился журналист. “Я лишь подумал, что раз уж нам придется совершить столь долгое путешествие, то стоит чуть лучше узнать друг друга. Я так полагаю, вы и ваш спутник принадлежите к числу знаменитых воителей Лолт”.

“Мы станем ими, когда приведем вас”, горделиво объявил пленитель. “Скоро все в Мензоберранзане узнают имена Коуруна и Хаукуна, в одиночку защитивших тайны Паучьей Королевы. Ни один обитатель поверхности не осмеливался еще нарушить святости ее владений, тем более документировать это в путеводителе”.

“Да уж, поймали вы меня”, признался Воло. “Я еще даже не успел передать манускрипт издателю”.

“И уже никогда не передашь”, заверил его тот из дроу, кого звали Коурун. “Ты — наш билет из изгнания”.

“А я что?” осведомился Вудхос, мгновенно получивший очередной пинок под ребра.

“Еще один раб в загон”, ответил другой дроу, Хаукун, “и поверь мне, это не слишком приятное место”.

“Поэтому мы и ушли”, заметил Коурун. “Если бы остались,

это была еще самая лучшая возможная участь”.

“Рабство это все-таки лучше, чем трансформация в драйдера”, признал Хаукун. “Но все наши прегрешения будут забыты, когда матроны-матери узнают о нашем подвиге”.

“Я уж не говорю о том, что мы спасем честь Паучьей Королевы”

“А в чем же вас обвиняли?” спросил Воло тоном столь искренним и заботливым, что оба дроу продолжали раскрываться.

“Они считали нас тупыми”, признался Хаукун.

“Не подходящими чтобы стать воинами”, добавил Коурун.

“Мы вернулись из рейда на поверхность без пленников…”

“Хуже того, на наших сапогах оказались следы порванной паутины.

Воло понимающе кивнул. Среди дроу оказаться плохим воином было почти непростительно, но даже подозрение в причинении вреда одному из избранных детей Лолт было преступлением куда худшим. И все же, даже столь серьезные прегрешения могут быть очищены актом великой преданности или героизма.

“Но все это в прошлом”, гордо произнес Хаукун, затем приказал, “Давайте, вставайте! Чем скорее мы вернемся на нашу возлюбленную родину, тем быстрее мы будем оправданы”.

Двое пленников быстро поднялись на ноги, и отправились дальше по пещере, все глубже в недра Торила. Дроу похоже не обращали внимания, что Воло не вернул светящийся камень в свою сумку, вместо этого привязав его к ремешку вокруг шеи, тем самым обеспечив себе и Вудхосу столь необходимое в пути освещение.

Путь в Мензоберранзан

Позже, после бесконечных часов пути, четверка остановилась на отдых у подземного озерца. Дроу сунули пленникам несколько кусков вяленного мяса какого-то давно почившего ящера неопределенной разновидности.

“Ешьте”, приказал Хаукун. “Мы не собираемся тащить вас, свалившихся от голодания, на себе. Это поддержит вас некоторое время”.

Мясо на вкус было отвратительным и почти не насыщало, но оба пленника понимали, что лучше уж есть его, чем совсем ничего. Они пытались изо всех сил пережевать жесткую еду. Вудхос, с некоторым удовлетворением, заметил, что и их пленители не особо наслаждаются обедом.

“Жаль, что здесь нет рыбы”, спокойно сказал Воло.

“Ты о чем?” осведомился Коурун, и одновременно с этим безглазая форель со всплеском разбила зеркало поверхности бассейна.

“Ну”, начал пояснять Воло, “я часто слышал что дроу великолепно ловят рыбу, а если учесть что мой собрат по несчастью один из лучших поваров Уотердипа — тем более, Скуллпорта — не вижу почему бы храбрым воинам стоило мучить себя отвратительными рационами… Смею предположить, именно самоотречение подобного рода и делает вас столь великими воителями. Я же, с другой стороны, с удовольствием пообщался бы с рыбной похлебкой. Я, естественно, никогда не претендовал на право называться великим воином, тем более соперничать выносливостью с благородными и могучими дроу”.

Коурун и Хаукун обменялись взглядами и несколькими словами на языке дроу. Хаукун повернулся к Вудхосу и сказал, “Ты действительно хороший повар?”

“Лучший”, мгновенно вставил Воло, добавив: “ведь верно?”

“Ну, я не хотел бы хвастаться”, ответил Вудхос, завидев шанс на обед лучший, чем та неудобоваримая пища, которой довольствовался сейчас, “но, хм, позвольте мне заметить, что не может же ошибаться весь Уотердип”.

“Тем более, Вурлицер из Скуллпорта”, добавил журналист. “Он известный гурман”.

Дроу озадаченно посмотрели друг на друга.

“Я имею в виду, он любит хорошо приготовленную пищу”, быстро объяснил Воло.

Еще один быстрый диалог между парой дроу, и Хаукун поднявшись на ноги и прихватив свое копье, устроился на

бережку бассейна, выглядывая в воде форель. Коурун в это время собрал кучку камней и произнес заклинание на дроу.

Очень быстро, камни засветились огненно-белым раскаленным светом, и приличных размеров форель оказалась на острие копья. Вудхосу и Воло развязали руки, и выдали инструкции.

“Готовь!”

Воло тихонько прошептал Вудхосу.

“Так, Перси. Теперь делай свое дело — и делай получше”.

“Мне нужна какая-то сковорода или кастрюля”, заметил Вудхос.

“Ах, да, конечно”, согласился Воло. “Коурун, не могли бы мы позаимствовать твою нагрудную кирасу?”

“Берите”, разрешил Хаукун.

Коурун снял кирасу, а подземный шеф-повар огляделся вокруг, что-то выискивая.

“Чего ты ищешь?” потребовал Хаукун. “У тебя есть сковорода, почему ты не готовишь”.

Вудхос подготовился положить форель на кирасу. “Просто жаренная форель довольно бесвкусная”, объяснил он все еще рыща взглядом по сторонам. “Не могли бы вы сделать мне одолжение, и собрать немного мха с того булыжника, и пожалуй еще немного грибов свисающих с вон того сталактита?”

“Зачем?” спросил дроу.

“Увидите”, пообещал Воло.

Два дроу вновь обменялись озадаченными взглядами и, пожав плечами, Коурун отправился за запрошенными ингредиентами.

Вудхос, мастер-повар, взрезал форель и вытащил внутренности, заменив их частью грибов. Затем налил воды в кирасу-сковородку и кинул чуть-чуть грибов туда. Пар наполнился изысканным ароматом. Когда вода нагрелась, Вудхос натер мхом рыбу, пока маленькие волоконца не пропитали мясо. Потом положил сдобренную пряностями форель на сковороду, часто и осторожно переворачивая ее, чтобы она пропеклась вся и равномерно.

Вскоре пещеру переполнил тревожащий и волнующий аромат, искушение гурмана, и очень скоро четверо путешественников насладились сытным и вкусным обедом.

“Видите”, заметил Воло. “Я же говорил”.

“Это верно”, согласился Хаукун. “Если ты можешь готовить так же каждый раз, мой партнер и я можем позволить вам продолжить путешествие не связывая рук, естественно, если вы не попытаетесь бежать”.

“А куда?” напомнил ему Воло. “Мы просто пропадем и погибнем в темноте без вашего опыта и помощи”.

“Уж поверьте”, ответил Коурун, забивший рот рыбой.

Когда обед закончился, путники немного отдохнули, а Коурун ждал, пока остынет его кираса. Потом она вернулась на положенное место, и они возобновили путешествие, следуя вдоль потока, наполнявшего бассейн ставший для них источником роскошной еды. Потом они решили разбить лагерь и немного поспать. Вудхос быстро осознал, что концепций дня и ночи здесь как таковых нет. Он практически потерял счет времени, прошедшего с той поры когда он обнаружил Воло в ГД, и погнался за ним по аллеям Скуллпорта. Он также не осознавал, как же он устал, и быстро провалился в сон.

“Перси, проснись”, тихо прошипел Воло.

Вудхос оторвался от общения с Морфеем и открыл глаза.

Как оказалось, во время их отдыха на дроу набрела пара куо-тоа — высоких, уродливых амфибий с раздутыми животами — и они уже обменивались раздраженно звучащими словами. То, что началось как мирная, хотя и настороженная встреча между представителями двух доминирующих подземных рас, быстро превращалось в напряженный спор.

“Высокий куо-тоа”, объяснил Воло, “заявил, что чует кровь его народа на Коуруне. Он, конечно, чувствует запах оставшийся от нашего обеда на кирасе”.

“Вообще-то, по-хорошему ему стоило вымыть ее, прежде чем одевать”, заметил Вудхос.

“Кто же спорит”, согласился Воло, “но с другой стороны, ни один из наших пленителей пока не продемонстрировал серьезных признаков здравого смысла и интеллектуальной мощи. Если их повелительницы в Мензоберранзане считали что они глупы, скорее всего так и есть. Матроны дроу обычно хорошо судят о способностях и потенциале”.

Спор уже превратился в обмен тычками между двумя парами.

“Что они говорят?” поинтересовался Вудхос.

“Он только что назвал Хаукуна сыном иллитида”, перевел Воло. “Сейчас дойдут и до ударов”.

Дроу и куо-тоа задействовали свои копья, используя их как посохи, в схватке пока еще не смертельной.

“Предвижу обмен синяками, но убийств не будет”, решил Воло. “Можем спать дальше”.

В голову мэтру пришла мысль.

“А почему бы нам не воспользоваться шансом и не удрать?” торопливо спросил он. “Дроу отвлечены, а такой возможности больше может не представиться”.

“Не беспокойся об этом”, ответил Воло укладывая голову на подушку собственной сумки. “Ты никогда сам не найдешь дорогу наверх, а моя задача еще далека от выполнения”.

“Какая задача?” повысив голос выпалил Вудхос.

“Тихо!” приказал Воло, быстрым взглядом осведомившись не услышали ли их дроу. К счастью, они с куо-тоа все еще увлеченно тузили друг друга древками копий.

В скором времени ожидалось таскание за волосы и выцарапывание чешуи.

“Доверься мне”, ответил великий путешественник. “Заверяю тебя, у меня нет никакого желания провести остаток жизни рабом или еще похуже в каком-либо проклятом Ао городе дроу, и я не собираюсь предоставить такой судьбе тебя. Просто доверься мне. У меня есть план. А теперь спи”.

Воло отвернулся, закрыл глаза и скоро захрапел, оставив ошеломленного Вудхоса с расширившимися глазами и неспособного заснуть, размышлять над новооткрывшимися фактами.

Следующим утром дроу весьма неласково привели в чувство пленников, чтобы продолжить долгий путь в подземных лабиринтах Торила. Ни следа куо-тоа не было, а Коурун и Хаукун выглядели весьма растрепанными, иссиня-черную кожу усеивали ушибы и кровоподтеки.

“Что случилось?” невинно осведомился Воло. “Вы выглядите как будто бились с кем-то”.

“Подземье кишит опасностями”, ответил Коурун. “Мне и Хаукуну пришлось сразится с целой армией злобных куо-тоа, спасая ваши жалкие шкуры”.

“Благодарю вас”, поклонился журналист.

“Мы их не ради вас спасали”, надменно ответил Коурун. “Лолт предпочитает сама выносить свои приговоры и подвергать жертвы пыткам. Наша обязанность доставить вас неповрежденными, а не позволить вам попасть в скользкие лапы ее врагов”.

“Или кончики плавников”, пробормотал Воло.

“Что ты сказал?” потребовал дроу.

“Я сказал, ‘в конце концов, хозяева вы’ ” быстро ответил журналист.

“Ладно, пошли”, приказал избитый дроу. “Нам еще много дней пути предстоит”.

“Как пожелаете, *Хозяин*”, ответил Воло. Он помог Вудхосу подняться на ноги и они вновь двинулись в Мензоберранзан.

Слова день и ночь потеряли весь смысл для Воло и Вудхоса. Тьма простиралась во тьму, они шли и шли ненадолго прерываясь

для отдыха и еды. Что бы они не избирали на обед, великий повар с честью выдерживал испытание, создавая шедевры достойные лорда Уотердипа. Салат из подземного мха, квашенные грибы, даже филе плащевика (благодаря невероятной удаче Коуруна, который случайно ткнул его острием копья как раз в тот момент, когда он бросился на путников) поддерживали их желудки полными, а дух нехарактерно бодрым для двух пленников, ведомых пленителями к погибели.

Воло быстро понял, что дроу начинают чувствовать угрызения совести из-за судьбы, ожидающей его и Вудхоса. Жалкими темными эльфами оказались эти двое.

“Знаешь”, признался Коурун, “будь на то наша воля, мы бы наверное отпустили вас, но ты же понимаешь… Вы единственный путь очистить наши имена и восстановить славную репутацию”.

“Конечно”, ответил Воло, “дроу должен поступать, как подобает дроу. Уверен, вы с нетерпением ожидаете возвращения домой. Мензоберранзан хранит столько дорогих для вас воспоминаний”.

Коурун припомнил свое детство и юность, ощущение второсортности, удары и издевки сестер, жизнь низкорожденного мужчины в жестоком матриархальном обществе, и вслух произнес “Эээ… ну да. Ничто не сравнится с домом”.

Даже Вудхос заметил отсутствие убежденности в этих словах его похитителя, и быстро кинул укромный взгляд на Хаукуна, на чьем лице появилось похожее выражение подавленности.

“Как-то во время моих путешествий я встречался с дроу-изгнанником… парень по имени До’Урден”, кинул наживку Воло.

“Да, название Дома я припоминаю”, согласился Коурун. “Вроде бы один из меньших”.

“Он был весьма меланхоличен, и наверно тоже тосковал о доме. А как долго вы отсутствовали?” осведомился Воло.

“О, я потерял счет”, отсутствующим тоном ответил Коурун. “Много лет, а может и больше”.

“Ну”, заметил Воло, “за такое долгое время могло случится множество событий. Я уверен, вещи изменились к лучшему”.

“Верно”, напыщенно ответил Хаукун, “и мы возвращаемся как герои, посвятившие себя служению Лолт”.

“Да, мы не должны забывать об этом”, согласился Воло. “Действительно, об этом забывать нельзя”.

Надеясь разогнать сгустившийся туман печали, лучший путешественник мира стал рассказывать своим спутникам истории своих странствий, в том числе и кругосветного путешествия. Однако дроу это не заинтересовало. Всю свою жизнь они провели в Подземье, и не особо обращали внимание на места

вне их досягаемости.

“Мы вкушаем лучшее, что может предложить поверхность в Скуллпорте”, объявил Хаукун. “Так что не вижу причины выходить под проклятое солнце и дневной свет”.

Воло испробовал другой способ развлечь дроу.

Опираясь на свои исследования, послужившие источником для знаменитой запрещенной книги, *Путеводитель Воло в мир магии* — и отлично зная, что все дроу обязаны получить хотя бы базовое магическое обучение — он попытался заинтересовать их рассказами о разных заклинаниях, артефактах и феноменах на которые набрел когда-либо.

“Подожди-ка”, прервал Коурун, “ты что, хочешь сказать, что ты маг?”

“Вообще-то нет”, ответил Воло осторожно, уклончиво и лживо. “Я просто много посвятил изучению теории, только и всего”.

“Тяжкое дело”, признал Коурун. “Я всегда в этих классах был неуспевающим”.

“Да, если бы мы не жульничали на тестах”, добавил Хаукун, “стали бы мы мясом для драйдеров”.

Не желая снова обращать внимание на собственные возможности, Воло вновь сменил тему.

“Зато я уверен, вы оба обладаете великолепными познаниями в других вещах”.

“Вроде ловли любопытных писателей”, ехидно заметил Коурун.

“Хм, да. Но я вообще-то думал про общую картину жизни в Подземье. Сам я провел множество исследований, прежде чем совершил первое путешествие вниз, и скажу вам, с личным опытом ничего не сравнится”.

“Это точно”, согласился Вудхос, пытаясь вступить в беседу. “Вроде как пытаться научится готовить, не ступая ногой в кухню”.

Улыбка повара бесполезно разбилась о лица дроу, так что Воло продолжил свою нить диалога.

“Когда я начал изучать Подземье”, объяснил он, “я понятия не имел о том, что здесь столько всего происходит. Я никогда не слышал о дуэргарах, свирфнебли или таалудах, о великих городах Эриндлин, Ллурт Дрейер или Шшамат, и о Мензоберранзане. Я просто знал, что должен попасть туда”.

“И так и сделали”, вставил Вудхос.

“Ну… да”, продолжил Воло, быстрым взглядом на собрата по плену предупреждая его придержать язык, “и именно поэтому я чувствовал, что просто обязан написать *Путеводитель по Подземью*”.

“А я думал, ты собирался назвать его *Воло в Мензо*”, прервал его Коурун.

“Да, и я был… ” попытался продолжить журналист.

“И все же, как именно?” потребовал Хаукун.

“И где он?” добавил Коурун.

Быстро оправившись, Воло спокойно объяснил. “Название книги окончательно утверждаю не я, а издатель… а что до манускрипта, не беспокойтесь о нем”.

“Ну так давай его сюда”, потребовал Хаукун.

“У меня его с собой нет”, продолжил Воло, “но вы не волнуйтесь. Он очень хорошо спрятан. Никто в Скуллпорте никогда его не найдет”.

Двое будущих-воителей опять посмотрели друг на друга и переговорили на родном языке. В самом деле, доставить в город полезшего куда не следует журналиста будет абсолютно бессмысленно, если манускрипт попадет в руки другим жителям поверхности, развеяв ценность совершенного ими деяния, и угрожая их восстановлению в правах. Поговорив несколько минут они наконец согласно кивнули.

“Если кто спросит”, приказал Хаукун, “Я и Коурун уничтожили единственную копию манускрипта”.

“Понял”.

“А если любой из вас оспорит наши слова”, добавил Коурун, “для вас это кончится очень плохо”.

“Мы даже не думаем о таком”, заверил Воло, “правда же, Перси?”.

“Конечно же нет”, воскликнул Перси, не совсем правда уверенный, как же его судьба может стать еще хуже чем уже есть.

“Ну и хорошо”, поставил точку Коурун. “Тогда пошли дальше. Думаю, мы почти у цели”.

“Слушаюсь”, подчинился Воло, помогая Вудхосу поднятся на ноги.

“А ты не знаешь каких-нибудь историй о девушках дроу?” осведомился Хаукун по дороге.

“Вообще-то в Скуллпорте я слышал о молодой девушке по имени Лириэль, но боюсь, я не обратил внимание на детали. Возможно, вас заинтересует история о небольшом переполохе случившемся в Подгорье не так давно. Там произошла этакая комедия ошибок, пародия на приключение, и ввязались в это дело двое по имени Мирт и Дурнан, и…”

Вудхос постарался отключится от нового рассказа журналиста, столь любившего звук собственного голоса. Казалось, есть целых два Воло: навязчивый дурак, которому наплевать на то, что его похитили два идиота-дроу, и опытный

путешественник, чьи странствия были легендой. Вудхос полагал, что наблюдал этого, более почтенного джентльмена, только единственный раз, той ночью, когда их похитители сражались с такими же недоумками из рода куо-тоа, и понял что единственная надежда на спасение лежит в том обещании, что было дано ему тогда. Если он хочет спастись, эта предприимчивая сторона должна проявиться… и очень-очень скоро.

А может быть, это было всего лишь воображение.

У города

Когда Вудхос и Воло проснулись на следующий день, величайший путешественник Фаэруна заметил изменения в поведении их похитителей.

“Мы поблизости от города, не так ли?” уточнил он.

“Боюсь что да”, ответил Коурун, держащий в руках кожаный ремень. “Сейчас я снова свяжу вам руки”.

“Мы понимаем”, кивнул Воло, “но, пожалуйста, не слишком туго”.

Темные гибкие пальцы быстро проделали свою работу, и двое пленников вернулись в связанное состояние, в его сколь возможно безболезненном варианте.

Воло посмотрел на мэтра и громко произнес. “Ну что же, не так все плохо учитывая обстоятельства”. Потом, потише, прибавил “Что бы не случилось, держись со мной, даже если альтернатива будет казаться куда приятнее”.

“О чем это вы?” прошептал в ответ Вудхос.

“Если тебе предоставится выбор жизни в рабстве или медленной мучительной смерти вместе со мной, выбирай второе”.

“Почему?”.

“Я могу обеспечить твое возвращение в Скуллпорт, только если мы будем вместе. Всеми способами, оставайся рядом”, настойчиво повторил Воло, и резко оборвался поскольку один из дроу вновь подошел к ним.

“Знаешь, Свин, Перси или как ты себя зовешь, я буду вспоминать твою готовку”, признал Хаукун.

“Гм… спасибо за комплимент”, ответил Вудхос, пытаясь блюсти собственную гордость даже в таких обстоятельствах.

“Знаешь”, продолжил дроу, “как только мы доставим Воло матроне-матери, мы сможем замолвить за тебя словечко в одном из Домов, и возможно добудем тебе пост на кухне, вместо раба на фермах или еще чего похуже”.

“О, спасибо вам”, ответил повар быстро обмениваясь взглядами с вторым пленником, “но если вы не против, я лучше останусь со своим другом Воло. Вместе до конца и все такое, вы понимаете”.

“Нет, вообще-то”, ответил дроу, озадаченно почесав лоб и пробежавшись изящными пальцами по буйной белой гриве. “Но если ты и впрямь этого хочешь, не буду мешать. Хотя, конечно, глупо так терять отличного повара”.

“Уверен, в Мензоберранзане великое множество хороших

поваров”, вставил Воло.

“Не припомню такого”, ответил Хаукун, “хотя времени конечно много прошло”.

Вскоре отряд возобновил путешествие в прилегающие к городу районы, где им вновь, впервые после куо-тоа, стали попадаться другие путники. Отряд дроу проследовал в противоположном направлении, пропустив их без допроса; торговец-дроу, с ящером нагруженным товарами, прошел рядом едва заметив их, сосредоточившись на беседе со своим спутником-иллитидом.

“Интересно, знает он Маликса?” подумал вслух Вудхос.

“Едва ли”, ответил Воло. “Пожиратели мозгов часто встречаются в этих местах, но они почти не поддерживают контакта с теми своими сородичами, кто решил жить на поверхности”.

“А”, только и ответил бывший мэтр/повар/официант, думая какой еще источник его компаньон по плену, цитирует на сей раз.

“Опустите головы пониже когда мы войдем в город”, приказал Коурун, “и старайтесь выглядеть угнетенными и хмурыми”.

“Нет проблем”, совершенно искренне ответил Вудхос.

Оглянувшись назад, на иллитида и торговца, Воло заметил что они указывают кажется в направлении пути, по которому прошла четверка путешественников.

“Чуть не забыл”, пробормотал Воло. Затем громко объявил, “Коурун, думаю Перси и мне стоит снять башмаки прежде, чем мы попадем в город”.

“Зачем?” осведомился пленитель.

“Обычай такой, полагаю”, объяснил журналист, импровизируя на ходу, “по крайней мере, я так слышал, и думаю мы не хотим все испортить, тем более когда вы уже в шаге от возвращения вашей чести”.

Коурун повернулся к Хаукуну и спросил, “Ты помнишь что-нибудь насчет того, что пленников надо вводить в город босиком?”

“Нет”, ответил Хаукун, “но мы с тобой давно не были здесь, а он похоже многое знает о всяких таких вещах”.

Двое дроу помогли пленникам разуться, пока озадаченный Вудхос поглядывал на своего спутника в поисках объяснений.

“Поверьте мне”, добавил тот, “это важно”.

Вудхос понял, что последнее замечание было исключительно для того, чтобы успокоить его.

К счастью для двух связанных пленников, дорога впереди была гладкой, и не подвергала особым испытаниям их ноги.

Вудхос обратил внимание, что Воло похоже весьма заинтересовано оглядывается вокруг, будто пытаясь запомнить все окружающее за мгновения.

Дорога вышла в гигантскую пещеру, в которой был расположен город.

Все четверо мгновенно застыли, в изумленном преклонении перед его великолепием.

“Араурикаурак”, прошептал Воло, глядя широко распахнутыми глазами на эту красоту.

“Нет”, поправил Коурун, “Мензоберранзан”.

“Я использовал название дварфов”, заметил Воло отсутствующе, все еще поглощенный созерцанием. “Как я и представлял его”.

“Вы хотели сказать, как я помню его”, уточнил Вудхос. “Так ведь?”

“Неважно”, ответил путешественник “… наконец-то я здесь”.

Мензоберранзан

Город заполнял всю пещеру. Воло слегка ошибся, назвав его Араурикаурак. На самом деле это было название пещеры, дословно переводившееся с дварфьего как Пещера Великой Колонны. Легенда гласила, что вся эта местность когда-то была логовом гигантского паука, но учитывая склонность дроу к преувеличениям когда речь шла о арахнидах, достоверность этой истории была более чем открыта к дискуссиям.

С этой наблюдательной точки, на самой окраине и высоко над городом, они получили возможность осмотреть все красоты подземного комплекса.

Вудхос заметил озеро в дальнем конце пещеры, и с любопытством заметил, “интересно, как тут с рыбой?”

“Если повезет, узнаешь”, ответил Коурун. “Это Донигартен, где держат рабов. В близлежащих унавоженных полях ты наверняка найдешь подходящие грибы для приготовления рыбы”.

С такого расстояния бывший мэтр/повар/официант мог различить рабов, некоторые бороздили озеро на плотах, другие возились со скотом, а третьи уже и сами почти перестали отличаться от скота. Это было незавидное существование.

В самой высокой части города находился Тир Бреч, и Академия где тренировали дроу. И предчувствия рабской жизни у Вудхоса были столь же малоприятны, как и воспоминания, нахлынувшие на двух дроу, которые спустя долгое время вновь увидели место своей учебы.

На другой стороне города находился К’элларз’орл, плато отделенное от нижнего города рощей гигантских грибов. Там находились благородные Дома, и именно там Коурун и Хаукун собирались обрести подобающие почести. Многочисленные вспышки магического сияния в домах указывали, что там идут сразу несколько празднований, посвященных тому или иному событию.

“Скоро такие вечеринки будут посвящаться нам”, заметил Коурун с довольно-таки неприличной надменностью.

Над всей пещерой возвышалась колонна Нарбондель, оттенки ее сияния измеряли время дня. Гладкая хоть и необработанная поверхность была исключительно делом рук природы. Это была единственная структура в городе, чей облик не был изменен уверенными пальцами мастеров дроу.

Воло стоял в восхищении перед экзотической красотой этого места. Он обошел весь Торил, но нигде не видел города который мог бы сравнится с этим. Правда, ему не довелось побывать в

Нетериле или Корманторе, чья красота вошла в легенды, но оба этих города изчезли задолго до его рождения. Мензоберранзан был все еще полон жизни и красоты, пусть даже она и была оттенена злом.

Путешественники потеряли счет времени на обрыве, и наверно еще долго бы стояли замерев от восхищения, если бы их не прервали двое представителей Темных Владений, прекрасно знавшие как вести себя с нежелательными гостями.

“Что вы здесь делаете?” потребовал старший патруля, говоря на дроу так резко, что Воло едва мог понять. “Что вы делаете с этими двумя с поверхности”.

“Они наши пленники”, гордым унисоном ответили Коурун и Хаукун. “И мы пришли чтобы передать их матроне-матери”.

Указав на Воло, Коурун продолжил речь. “Вот этот”, объявил он гордо, “пытался запятнать честь нашей великой Лолт. Он посмел вторгнуться в ее владения, и сделал бы это предметом насмешки для всех обитателей поверхности, если бы мы его не остановили”.

Двое патрульных обменялись взглядами и сигналами на бесшумном языке дроу. Ни один не развеселился, и похоже они не знали что делать с этой четверкой. Наконец старший вновь обратил внимание на Коуруна и Хаукуна.

“Из какого вы Дома?”

“Дом Салато”, ответили два гордых воина, снова одновременно.

Стражи расхохотались, и Вудхос отчетливо услышал как Воло пробормотал “Охохо”.

“Этого Дома нет уже почти столетие”, объявил старший. “Его уничтожили после неудачной попытки подняться в ранге. Идите за нами”.

Лица обоих дроу отразили панику.

“Салато… нет?” закричали они. В унисон завопили и бросились в противоположных направлениях.

Вудхос почувствовал как неожиданно развязавшаяся рука Воло крепко ухватилась за его.

“Нефритовые пауки поохотятся за ними”, решил патрульный. “Давай-ка отведем этих пленников, и получив все награды, что полагаются за их пленение сами”.

“А куда они делись?” воскликнул второй, ибо двух пленников уже не было поблизости, они будто растворились в воздухе.

Возвращение в ГД

“Свин, ты где шлялся?”

Вудхос мгновенно узнал голос — это был Вурлицер, орк-бармен.

“Что ты здесь делаешь?” изумленно спросил Вудхос.

“Работаю”, ответил орк, “так же как и ты, до того как тебя уволили из Кирки Предателя за непоявление на работе неделю”.

Оглянувшись, Вудхос с удивлением обнаружил, что вновь находится в Гроге Джентльмена, в Скуллпорте, и его спутник, легендарный Волотамп Геддарм стоит рядышком.

“Как…?” попытался он выдавить вопрос.

“… долго ты отсутствовал?” дополнил орк. “Довольно прилично. Достаточно долго, чтобы Кирка Предателя получила нового повара. Он в общем не плох, но полагаю все согласятся, что до Свина Вудхоса ему далеко”.

“Нет… я …” бормотал Вудхос, все еще не понимая, что произошло.

“Принеси-ка нам два стаканчика чего покрепче, приятель”, вмешался Воло.

“Конечно, сэр”, повиновался Вурлицер. Помня чаевые которые оставил Воло в последнее свое посещение ГД, он быстренько отправился выполнять заказ.

“Что это было?” осведомился Вудхос, с облегчением ощутив возвращение к цивилизации, но все еще в немалом замешательстве от происшедшего.

“Мы вернулись в Скуллпорт”, спокойно объяснил путешественник.

“Это я понял”, сказал Вудхос, “… но как?”

“Телепортация”, объяснил Воло. “Я обучился кое-каким фокусам в недавнем кругосветном путешествии, в частности, использованию телепортирующих возможностей камней некромантов”.

“Камни некромантов?”

“А, спасибо”, прервал объяснение Воло, благодаря Вурлицера, принесшего напитки. “Камни некромантов — чудесная подмога путешественнику. Большие могут использоваться как временные порталы, вроде того, что я оставил здесь в начале путешествия и того, что я прихватил с собой. Маленькие же могут быть растолчены в пыль, которая оставит светящийся след, видимый только глазам тренированного мага”.

“Так вот почему мы должны были снять обувь перед входом в город”, понял Вудхос.

“Естественно”, подтвердил Воло. “Глупо было бы считать других дроу столь же туповатыми как Коурун с Хаукуном”.

“Но почему же вы хотели оставить следы?”

“Чтобы вернуться по ним снова — туда и обратно”.

“А как же первый раз? О котором написана книга… которая нас во все это и впутала?”

“Это было моим первым путешествием в Мензоберранзан”, признался великий журналист. “Я никогда там раньше не был. Книга была просто уловкой — крючком, чтобы поймать священную ярость какого-нибудь дроу, и заставить его отвести меня в город, дабы очистить репутацию Лолт”.

“Так *Воло в Мензо* нет?”

“Пока нет… но скоро будет. Давай покончим с нашей выпивкой, и я посвящу тебя в свои планы”.

Двое путешественников выпили, а затем еще заказали по две тарелки похлебки и еще по стакану грога. Отдохнув таким образом, Воло оплатил заказ, и пригласил Вудхоса проследовать за ним.

“Сейчас нам надо повторить наш путь той памятной ночью”, объяснил он. “Смотри”.

Воло убрал светящийся камень с ремешка на шее, прикрепил к его основанию другой многофасеточный кристалл и вернул камень обратно.

“Тренированные маги могут проследить эти следы невооруженным глазом”, объяснил Воло мгновенно оживив в памяти Вудхоса слова иллитида о светящейся пыли, “но я предпочитаю использовать это”.

Воло сфокусировал свет на дороге перед ними. Что было, мгновение назад, гладким неприметным камнем неожиданно украсилось парой сияющих отпечатков ног.

“Теперь, хорошенько отдохнув за ночь, я могу вернуться в город дроу, маскируясь, конечно, закончить мои исследования и — вуаля! — *Путеводитель Воло по Подземью* станет реальностью. Не хочешь присоединиться ко мне? Могу заверить, это путешествие будет куда легче, чем в прошлый раз”.

“Нет, благодарю”, ответил Вудхос. “Мне хватило приключений на весь остаток жизни”.

“Ну что же. Тогда по крайней мере я могу написать рекомендательное письмо. Если я правильно припоминаю, ты стал жертвой печальных обстоятельств в Зале Корабелов. Уверен, мое письмо сгладит все недоразумения. Гении вроде тебя не должны пропадать в беззвестности. Хоть я и потерял немного в весе за последнее время, но никогда не чувствовал себя столь удовлетворенным гастрономически, и этим я обязан тебе”.

“Благодарю вас, милостивый сэр”, ответил почтенный джентльмен, поняв что то, чего он так жаждал в самом начале их путешествия он только что получил даже не прося, и возможно вся эта эскапада все же оправдает себя.

“О, не стоит”, ответил журналист. “Пойдем, найдем себе комнаты на ночь. Завтра я напишу письмо и отправлюсь своей дорогой”.

Двое путешественников хорошо попировали вместе, и следующим утром проснулись поздно. Верный своему слову, Воло передал Вудхосу письмо, адресованное владельцу Зала Корабелов, прежде чем отправился по аллее, с которой началось их приключение. Бывший и в скором времени будущий мэтр/повар/официант решил проводить величайшего путешественника Фаэруна до окраин Скуллпорта, и попрощатся с ним, прежде чем тот возобновит свой путь в Подземье.

С камнями в руках и средствами для перевоплощения в сумке шел Воло, следом за ним шагал Вудхос.

Вудхос помнил сужающийся коридор и серию крутых правых поворотов, и был столь же удивлен как и Воло, когда они оказались в тупике.

“Ничего не понимаю”, сказал путешественник. “Отпечатки просто обрываются здесь. Ни портала, ни секретного прохода, ничего — просто глухая стена”.

В этот момент раздался смутно знакомый Вудхосу голос. “Ищете что?” спросил он. “О, это ты Свин. Давно не виделись”. Голос принадлежал Книтро, дварфу, давнему посетителю Кирки Предателя.

“Мы разыскиваем путь ведущий из города”, ответил Воло. “Я уверен, тут был такой”.

“Верно, был”, ответил Книтро, “пока я не засыпал его несколько дней назад. Землятресение дальше по коридору сделало весь тоннель нестабильным, так что я закрыл его. Я его выкопал, так что вправе был его закопать, и так я и сделал. Не беспокойтесь, есть множество подземных дорог от города. Одна ничем не лучше другой”.

Вудхос почувствовал жалость к своему соратнику по плену. Конечно, были и другие тоннели, только вот ни один из них не помечала светящаяся пыль, указывая путь. Волотамп Геддарм остался ни с чем.

“Ну ладно”, заметил тот. “Может, просто не судьба мне написать этот том. Все равно, я должен еще закончить *Путеводитель по Лунному Морю*, и я немного отстаю от графика; я даже чувствую угрызения совести, что оставил Джастина — моего издателя — на мели после того, как пообещал ему

удивительный бестселлер”.

“Что же”, заключил Вудхос. “Ничего не поделаешь. Давайте вернемся назад в гостиницу. Может, они позволят мне ненадолго воспользоваться их кухней, чтобы приготовить для вас утешительный обед”.

“Ничего если я с вами?” встрял дварф. “Я скучал по твоей жратве. Могу поспорить, в Подземье нет лучшего повара”.

“И правда”, воскликнул великий путешественник, “похоже это отличное решение. Кому нужен этот Зал Корабелов? Уж конечно не такому повару. Тебе стоит вернуться в Уотердип на позицию куда более подходящую твоим талантам. Порви-ка это письмо, я напишу другое, куда выгоднее для всех участвующих”.

“После еды, само собой”, уточнил Книтро, самовольно включивший себя в состав потребителей обещанного обеда.

“Конечно же. Конечно”.

Вудхос был возбужден подобным энтузиазмом великого журналиста, и помедлил лишь на секунду, чтобы еще раз вспомнить о их совместном путешествии. “Что, как вы думаете, будет с Коуруном и Хаукуном?”

“Вот этого я не знаю”, признался тот. “Учитывая, что они единственные выжившие из низверженного дома, законы дроу помечают их как подлежащих уничтожению. Но, говорят, Ао присматривает за простаками, и буду надеятся что это относится к дроу так же как и к обитателям поверхности. Но хватит задумываться о минувшем. Великие планы ждут, меня в Мулмастере, тебя в Уотердипе. Но сперва — кушать!”

“Вот чего я ждал”, влез Книтро. “Никто так жрачку не делает как Свин”.

“Перси”, поправил Воло.

“Какая разница”, хмыкнул Вудхос, и они быстрым шагом двинулись к гостинице.

Конец (Почти)

ПОСТСКРИПТУМ

Снова в издательстве

У Джастина Тима были все причины радоваться. *Путеводитель Воло по Тенистой Долине* перекрыл по популярности все предыдущие книги серии, возможно вследствие неожиданного предисловия от Мага Долины, заставившего не только самого издателя задуматься, чем же его дражайший журналист мог заставить Эльминстера оказать столь серьезное одолжение. *Кормир* так же продавался отлично, несмотря на попытки соперничающего издателя Делберта Ри внести сумятицу на рынок издав паршивейшую книгу *Кормир: История* от Грина Грабвуда (явный псевдоним), с обложкой больше чем отдаленно схожей с книгой от Джастина. Продажи ТВЛ были на высоте, и позиция лучшего издательства в Городе Роскоши — если не на всем Фаэруне — была прочно зарезервирована, по-крайней мере на ближайший год.

Все было окрашено в розовые цвета, думал Джастин, разглядывая находившиеся на этаж ниже под окном его оффиса крыши растянувшиеся вдоль весьма напоминавших коридоры лабиринта улиц города. Все же, до сих пор ни слова от Воло.

“Босс?” спросила мисс Элисса Сильверстейн, исключительно юно выглядящая блондинка, недавно сменившая мисс Латур на посту правой руки Тима. “К вам посетитель”.

Джастин развернул кресло от окна в сторону своей ассистентки.

“Отошли его, кто бы там ни был”, приказал он хмурым и незаинтересованным тоном. “У меня работа, и я не желаю отвлекаться”.

“Но босс”, настаивала она, “он говорит, у него есть сообщение от одного из ваших авторов”.

“Кого?”

“Мистер Геддарм”.

Джастин фыркнул про себя, подумав — как раз вовремя!

“Хорошо”, объявил издатель, “впустите его”.

Мисс Сильверстейн поторопилась прочь из комнаты, и тут же вернулась с бледнокожим господином, выглядевшим так, как будто он очень давно не видел солнца. Он протянул издателю пергаментный конверт, на котором красовалась печать корреспонденции Воло.

Быстро открыв его, Джастин прочел:

Джастин,

Благодарю за терпение.

Я отправляюсь в Мулмастер, закончить путеводитель по Лунному Морю.

Перед тобой стоит новая “великая находка”, с идеей потрясающего бестселлера. Используй свою традиционную маркетинговую магию, и успех нам всем обеспечен.

Скоро встретимся.

Всего наилучшего, Воло

Джастин одобрительно хмыкнул. Воло жив-здоров, книга скоро будет, значит и в мире все в порядке. Быстро пробежавшись по тексту он вновь обратил внимание на бледного джентльмена, стоявшего перед ним.

“Воло обычно весьма неплохо судит о потенциале продаж для новой идеи книги”, объявил Джастин. “О чем идет речь?”

Персиваль Галлард Вудхос глубоко вздохнул, призывая на помощь все резервы отваги, и заговорил. “Видите ли, это будет поваренная книга, в которой будет описано множество разновидностей подземных грибов. Весьма питательные, вкусные, великолепно подходят для желающих сбросить вес. Я дал ей предварительно название *Диета Подземья*”.

Джастин постарался задавить улыбку, и не выказывать излишний энтузиазм, который намекнет бледному на возможность задрать цену.

“Вижу”, произнес он насколько смог ровным тоном. “Продолжайте”, попросил он, откинувшись назад, и наслаждаясь удовольствием от того, что нашелся спаситель списка следующего года.

Конец (самый настоящий)